Мордовцев

Мамаево

побоище

89
7 7
146
10

7

МАМАЕВО ПОБОИЩЕ.

МАМАЕВО ПОРОЖНЕ

Пр. 974

I-3961
Пров. 52
П. 33.
ПРОВ. 2000

МАМАЕВО ПОБОИЩЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Ин-та им. А. И. ГЕРЦЕНА
63433.

Д. Мордовцева.

БИБЛИОТЕКА 3-го Д. Т. Г. Д. Педагогического ИНСТИТУТА

МОСКВА 1881.

Типографія А. Гатцука, Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго.

СОДЕРЖАНІЕ

Гл. I. Игрище Дидъ-Ладо и татарскій — набѣгъ. II. Царевичъ Арапша и пораженіе русскихъ при Пьянѣ-рѣкѣ. — III. Русскіе полоняники въ Ордѣ. — IV. „Мамай идетъ“. Русскіе князья у Сергія. Пересвѣтъ и Ослябя. — V. Выступленіе въ походъ. — VI. Ополченіе въ Коломнѣ. — VII. Таинственный Боброкъ. — VIII. Ночь наканунѣ битвы. Предсказаніе Боброка. — IX. Полчища сходятся. — X. Единоборство Пересвѣта съ Телебеемъ. — XI. Побоище. — Мамай одолѣваетъ. — XII. Засада и пораженіе. Димитрій подъ ракитовымъ кустомъ. — XIII Осмотръ поля битвы. — XIV Мамаево побоище продолжается понынѣ.

МАМАЕВО ПОБОИЩЕ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

I.

Игрище Дидъ-Ладо и татарскій набѣгъ.

Въ тихій, свѣтлый лѣтній вечеръ, у села Карачарова, на берегу Оки, на лужайкѣ, называемой «дѣвичьимъ полемъ», совершается «игрище»:—дѣвки и парни хороводъ водятъ.

Это было лѣтомъ 1376 года. Въ то далекое время народныя игрища совершались такъ же, какъ и въ настоящее время въ глухихъ захолустьяхъ русской земли, но только съ большею обрядностью и строгостью, словно бы это было нѣчто религіозное, торжественное, съ такими унаслѣдованными отъ старины пріемами, отступленіе отъ которыхъ казалось неумѣстнымъ, чѣмъ-то какъ-бы грѣховнымъ. Въ этихъ игрищахъ и въ ихъ пріемахъ, и въ напѣвахъ пѣсенъ, жила нетронутою та незапамятная

Библиотека 3-го ... Института

старина, когда браки совершались посредствомъ «умыканія дѣвицъ у воды», на этихъ самыхъ игрищахъ, когда «молились подъ овиномъ», «кланяясь роду и рожаницѣ», пѣли пѣсни Перуну, и Дидъ-Ладѣ, и Дажьбогу. Для этихъ обрядовыхъ игрищъ были особыя мѣста у селъ и городовъ—большею частью лужайки у воды, и назывались они «дѣвичьими полями», каковыя имѣлись около каждаго города и села.

Такое игрище совершалось въ одинъ лѣтній вечеръ 1376 года у села Карачарова, у того знаменитаго села Карачарова, въ которомъ когда-то родился богатырь Илья Муромецъ.

Дѣвки въ бѣлыхъ сорочкахъ и понявахъ, а иныя, по дѣвственной наивности того наивнаго времени, въ однихъ срачицахъ и съ бусами или съ краснымъ шиповникомъ вмѣсто бусъ на шеѣ, а парни въ рубахахъ и портахъ, и босикомъ, точь-въ-точь какъ изображены они еще въ видѣ «скиѳовъ» на Трояновой колоннѣ въ Римѣ и на куль-обской скиѳской вазѣ, —взявшись за руки и сплетаясь и расплетаясь, то сходясь плетнями, то разступаясь, ведутъ то «коло», то «конъ» —и поютъ звонкими, здоровыми, чистыми какъ у дѣтей голосами величаніе таинственному Дидъ-Ладѣ.

Въ то время, когда молодежь творитъ игрище и оглашаетъ воздухъ величаніями невѣдомыхъ боговъ старины, старцы и пожилые мужи и жены сидятъ кто подъ своими избушками на заваленкахъ, кто на травѣ, кто подъ

старинным дубомъ, подъ которымъ когда-то совершались еще приношенія лѣшему и русалкамъ, сидятъ, любуются играми молодежи и говорятъ о старинѣ, о современныхъ порядкахъ, о татарщинѣ, объ «удѣльныхъ которахъ», «усобицахъ» и «розратьяхъ». Тутъ же и дѣти, большею частью бѣлоголовые, непремѣнно босые, часто совсѣмъ голенькіе, то, копаясь въ пескѣ, играютъ въ «татаръ», «темниковъ» и «баскаковъ», то «собираютъ дань великому князю», то «гонятъ въ орду полоняниковъ», большею частью дѣвочекъ.

А «коло» звенитъ молодыми голосами:—парни, наступая лавой на дѣвокъ и хорохорясь, молодечествуя передъ ними, потряхивая русыми кудрями и притопывая босыми, широкими какъ у молодого медвѣдя лапами, выкрикиваютъ:

А мы просо сѣяли, сѣяли
Ой Дидъ-Ладо, сѣяли, сѣяли;

А дѣвки, держась за руки плетнемъ, задорно улыбаясь и поводя плечами и широкими какъ квашни бедрами, какъ-бы нехотя уклоняются отъ парней и вызывающе вывизгиваютъ:

А мы просо вытравимъ, вытравимъ,
Ой Дидъ-Ладо, вытравимъ, вытравимъ.

— А Илья Муромецъ, поди, тоже, какъ молодымъ былъ, такъ здѣсь на игрищѣ игрывалъ.

Это говорила молодая, курносенькая, свѣтлоглазая бабенка, которая сидѣла на землѣ у заваленки и «искала»

въ склоченной рыжей головѣ съ такою же бородою, лежавшей у нея на колѣняхъ.

Косматая голова повернулась бокомъ.

— Что баишь? проговорила она спросонья.

— Я, чай, и Илья Муромецъ, баю, игрывалъ здѣся на игрищѣ, какъ молодымъ былъ, повторила бабенка, продолжая «искать» въ головѣ мужа.

— Что ты, дура баба! Илья, чай, тридцать и три года сидѣлъ сиднемъ сидячимъ, покуль не пришли къ ему калики перехожіе, и онъ не выпилъ съ ими ковша браги... Гдѣ жъ ему на игрищахъ было игрывать! наставительно проговорила косматая рыжая голова.

— Ахъ что-й-то я, дура! и забыла, Перунъ те бей! спохватилась баба.

— Мама! мама! подскочила къ ней голенькая съ льняными волосками дѣвочка лѣтъ пяти:—Добрынька велитъ мнѣ потатарски молиться—кусту.

— Да онъ играетъ — онъ тебя нарокомъ въ полонъ взялъ, успокоивала мать мнимую полонянку.

А голоса парней гудѣли въ «колѣ»:

А чѣмъ-ту вамъ вытравить, вытравить?
Ой Дидъ-Ладо, вытравить, вытравить!

А горластыя дѣвки перекрикиваютъ:

А мы коней запустимъ, запустимъ,
Ой Дидъ-Ладо, запустимъ, запустимъ!

— Я не хочу, мама, въ полонъ! твердила бѣлоголовая дѣвочка.

— Ну инъ не играй съ Добрынькой, утѣшала ее мать!—играйте сами дѣвочки въ Ярилу.

Дѣвочка побѣжала къ сверстницамъ, радостно восклицая: «въ Ярилу! въ Ярилу!».

— Ишь дѣвка боится полону татарсково, улыбнулся плечистый, рослый, молодой мужикъ съ огромной, словно браслетъ, мѣдной серьгой въ ухѣ, сидѣвшій тутъ же на заваленкѣ рядомъ съ сѣдымъ какъ лунь старикомъ.— А теперево татары-тѣ ужъ не то, что въ старину были—не больно страшны... Вонъ какъ въ тѣ поры мы ходили съ суждальскими да съ мижегородскими, да съ московскими дружины, подъ воеводой подъ князь Димитріемъ подъ Болынскіемъ, Казань городъ громить, такъ выпущали они татаровя, на насъ громы-тѣ со стѣнъ— ужъ и перунили же гораздо собаки! — да выпущали на насъ велбудовъ стадо—страховиты таковы—съ горбами, шеи что у гуся, либо у лебедя — ревутъ и саплютъ страхъ!—а мы ну ихъ громить, ну громить—и вогнали въ городъ-атъ—и князи ихъ, Гасанки да Махметки, намъ челомъ добили и окупъ большой дали.

—А мы коней выловимъ, выловимъ,
Ой Дидъ-Ладо, выловимъ, выловимъ.
А чѣмъ-ту вамъ выловить, выловить?
Ой Дидъ-Ладо, выловить, выловить!
А мы уздомъ шолковымъ, шолковымъ,
Ой Дидъ-Ладо, шолковымъ, шолковымъ...

— Такъ-ту, такъ, Малютушка, качалъ сѣдою головою старикъ, прислушиваясь къ звонкимъ голосамъ игрища,

какъ парни хотятъ выловить коней «уздомъ шолковымъ»: — токмо коли бы у насъ, на Руси, не усобицы княжьи, коли бы Москва съ Тверью не которалася да суждальски князи съ рязанскими розратья не чинили да татаровей на насъ не водили... А то что—годъ, то насъ же и свои князи и татаровя пустошатъ и бьютъ и въ полонъ продаютъ... Послѣдни времена настали...

— Что жъ, дѣдушко,—ноли въ стары времена лучше было?

— Не въ примѣръ... При покойномъ царѣ Озбякѣ насъ, русскихъ людей, никто не смѣлъ обижать: какъ онъ десять князей-ту нашихъ сказнилъ въ ордѣ, такъ наши-тѣ князи стали ниже травы, тише воды, да и дань-ту брали побожески... А нонѣ съ насъ и рязанской князь кожу сдираетъ, и московской, и суждальской: станешь за Олега рязансково — Митрей московской зоритъ и пустошитъ, за суждальсково станешь — Пронской доѣзжаетъ... Пропадай они пропадомъ!

И старикъ, казалось, весь погрузился въ созерцаніе прошлаго, когда жилось лучше, когда и царь Озбякъ былъ могущественнѣе всѣхъ царей, и великіе князья были тише воды, ниже травы, и солнышко грѣло жарче молодыя кости, и небо было голубѣе, зелень зеленѣе... Онъ, казалось, и видѣлъ, и слышалъ это дорогое, незабываемое прошлое въ чужой молодости, вотъ въ этихъ звукахъ, что неслись съ игрища... Все, все измѣнилось; не измѣнились одни старыя игрища, не измѣнился го-

лось величанія Дидъ-Лада, величанія, подъ которое когда-то и онъ, старъ-престаръ человѣкъ, скакалъ молодыми босыми ногами, выслѣживая свою зазнобушку, толстокосую и широкобедрую, въ одной, въ единой лишь срачицѣ лебедь бѣлую, младую Рогнѣдь-дѣвку, которая такъ же, какъ вотъ и эти дѣвки, своимъ лебединымъ гласомъ величала:

А мы дадимъ сто куницъ, сто куницъ,
Ой Дидъ-Ладо, сто куницъ, сто куницъ!

А онъ, нынѣ старъ-престаръ человѣкъ, а тогда еще младъ, русокудръ Рогволодушко, своимъ зычнымъ голосомъ выгукивалъ своей Рогнѣдь-дѣвкѣ:

Не надоть намъ сто куницъ, сто куницъ,
Ой Дидъ-Ладо сто куницъ, сто куницъ!

А она, Рогнѣдь-дѣвка, заплетаясь плетнемъ съ другими дѣвками, какъ свирѣль свиристѣла:

А мы дадимъ семь вдовицъ, семь вдовицъ,
Ой Дидъ-Ладо семь вдовицъ, семь вдовицъ!

А онъ, младъ Рогволодъ парень, съ прочими парнями отвѣтствовалъ:

Не надоть и ста вдовицъ, ста вдовицъ,
Ой Дидъ-Ладо, ста вдовицъ, ста вдовицъ!

Тогда Рогнѣдь-дѣвка, подымая на Рогволода свои глаза—эки были зенки съ поволокой!—тихо выговаривала, маня къ себѣ Рогволода:

А мы дадимъ дѣвицу, дѣвицу,
Ой Дидъ-Ладо, дѣвицу, дѣвицу!

И Рогволодъ, широко разставляя босыя лапищи, медвѣдемъ шелъ на Рогнѣдь и выговаривалъ:

Охъ надоть намъ дѣвицу, дѣвицу,
Ой Дидъ-Ладо, дѣвицу, дѣвицу!...

Плетень дѣвичій и плетень изъ парней совсѣмъ переплетались и слышались возгласы то мужскіе, гогочущіе, жеребячьи, то дѣвичьи-лебединые:

— А котору вамъ дѣвицу? звенѣлъ лебединый голосокъ.

— Доброгнѣву! Доброгнѣву! орало нѣсколько глотокъ.

— Прекрасу! Гориславу! перекрикивали ихъ другія глотки.

— Верхуславу! Милолику! Вышеславу! орали третьи, смотря по тому, какая кому дѣвка нравилась.

— Давай всѣхъ дѣвокъ!—мы ихъ всѣхъ... завершалъ здоровенный голосище широкоплечаго, широколицаго, почти безъ профиля парня, который, раскрывъ мускулистыя руки и растопыривъ толстые какъ обрубки пальцы, казалось, хотѣлъ загарбить подъ себя всѣхъ дѣвокъ. Всѣхъ ихъ!...

— Любо! любо! Ярополкъ правду говоритъ! Ай да Ярополкушко! всѣхъ ихъ! всѣхъ! восторженно кричала вся мужская половина.

Но эти восторженные возгласы покрыты были мгновенно отчаянными, раздирательными криками дѣтей, которые, нѣсколько въ сторонѣ, на возлѣсьѣ, «играли въ татаръ и въ великихъ князей», заставляя меньшихъ ребятишекъ и дѣвочекъ кланяться «царю Мамаю», кото-

раго изображалъ изъ себя босой и безъ штановъ Добрынька, шустрый черноголовый мальчуганъ, заставлявшій потомъ своихъ «улусниковъ» и полоняниковъ кланяться калиновому «кусту».

— Татары! татары! кричали не своимъ голосомъ дѣти, стремглавъ несясь отъ лѣсу къ селу, цѣпляясь другъ за дружку, падая и снова отчаянно голося: —татары! татаровя!

Дѣйствительно, изъ-за лѣсу показались характерныя шапки золотоордынцевъ, синеордынцевъ, ясовъ и черкесовъ съ саблями въ рукахъ и зубахъ, съ арканами и луками за плечами. Съ страшнымъ гикомъ и алалаканьемъ неслись они прямо на игрище, поднявъ высоко правыя руки съ арканами...

Какъ испуганное стадо, бросились въ разсыпную парни и дѣвки, послѣднія съ страшнымъ визгомъ—кто въ село, къ избамъ, кто мчался къ лѣсу, кто прямо бросался въ Оку и плылъ на ту сторону.

Началась дикая ловля полоняниковъ: кто скакалъ за убѣгающей дѣвкой, кто пускалъ арканъ во слѣдъ бѣгущему парню, и арканъ, описывая въ воздухѣ дугу и свистя, захлестывалъ шею бѣгущаго, и тотъ со всего размаху падалъ навзничъ, вскидывая къ небу отчаянныя руки; иной уже тащился на арканѣ, какъ снопъ; другаго страшная волосяная петля захлестнула въ водѣ и тащила къ берегу; тотъ отчаянно бился въ рѣкѣ и тонулъ; то тамъ, то здѣсь извивалось на сѣдлѣ женское тѣло, болтались голыя ноги и руки, развивались по вѣтру

распущенныя дѣвичьи косы, жалобно выли дѣтскіе и женскіе голоса, ревѣлъ скотъ, отгоняемый отъ села хищниками, голосили бабы, причитали старухи...

Зажженное съ разныхъ сторонъ Карачарово горѣло какъ гигантская свѣча, словно бы силясь лизнуть голубое небо своими огненными языками...

Вихремъ налетѣвшіе хищники вихремъ и исчезли... Оставшіеся цѣлыми и спасшіеся въ лѣсу, въ водѣ и по оврагамъ карачаровцы сходились къ пылающему селу, отчаянно ломая руки и тщетно разыскивая тѣхъ, которые еще такъ недавно величали милосерднаго Дидъ-Ладу.

А тѣ, кого оставшіеся искали — Доброгнѣвы, Верхуславы, Гориславы, Прекрасы, Милолики, Переславы, Добрыни и Ярополки велись въ далекій, невѣдомый край, въ страшную, ненасытимую орду...

II.

Царевичъ Арапша и пораженіе русскихъ при Пьянѣ-рѣкѣ.

—

Старый Рогволодъ, помнившій еще владычество надъ Русью грознаго царя Узбека, былъ отчасти правъ, говоря, что подъ прежними золотоордынскими царями Руси жилось легче, чѣмъ стало теперь, при Мамаѣ. Все это произошло, можно сказать, на глазахъ стараго Рогволода. Татары, а еще менѣе ихъ цари, сами никогда не вмѣшивались въ то, какимъ образомъ шла жизнь въ покоренныхъ ими «улусахъ» — на святой Руси, и что дѣлали тамъ ихъ «улусники», великіе и малые князья въ своихъ удѣлахъ. Золотоордынскіе цари одно наблюдали, чтобы русскіе князья неукоснительно разъ въ годъ являлись въ ихъ ставку предъ свѣтлыя очи царя — для поклона и для поднесенія разъ положенной дани. Но едва какой-нибудь изъ князей забывалъ свой долгъ передъ грознымъ властителемъ, какъ тотчасъ же изъ Орды являлись ба-

скаки, темники, и всякая темная сила и вооруженною рукою собирала дань—«взимала недоимку». Тѣмъ дѣло и кончалось. Но зло росло не въ Ордѣ, а въ нѣдрахъ самой русской земли. Царская власть, какую князья видѣли въ Ордѣ, стала прельщать и ослѣплять ихъ: имъ самимъ захотѣлось быть царями; а этого можно было достигнуть — или утопивши другихъ удѣльныхъ князей клеветой передъ царемъ Кипчака, или подольстившись къ нему данью бо́льшею, чѣмъ давали другіе князья, другіе «улусники...»

И вотъ съ этихъ поръ, какъ замѣтилъ сѣдой Рогволодъ, «стала стонать русская земля». Князья ссорились между собой изъ-за удѣловъ, изъ-за болѣе крупныхъ ломтей русской земли—и ходили войною одинъ на другого, воевали такимъ образомъ свою же, русскую землю, пустошили русскіе города и села. Грызясь другъ съ другомъ, они обирали свой народъ, какъ липку, лишь бы было чѣмъ выслужиться въ Ордѣ — поднести большій кушъ «владыкѣ владыкъ», и тѣмъ насолить князю сосѣду. Тверской князь грызся съ московскимъ, московскій съ рязанскимъ, рязанскій съ пронскимъ, но болѣе всѣхъ грызъ сосѣдей московскій, который забиралъ силу, понявъ ранѣе другихъ, что сила—въ деньгахъ. А понявъ это, онъ сталъ собирать дани втрое больше того, что давалъ въ Ордѣ, а остальное — копилъ на черный день...

Въ ту пору, съ которой начинается нашъ разсказъ,

Москва уже богаче стала всѣхъ своихъ сопротивниковъ, и Твери, и Рязани, и Нижняго, и осилила всѣхъ ихъ, а Орда послѣ грознаго Узбека стала понемногу разшатываться. Москва это видѣла и иногда показывала самой Ордѣ, что не дастъ себя въ обиду. Мало того, Москва успѣла побывать подъ стѣнами Казани и тамъ показала свою силу. Это, по выраженію стараго Рогвольда, «Москва показала Ордѣ зубы...»

«Такъ надо эти зубы выбить», рѣшилъ Мамай, ставшій около этого времени царемъ въ Ордѣ и владыкою всей русской земли. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Самъ Мамай пока не двигался съ мѣста, а послалъ наказать своихъ «рабовъ и улусниковъ» царевича Арапшу, пришедшаго къ нему изъ Синей Орды съ толпою хищниковъ. Хищники разсѣялись небольшими партіями по окраинамъ рязанской, муромской и нижегородской земли. Лѣвымъ крыломъ они захватили Карачарово, Муромъ и съ добычею поворотили къ востоку, чтобы соединиться съ главными силами Арапши, двигавшимися по направленію къ Нижнему.

Вѣсть о нашествіи Арапши быстро пронеслась по нижегородской, суздальской и московской землѣ. Удѣльные князья этихъ областей поняли опасность и поспѣшили соединить свои рати, усиливъ ихъ свѣжими дружинами. Союзныя рати бодро шли навстрѣчу врагу, помня, что онѣ уже не разъ въ прежнихъ стычкахъ съ татарами «давали сдачи» своимъ бритоголовымъ господамъ, а не-

давно и подъ самою Казанью «ратоборственно утерли пота за русскую землю». Рати двигались на полдень, по направленію къ рѣкѣ Пьяной, которой не должны были миновать «толпища» Арапши, слѣдовавшія по возвышенному сырту отъ Волги, по сырту, составлявшему водораздѣлъ трехъ системъ рѣкъ—Волги, Дона и Оки и представлявшему наименѣе трудныхъ переправъ черезъ рѣки, чего особенно не любили степные хищники. Къ московскимъ и суздальскимъ дружинамъ примкнули муромцы и карачаровцы, уцѣлѣвшіе отъ послѣдняго набѣга лѣваго крыла «арапшатины», захватившей въ Карачаровѣ и въ Муромѣ не малый полонъ дѣвками, парнями и малыми дѣтьми. Захваченъ былъ и тотъ маленькій, босоногій, еще «не доросшій до портовъ» Добрынька, который на послѣднемъ игрищѣ изображалъ изъ себя «царя Мамая» и заставлялъ своихъ босоногихъ сверстниковъ и сверстницъ, якобы «великихъ князей», кланяться и себѣ и калиновому «кусту», вызывая тѣмъ неудержимый плачъ маленькихъ дѣвочекъ, боявшихся, что въ кусту сидитъ «бука», самъ «дѣдушка лѣшій».

Русскія рати шли, по любимому тогдашнему выраженію, «аки борове»—словно лѣсъ, словно темный боръ, а не какъ ошибочно переводилъ это выраженіе покойный историкъ, высокочтимый Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ: «точно боровы, кабаны»... нѣтъ—словно темный боръ.

Рати перешли черезъ Пьяну рѣку:—уже за «шеломя-

немъ» осталась русская земля. Начиналась земля мордовская. Наступалъ августъ — самая жаркая пора, послѣдніе знойные дни лѣта. Рати двигаются тихо, съ развалкою; да иначе нельзя, и невмоготу: солнце, поворотивъ съ лѣта на зиму и какъ бы прощаясь съ зеленью полей и луговъ, съ голубыми озерами и рѣками, съ красножелтыми песками изъ береговъ и яругъ, съ темною зеленью лѣсовъ,—печетъ и маритъ невыносимо. Птицы, что еще кое-гдѣ покрикивали и звенѣли въ зелени дубравъ, отъ жару и упеки попрятались въ чащу и смолкли. Ратные кони, допекаемые жарой и удрученные тяжелыми боевыми доспѣхами, идутъ лѣниво, потряхивая головами и пофыркивая. И конникамъ жарко и душно: они ѣдутъ, разстегнувши всѣ петли, распахнувши охабни и сарафаны. Пѣшія рати, истомленныя упекой, идутъ въ разбродъ, словно стада съ водопоевъ, раздѣтыя до рубахъ и портовъ, босикомъ и съ голыми большею частью руками: сулицы, копья, рогатины и стрѣлы съ луками и колчанами свалены въ обозъ, на телѣги, чтобы вольготнѣе было идти...

Гулъ, говоръ, ржаніе коней, да и то лѣнивое, скрипъ немазаныхъ телѣгъ, и надъ всѣмъ этимъ пыль клубами такъ и стоитъ, лѣниво клубясь, не будучи относима вѣтромъ... Вѣтру нѣтъ—и ему жарко, и онъ усталъ дуть... Два-три стяга трепались въ воздухѣ, блестѣли золотомъ шитья бѣлыхъ княгининыхъ да боярышниныхъ ручекъ, да и тѣ ужъ не треплются—сложены въ обозъ.

— Привалъ бы ужъ—могуты нѣтъ, братцы, слышатся усталые голоса.

— Вонъ тамотка, гдѣ борочекъ зеленъ—добро-бы...

— Да и вода тамотка, братцы—ахъ!

— Да то Пьяна рѣка, чу—лукою излучилась...

Слышны рѣчи въ передовомъ полку. Имъ отвѣчаютъ на крыльяхъ, вездѣ...

— Привалъ! любо! любо!

Все оживилось — куда и усталость дѣвалась! Лошади весело поднимали головы и ржали словно на перебой одна другой. Ратники бросились къ водѣ, на бѣгу срывали съ себя рубахи, крестились и со всего размаху кидались въ воду. Крикъ, смѣхъ, плескъ воды, перебрасыванье шутками—стономъ стоналъ весь излучистый берегъ рѣчки, которая скоро совсѣмъ была запружена человѣческими тѣлами и, казалось, вышла изъ берега отъ этихъ массъ брошеннаго въ нее живаго жаркаго человѣческаго мяса... Самая вода, казалось, нагрѣлась этими жаркими тѣлами и больше не холодила купающихся.

Выкупавшіеся спѣшили одѣваться, прыгая и валяясь по примятой травѣ. Кто потерялъ рубаху, кто искалъ порты. Путались одежой, отнимали другъ у дружки: тотъ кричитъ—«не замай—мое!»—тотъ: «анъ мои порты—мой гашникъ!»—«Врешь! моя рубаха!»... Полетѣли въ воздухъ крѣпкія слова, какія и татарину «неудобь есть глаголати»... «Да ты не лайся! не крѣпи словесами!»—

«Я не крѣплю! я не песъ!» — «Да мнѣ что! да я тебя разтакъ!...»

— Стой, братіе, не лайся! усовѣщиваетъ товарищей старый воинъ, благочестивый, расчесывая мѣднымъ гребешкомъ мокрые волосы.—Аще которой человѣкъ коего дни матерны излаетъ, и тово дни уста его кровію закипятъ злаго ради словесе и нечистаго ради смрада, исходящаго изъ устъ...

— Ну, пошелъ, святитель, плести «аще!» смѣется молодежь:—поучи татаровей, какъ придутъ—а то еще!...

— Аще, братіе, великое слово, не смѣйся надъ имъ—не лайся... Сія бо брань...

— Сказывай! слышали!..

— Се есть, братіе, брань песья; псомъ бо дано есть лаяти. А въ которое время человѣкъ матерное излаетъ, и въ то время небо и земля потрясется о таковомъ словеси...

— Анъ вонъ, чу, не потряслась, какъ Микитка тебѣ загнулъ!..

Къ привалу между тѣмъ подоспѣлъ и обозъ, нагруженный оружіемъ—сулицами, рогатинами, копьями, стрѣлами, красными какъ огонь щитами, провіантомъ, боченками съ пивомъ, медами, зеленымъ и не зелеными винами для князей и воеводъ. Цѣлый огромный таборъ образовался изъ обоза. Обозные распрягали лошадей, кричали, ругались, спѣша скорѣе выкупаться и выкупать лошадей. Шатровая прислуга разбивала наскоро шатры для военачальниковъ и бояръ, которые также, томимые жа-

ромъ, плескались въ Пьяной, охлаждая свое боярское тѣло и выполаскивая свои бороды и головы отъ пыли и поту.

Изъ возовъ вытаскивались боченки съ прохладительными и горячительными напитками и подкатывались къ разбитымъ шатрамъ. Вынимались дорожные погребцы съ золотою и серебряною посудою для ѣды и питья — съ чарами, стопами, кубками, ендовами, братинами.

Скоро все союзное воинство начало утѣшаться брашнами и питіемъ. Простые ратники ѣли сухари и хлѣбъ, заѣдая лукомъ и огурцами, у кого таковые были, и запивая водой, брагой и зеленымъ виномъ. Бояре кушали кокурки, печеныя яйца, всевозможные копченые и соленые полотки — гусиные, утиные и лебединые. Тотъ поѣдалъ копченаго куровя, тотъ баранью ногу, гложа прямо изъ рукъ, побожески, и вытирая засаленные пальцы либо объ ширинки, либо прямо объ русы кудерюшки. Бояре кушали распоясавшись, потому—упека, Богъ теплынью пожаловалъ. Петли у рубахъ и охабней отстегнуты — вольготно такъ, хорошо. А меды пьяные такъ и пѣнятся въ рогахъ и чарахъ: рога и полныя братины переходятъ изъ рукъ въ руки, отъ однихъ жаркихъ устъ къ другимъ боярскимъ да княжескимъ устамъ. Хмѣль бьетъ въ голову, вызываетъ хороборство, похвальбу, засучиванье рукавовъ.

— Да мы-ста ихъ, кобыльихъ дѣтей! мы имъ покажемъ, каковы суть нонѣ русичи хоробрые! похвалялся молодой воевода, князь Иванъ Димитріевичъ, сынъ ниже-

городскаго князя Дмитрія Константиновича, тестя московскаго великаго князя Димитрія Ивановича.

— Мы ихъ, кобылятниковъ, вспаримъ! не то нынѣ времячко стало, что было—мы ихъ, конеядцевъ! подбавлялъ жару московскій воевода, засучивая рукава и рыкая на всю княжескую ставку.

— Не устрашитъ нонѣ хоробрихъ русичей и самъ Мамаишко, песъ, а то на! Арапша—Арапшишко нѣкій—синеордянинъ... Мы нонѣ и на Золоту Орду плевать хотѣли!

— Намъ нонѣ подавай семерыхъ татаровей на единаго русича!

— Противу насъ никто! никто же на ны!—съ нами самъ Гюрги-побѣдоносецъ—вотъ кто!

Въ сторонѣ отъ воеводскихъ и боярскихъ шатровъ, по берегу Пьяной, кучами сидѣли простые воины и также проклажались. Карачаровецъ Малюта разсказывалъ, какъ они съ воеводою, съ княземъ Димитріемъ Волынскимъ, Казань добывали, какъ при этомъ на нихъ «велбуды» ревѣли и какъ они тѣхъ «велбудовъ» не испужались. Одинъ молодой воинъ, что звали Микиткой и что хитрецъ былъ всякое крѣпкое слово загнуть, сидѣлъ вмѣстѣ съ другими ратными подъ ракитовымъ кустомъ и лѣниво тянулъ, подперши щеку ладонью:

Ахти во Москвѣ у насъ, братцы, нездорово!
Заунывно въ большой колоколъ звонили...

— Полно выть! перебивалъ его другой ратный: — и безъ твово вытья кручинно.

— Что кручинно! или по бабѣ? — Такъ не спѣть ли тебѣ про Чурилью-игуменью?

Кабы русая лиса голову клонила,
Пошла то Чурилья къ заутрени,
Будто галицы летятъ, за ней старицы идутъ,
Молоды бѣлички съ дѣвьимъ старостою,
Съ молодымъ пономаремъ Иванушкою,
Что больно гораздъ былъ къ заутрени звонить...

— Тьфу ты, окаянный! огрызался невеселый ратный.

— Такъ не ту завелъ? — не люба? дразнилъ его Микитка:—такъ може эту?

При старцѣ было при Макарьѣ,
Было беззаконство великое...
Старицы по кельямъ родильницы,
Черницы по дорогамъ разбойницы...

— А въ кое веремя кой человѣкъ что бологое поетъ, доброе, и въ оно веремя аньделъ ево радуетца, а бѣсъ плачетъ, а въ кое веремя человѣкъ той похабь поетъ, и въ то веремя аньделъ, крылышками закрывшись, плачетъ, а бѣсъ скачетъ и руками плещетъ, ораторствовалъ старый благочестивый воинъ въ назиданіе младымъ игрецамъ.

А младой игрецъ, какъ бы на зло благочестивцу, играя пальцами на губахъ, какъ на балалайкѣ, затянулъ еще болѣе разухабистую:

Отъ обѣдни да къ игумнѣ,
Отъ вечерни да въ харчевню,
Всякой день онъ напиваетца,
Въ кабакѣ пьяной валяетца...

— Ну, выходи, кто есть живъ человѣкъ! подавай мнѣ татаровей поганыхъ! всѣхъ зашибу! хорохорился совсѣмъ уже опьянѣвшій суздалецъ, поплевывая въ ладоши и грозя невѣдомо кому.

— Такъ ихъ! такъ жеребячьихъ сыновъ! подзадоривалъ Микитка.

— Ай да богатырь! ай да ратнище Игримище! не спущай имъ босымъ головамъ!

Вдругъ съ разныхъ сторонъ послышалось дикое, неистовое гиканье, точно-бы неслись откуда-то цѣлыя стада взбѣсившихся звѣрей, собакъ и волковъ. Въ воздухѣ засвистали и завыли стрѣлы, зазвенѣло оружіе, заржали лошади. Облака пыли полузакрывали что-то страшное, темною тучею охватывавшее съ трехъ сторонъ растерявшіяся русскія рати.

— Арапша! Арапша! пронеслись по всему стану испуганные крики.

Растерянные отъ неожиданности, обезумѣвшіе отъ страха, пьяные и непьяные кидались воины къ обозу, ища своего оружія, спотыкаясь и падая. Испуганные кони неслись черезъ станъ къ рѣкѣ, опрокидывая все на пути— шатры, телѣги, боченки съ медами, мечущихся ратныхъ.

А стрѣлы напирающаго со всѣхъ сторонъ нежданнаго врага уже пронизывали шатры, впивались въ землю, сбивали листья съ деревьевъ, вонзались въ беззащитное тѣло русичей, ранили и доводили до бѣшенства коней...

Татары уже тутъ, въ самомъ станѣ. Князь Иванъ

Димитріевичъ, наскоро облачившись въ тяжелые боевые доспѣхи и ступивъ въ стремя подведеннаго къ нему коня, кричалъ, надрывая грудь, чтобы строились въ ряды, подымали стяги... Напрасно! голосъ его замиралъ въ невообразимомъ гамѣ и ревѣ нечеловѣческихъ голосовъ и воплей...

Пошли въ ходъ арканы, сабли, рукопашная свалка... Впереди татарскаго войска, на бѣломъ арабскомъ конѣ, какой-то маленькій, сухой, тщедушный и черный какъ эѳіопъ татарченокъ дико визжалъ, отдавая приказанія и сверкая въ воздухѣ изогнутымъ клинкомъ: — это былъ самъ Арапша царевичъ, свирѣпый эзіятъ, выросшій на сѣдлѣ и вскормленный постоянною войною.

Русичи опрокинуты въ воду... Какъ овцы бросились они въ рѣку, тонули, топили и давили другъ дружку. Пьяна была скоро запружена русскими тѣлами. Иные по этимъ тѣламъ перебирались на тотъ бокъ рѣки и спасались бѣгствомъ...

Весь обозъ, шатры, запасы, оружіе, одежа—все было во власти татаръ...

По ту сторону Пьяной, у самаго берега, изъ помятой осоки блестѣлъ золоченый шлемъ надъ молодымъ мертвымъ лицемъ: — молодой утопленникъ былъ военачальникъ злополучныхъ русичей, князь Иванъ Дмитріевичъ нижегородскій...

Долго помнили потомъ русичи рѣку Пьяную.

III.

Русскіе полоняники въ Ордѣ.

—

Послѣ несчастной для русскихъ битвы на берегахъ рѣки Пьяной, Арапша, опустошивши на сотни верстъ кругомъ города и села, съ огромною добычею и полономъ. возвращался въ Орду. Черезъ земли мордовскихъ князей, которые ему помогали, онъ вышелъ на Волгу и направился къ малой столицѣ хановъ—къ Укеку, стоявшему на возвышенномъ берегу этой рѣки, въ двѣнадцати верстахъ ниже нынѣшняго Саратова.

Въ концѣ августа, когда загоны Арапши приблизились къ Укеку, погода стояла ясная, совершенно лѣтняя, хотя уже безъ лѣтняго зноя. Загоны слѣдовали по возвышенію, съ котораго глазамъ путника открывались виды на необозримое пространство. Полоняники и полонянки, которыхъ было нѣсколько сотъ, шли съ обозомъ, а болѣе слабые, особенно же молодыя дѣвушки и дѣти были посажены на телѣги, нагруженныя добычею, или же на смирныхъ вьючныхъ лошадей. Пѣшіе шли сворами, навязанные на длинные канаты, и только нѣкоторые изъ

нихъ, болѣе безпокойные и сильные, были прикованы къ телѣгамъ или скованы попарно ручными и ножными кандалами. На одной сворѣ шли, рядомъ съ телѣгою, знакомые уже намъ карачаровцы, которыхъ татары захватили на игрищѣ, въ самый разгаръ величаній таинственнаго Дидъ-Лада. Ражій, здоровенный дѣтина, котораго называли Ярополкушкой и который за «выкупъ коней», «потоптавшихъ просо», требовалъ не одну «дѣвицу», а «всѣхъ дѣвокъ», былъ прикованъ къ телѣжной оглоблѣ и шелъ словно продажный жеребецъ въ легкой пристяжкѣ, безъ хомута.

Рядомъ съ нимъ шла большекосая и полногрудая Доброгнѣва, карачаровская красавица, босая, какъ была и дома, и съ каменными пестрыми бусами на загорѣлой шеѣ. Хоть татары иногда и отгоняли ее отъ прикованнаго молодца, отводили въ другую свору полоняниковъ, но она отъ этого такъ худѣла и спадала съ тѣла, что ее опять, какъ телку къ коровѣ, подпускали къ Ярополку, и она опять полнѣла и здоровѣла. Тутъ-же шли и другія карачаровскія дѣвки—Гориславa, Прекраса, Верхуслава. Маленькій Добрынька, что еще недавно выдавалъ себя за Мамая, не могъ выносить долгаго пути въ Орду и потому былъ посаженъ татарами на телѣгу въ видѣ погонщика.

Полоняники поражены были видомъ, который развернулся передъ ихъ глазами съ нагорнаго берега рѣки, никогда ими невиданной. Прямо передъ ними—городъ,

обнесенный высокими зубчатыми стѣнами. Это Укекъ, отъ котораго въ настоящее время уцѣлѣли только кучи мусора. На поворотахъ стѣнъ возвышаются остроконечныя башни. Въ разныхъ мѣстахъ торчатъ тонкія иглы минаретовъ. Чѣмъ-то сказочнымъ вставалъ передъ глазами изумленныхъ полоняниковъ этотъ городъ, въ которомъ не было ничего похожаго на то, что доселѣ ими было видано. Казалось, что не люди тамъ живутъ, а что-то тоже сказочное:—змѣи-горынычи, стерегущіе прекрасныхъ полонянокъ. бабы-яги, летающія въ ступахъ, или соловьи-разбойники.

А тамъ далѣе—широкая, какъ море, рѣка. Не видать ни начала, откуда она несетъ цѣлое море воды, ни конца, къ которому стремится эта голубая вода. Тамъ и сямъ виднѣются плывущія суда...

— Ока-матушка! родненька! невольно вырвалось изъ груди Доброгнѣвы.

— Не Ока это, Гнѣвынька, печально покачалъ головой прикованный къ оглоблѣ молодецъ.

— Не Ока, баишь? удивилась Доброгнѣва.

— Не Ока — Ока у насъ, въ Карачаровѣ... А это, поди, Дунай...

— Что въ пѣснѣ-то поется?

— Онъ, Гнѣвынька.

И оба замолчали въ тяжеломъ, безнадежномъ сознаніи, что ихъ загнали на край свѣта, къ пѣсенному тихому Дунаю да къ морю Хвалынскому.... А за этимъ

Дунаемъ виднѣется безконечная степная даль, которая сходится съ концомъ свѣта и на которую опустилось краемъ голубое небо.

Въ это время впереди показался обозъ изъ нѣсколькихъ колымагъ и телѣгъ крытыхъ и некрытыхъ. Новый обозъ пересѣкалъ путь, по которому слѣдовали полоняники. Въ колымагахъ и около нихъ виднѣлись черныя фигуры съ черными шапочками и покрывалами на головахъ, напоминавшія монаховъ.

Татары, сопровождавшіе полоняниковъ, съ криками и высвистами обскакали обозъ со всѣхъ сторонъ, повидимому требуя, чтобъ обозъ остановился. Онъ дѣйствительно тотчасъ же остановился. Нѣкоторыя изъ черныхъ фигуръ перекрестились.

— Мати Божа! никакъ наши—кресты творятъ! изумленно воскликнула Доброгнѣва.

— И то наши: ни то попы, ни то чернецы—Микола угодникъ! удивился и прикованный малый.

— Чернецы—чернецы и есть!—Матушки!..

И полоняники толпою сунулись къ обозу, обступили его, несмотря на татарскія нагайки, которыми отгоняли любопытныхъ отъ колымагъ.

Подскакалъ и Арапша на своемъ бѣломъ аргамакѣ. Слышались крики, вопросы. Изъ передней, самой обширной и богато убранной колымаги, поддерживаемый чернецами, вышелъ высокій старикъ въ бѣломъ клобукѣ и съ золотымъ крестомъ на груди. Въ рукѣ у него былъ

посохъ. Сѣдая длинная борода, старческій видъ и кроткіе, проникающіе въ душу глаза, внушали повидимому страхъ и почтеніе самимъ татарамъ.

— Миръ вамъ, людіе, чада единаго Бога! кротко произнесъ старикъ, благословляя на всѣ стороны.

Арапша, приподнявшись на сѣдлѣ всею своею тщедушною фигурою, сказалъ что-то стоявшему рядомъ съ нимъ всаднику въ богатомъ татарскомъ одѣяніи. Тотъ кивнулъ головой, на которой красовалась зеленая чалма.

— Ты кто еси, старче? спросила зеленая чалма съ горловымъ татарскимъ выговоромъ.

— Азъ есми Михайло, божіею милостію и ярлыкомъ Атюляка-царя, митрополитъ кіевскій и всеа Руссіи, отвѣчалъ старикъ.

Зеленая чалма передала эти слова Арапшѣ. Арапша снова сказалъ что-то чалмѣ.

— А гдѣ твой ярлыкъ Атюляка-царя? спросила чалма.

Митрополитъ распахнулъ свою черную мантію, подъ которой висѣлъ у него на груди складной образъ, украшенный дорогими камнями, и, раскрывъ складень, досталъ оттуда сложенную вчетверо бумагу.

— Се ярлыкъ Атюляка-царя, сказалъ онъ, подавая бумагу зеленой чалмѣ.

Чалма взяла бумагу, бережно развернула ее и, показавъ Арапшѣ, тихо пояснила: «тамга—салгатъ—карапчи»... Арапша кивнулъ головой и опять что-то промолвилъ.

«Безсмертнаго Бога силою и величествомъ», громко

читала ярлыкъ зеленая чалма.—«Изъ дѣдъ, изъ прадѣдъ, отъ первыхъ царей и отъ отецъ нашихъ, Атюлякъ-царь слово рекъ, Мамаевою мыслію дядиною».

При словахъ «Атюлякъ» и «Мамай» Арапша прикасался пальцами ко лбу и прижималъ ладонь къ тому мѣсту, гдѣ у него должно бы было быть сердце.

«Ординскимъ и улуснымъ всѣмъ и ратнымъ княземъ—продолжала зеленая чалма — и волостнымъ дорогамъ и княземъ, писцемъ и таможникомъ, и побережникомъ, и мимохожимъ посломъ, и сокольникомъ, и пардусникомъ, и бураложникомъ, и сотникомъ, и заставщикомъ, и лодейникомъ, или кто на каково дѣло ни пойдетъ, и многимъ людемъ. Отъ первыхъ царей при Чингисъ-царь, и по немъ иные цари, Азизъ и Бердибекъ, и тіи жаловали церковныхъ людей, а они за нихъ молились. И весь чинъ поповскій, и всіи церковніи людіи, не токмо жаловали ихъ, какова дань ни буди, или какая пошлина, или которые доходы, или заказы, или работы, или кормы,—ино тѣмъ церковнымъ людемъ ни видити, ни слышати того не надобь, чтобъ во упокои Бога молили и молитву за нихъ воздавали Богу...»

Арапша прервалъ чтеніе, взялъ изъ рукъ читающаго ярлыкъ и сталъ его разсматривать: посмотрѣлъ на «алую» тамгу, оборотивъ ее, взглянулъ на шнурокъ и, снова приложивъ руку ко лбу и къ сердцу, подалъ бумагу митрополиту.

— Великъ ярлыкъ, улыбнулась зеленая чалма:—и ала

тамга есть... Данъ ярлыкъ не заячьяго, а овечья лѣта— дарыка въ семьсотъ осьмое лѣто... Хорошъ ярлыкъ, крѣпка... А куда, старче святой, ѣдешь? спросила чалма.

— Изъ Орды въ Кіевъ, на свой столъ, отвѣчалъ митрополитъ, пряча ярлыкъ въ складни.

— Съ Богомъ, старче.

Арапша ударилъ въ ладоши. Стоявшій за нимъ татаринъ затрубилъ въ рогъ, и Арапша вмѣстѣ съ зеленой чалмой поѣхали далѣе къ Укеку.

Полоняники бросились къ митрополиту цѣловать руки. Женщины и дѣти плакали. Старикъ усердно крестилъ ихъ, поднимая къ небу глаза, на которыхъ тоже блистали слезы.

— Не плачьте, дѣти... Молитесь Богу единому въ троицѣ—той свободитъ вы изъ плѣненія, говорилъ онъ, усаживаясь въ свою колымагу.

— Батюшко! голубчикъ! угодничекъ! плакалась Доброгнѣва, цѣлуя мантію митрополита.

— Молись за насъ, святой митрополитъ! слышались другіе голоса полоняниковъ.

— Буду-буду молиться о страждущихъ, плѣненныхъ— буду, дѣтки мои! говорилъ старикъ, осѣняя крестомъ толпившихся около колымаги злополучныхъ соотечественниковъ.

Опять затрубили рога, послышались татарскіе возгласы. удары нагаекъ... Все двинулось въ путь — и колы-

маги, и телѣги съ черными фигурами скоро скрылись изъ виду.

Встрѣча полоняниковъ съ своими черными соотечественниками была такъ неожиданна и такъ глубоко поразила ихъ, была притомъ такъ кратковременна, что имъ казалось, будто они все это видѣли во снѣ въ этомъ заколдованномъ царствѣ змѣя горынчища. А вотъ и его городъ за высокими стѣнами, городъ Укекъ... Съ испугомъ глядятъ на него карачаровцы, крестятся со страху... Что-то еще будетъ съ ними? — куда-то еще погонятъ ихъ?

— Я убѣгу, какъ только откуютъ меня, сказалъ вдругъ Ярополкъ, глядя на укекскія стѣны.

Доброгнѣва съ боязнью и тоской посмотрѣла на него.

— Дорогу я помню — найду... все степью да междулѣсьемъ, продолжалъ какъ-бы про себя прикованный.

— А я-то... что со мною будетъ? съ испугомъ спросила Доброгнѣва.

— И ты, Гнѣвынька, со мною, успокоили ее.

Но полоняниковъ не вогнали въ городъ, а расположили на берегу Волги, вдоль городскихъ стѣнъ.

Едва въ городѣ узнали о пришествіи загоновъ съ добычею и полономъ, какъ кучи татаръ и татарчатъ высыпали на берегъ поглазѣть на полоняниковъ. Татары разсматривали ихъ, прицѣнивались, иногда плотоядно посматривали на дѣвушекъ. Татарчата прыгали около нихъ, пѣли, дразнили, высовывали языки.

Между тѣмъ на берегу уже готовились лодки для перевоза полоняниковъ на ту сторону Волги: одна часть ихъ должна была идти къ Сараю тою стороною Волги, луговою, а другая—нагорною. Карачаровцы оказались въ числѣ той половины, которая должна была переправиться за Волгу.

Все это было такъ скоро сдѣлано, что полоняники разныхъ городовъ и селъ, успѣвшіе за дорогу перезнакомиться и привыкнуть другъ къ дружкѣ, теперь не могли и проститься порядкомъ, какъ очутились ужъ въ большихъ плоскодонныхъ лодкахъ. Поднялся плачъ и съ той, и съ другой стороны. Пошли гулять по спинамъ несчастныхъ татарскія нагайки.

Но вотъ лодки отчалили. Татары-гребцы налегли на весла, и лодки быстро удалялись отъ берега.

Вдругъ на одной изъ лодокъ послышался отчаянный крикъ, и что-то бѣлое, мелькнувъ передъ глазами, бултыхнуло въ воду.

— Матушки! кто-то въ воду кинулся! Богородица, спаси!

— Верхуслава! Верхуславушка кинулася!

Нѣкоторыя изъ лодокъ пріостановились и ждали. На томъ мѣстѣ, гдѣ исчезла подъ водою молодая полоняночка, выходили изъ воды пузыри, отходя все далѣе и далѣе внизъ по теченію.

Наконецъ, далеко ниже лодокъ, что-то вынырнуло изъ воды. Показалась рука, голова мелькнула.

— Вымырнула! голубушка, вымырнула! всплеснула руками Доброгнѣва.

Не успѣла она вскрикнуть, какъ ражій Ярополкушко, рванувъ цѣпь, которою онъ былъ прикованъ къ носу лодки, оборвалъ ее и кинулся въ воду. Снова отчаянные крики.

Но ражій дѣтина не пошелъ ко дну. Напротивъ, работая руками, точно веслами, и встряхивая мокрыми волосами, онъ въ нѣсколько взмаховъ очутился около утопающей и схватилъ ее за косу. Онъ упорно боролся съ теченіемъ рѣки, но его относило все ниже и ниже. Лодка ударила по водѣ веслами и погналась за утопающими полоняниками. Она скоро настигла ихъ. Ярополку подали багоръ, и онъ уцѣпился за него, держа другою рукою утопленицу.

Скоро ихъ обоихъ втащили въ лодку; но съ несчастной дѣвушкой, казалось, все уже было покончено:—она лежала блѣдная, бездыханная... Другія дѣвушки, ея подруги по игрищу, горько плакали надъ нею...

IV.

„Мамай идетъ“. Русскіе князья у Сергія. Пересвѣтъ и Ослябя.

Оставимъ злополучныхъ полоняниковъ въ ихъ томительномъ странствіи къ далекой столицѣ хановъ и воротимся на святую Русь, гдѣ также было немало горькаго.

Пораженіе русскихъ на берегахъ Пьяной рѣки не успокоило и не удовлетворило алчнаго Мамая: ему одного хотѣлось—больше и больше денегъ, цѣлыя горы денегъ, цѣлыя груды блестящаго «алтынъ-денга». Его, «всемогущаго царя царямъ», возмущало и то, что русскіе «улусники» и «подручники» его, «рабы рабовъ» его, которыхъ его прадѣдъ, пресвѣтлый Чингисъ, держалъ у своего стремени, а пресвѣтлый дѣдъ его, Узбекъ-ханъ, рѣзалъ десятками, какъ барановъ на шашлыкъ, что вдругъ эти князья-«улусники» не только не гнутъ покорно свои рабьи шеи, но еще смѣютъ поднимать головы и даже вступать въ бой съ его загонами, какъ это было на Пьяной. Надо унять ихъ, надо доказать имъ, что «ве-

ликъ Богъ Мамаевъ», что какъ онъ одинъ—владыка всей вселенной, земли и воды, солнца и свѣту, луны и звѣздъ, такъ и онъ, великій Мамай-ханъ, одинъ ханъ подъ луною, одинъ можетъ поить коня своего во всѣхъ рѣкахъ и озерахъ вселенной, и какъ всѣ рѣки несутъ свою дань океану, такъ и всѣ его князья — «улусники», всѣ эти Димитріи и Олеги, Михайлы и Александры, московскіе и рязанскіе, тверскіе и суздальскіе,—всѣ должны покорно нести ему дань, много дани, какъ много воды изливаютъ въ океанъ подручныя ему рѣки.

И вотъ въ 1377 году Мамай опять посылаетъ новую орду на Русь. Орда валитъ на Нижній, беретъ его на во́ропъ, пустошитъ, палитъ огнемъ и тысячи плѣнныхъ гонитъ въ свои необозримыя заволжскія степи. Другая орда идетъ на московское княжество черезъ рязанскую землю—наказать «улусника» Димитрія, московскаго «князя». Но московскій князь не ждетъ гостей къ себѣ на домъ, въ Москву, и спѣшитъ перестрѣть ихъ въ дорогѣ. Съ нимъ два союзника — полоцкій князь Андрей Олгердовичъ и князь пронскій. Москва сшибается съ татарами на Вожѣ рѣкѣ и повторяетъ татарамъ урокъ, данный русичамъ Арапшею на рѣкѣ Пьяной. Татары захлебываются мутными и кровавыми водами Вожи, а что не захлебнулось—безпорядочно бѣжитъ въ свои степи.

Мамай окончательно свирѣпѣетъ. Онъ посылаетъ третье полчище—разорить рязанскую землю за то, что одинъ изъ ея князей, пронскій, участвовалъ въ битвѣ при Вожѣ,

и самъ собирается идти и посыпать пепломъ, залить кровью всю московскую землю и загатить рѣки ея трупами князей, бояръ, и ратныхъ, и нератныхъ людей. Онъ начинаетъ собирать несмѣтное ополченіе, но не изъ однихъ татаръ, а изъ народовъ всего извѣстнаго ему міра. Глашатаи его разсыпались по Азіи, по предгоріямъ и горамъ Кавказа, по ногайской землѣ и по Крыму; фряги изъ Крыму, Черкесы и Ясы—все шло въ его «толпища».

Олегъ, князь рязанскій, видѣлъ неминучую гибель и сталъ просить пощады у разсвирѣпѣвшаго татарина. Онъ называлъ себя «вѣрнымъ рабомъ» Мамая, его «посаженикомъ» и «присяжникомъ», а самого Мамая—«восточнымъ вольнымъ великимъ царемъ царямъ», «пресвѣтлымъ» и «милостивымъ». Онъ совѣтывалъ ему идти на Димитрія, называя его Мамаевымъ «служебникомъ» и «улусникомъ», который осмѣлился оказать своему повелителю «непокорство» и «гордость». Олегъ только для себя просилъ пощады и милости, но не для Димитрія. «Мы оба—писалъ онъ въ своей униженной грамотѣ—рабы твои; но я служу тебѣ со смиреніемъ и покорствомъ, а онъ къ тебѣ съ гордостію и непокорствомъ...»

Въ то же время Олегъ снесся съ Ягелломъ, княземъ литовскимъ. И его онъ просилъ идти противъ Димитрія, соединиться съ Мамаемъ, выгнать московскаго князя изъ Москвы и овладѣть московскою землею...

Вотъ какая гроза собиралась надъ московскою землею.

Весною 1380 года Мамай со всѣми своими силами изъ Орды двинулся на русскую землю. Онъ шелъ лѣвымъ путемъ, къ Воронежу, чтобъ пощадить землю покорнаго «улусника» и «раба» своего, Олега рязанскаго.

Димитрій московскій видѣлъ, что грозная туча, нависшая надъ русскою землею, должна была разразиться громами надъ его именно головой и потомъ уже пронестись разрушительнымъ ураганомъ надъ всею тогдашнею Русью—надъ землями московскими, суздальскими, владимірскими, нижегородскими, тверскими, бѣлозерскими, каргопольскими, устюжскими, ярославскими, ростовскими, серпейскими, новосильскими и иными, надъ всѣми мелкими удѣлами, на которые была тогда разбита русская земля, словно риза, сшитая изъ лоскутковъ. Надо было всѣ эти лоскутки сплотить воедино, чтобъ укрыться отъ грозы—и это трудное дѣло пришлось дѣлать Димитрію. Онъ сдѣлалъ его: онъ первый объединилъ всю русскую землю въ Москвѣ, и съ тѣхъ поръ Москва стала сердцемъ Руси. Это величайшая заслуга Димитрія: не Иванъ III и не Иванъ IV были «собирателями» русской земли, а Димитрій — онъ ее совокупилъ духомъ. Не будь этого духовнаго совокупленія, едва ли скоро послѣдовало бы и объединеніе земельное, гражданское.

Какъ же Димитрію удалось сдѣлать такое великое дѣло? А очень просто: ему помогъ тотъ же Мамай своею ошибкой—и ошибка эта была громадная, непоправимая. Прежніе ханы владѣли русскою землею, не насилуя ея вѣры;

мало того—они даже оберегали русскую церковь своими ярлыками, какой мы уже видѣли въ предыдущей главѣ въ рукахъ кіевскаго и «всея Русіи» митрополита Михаила Митяя: этотъ ярлыкъ данъ былъ ханомъ Атюлякомъ по совѣту своего дяди, Мамая—«Мамаевою мыслію дядиною». И вдругъ этотъ добрый дядюшка, сковырнувъ съ ханскаго трона своего недалекаго племянничка Атюляка и разсердившись на Димитрія московскаго, велѣлъ объявить русской землѣ «Мамаево слово таково»:

— Возьму русскую землю, разорю христіанскія церкви, ихъ вѣру на свою переложу и велю кланяться Магомету; гдѣ были у нихъ церкви, тамъ поставлю мечети...

Понятно, что Мамай этимъ уже не Димитрію грозилъ, а задиралъ всякаго «русича»—и Карпа, и Сидора, Митяя и Миняя, Рогволода и Микитку, который умѣлъ «загибать гораздо». Услыхавъ таковое «мамаево слово», всѣ Микитки и Добрыньки, что-называется, «окрысились» за себя: «нѣтъ, шалишь, братъ: не трошь насъ, не замай нашу вѣру—сдачи дамъ!»

И дѣйствительно дали!... Димитрій понялъ духъ Микитокъ да Добрынекъ—и воспользовался имъ. Онъ разослалъ по всей сѣверной русской землѣ увѣщательныя и призывныя грамоты къ великимъ и малымъ князьямъ. и князькамъ удѣльнымъ, а тѣ оповѣстили своихъ бояръ, ратныхъ и черныхъ людишекъ—этихъ безсмертныхъ въ своей совокупности Микитокъ да Добрынекъ, что такъ и такъ-де: «безбожный-де Мамай хочетъ православную

вѣру переложить на бусурманскую, на агарянскую да на срацынскую ересь...» Каково! на срацынскую!—да ужъ срамнѣе этой, срацынской-то вѣры и на свѣтѣ нѣтъ — сказать стыдно!—а! срацынская! да ужъ это послѣднее дѣло—не роди мати на свѣтъ, коли срацынами подѣлаться и срацынскимъ крестомъ креститься! — ужъ это что-жъ!—за это помирать надо!..»

Загалдѣли Микитки да Добрыньки объ срацынской вѣрѣ, взвыли бабы по всей русской землѣ! А ужъ коли бабы взвоютъ, такъ тутъ и святыхъ вонъ уноси...

И вотъ валомъ повалили русскіе люди—князи и бояра, ратные и охотные люди, чернопашенные людишки и всякая смердь — все повалило къ Москвѣ съ своими князьями:—«не пущать на Русь срацынскую вѣру, биться за свою вѣру до послѣдней капли крови...»

Въ теченіе лѣта въ Москву сползлись, словно мыши въ овинъ, тучи ополченцевъ съ своими князьями и князцами, лыкомъ шитыми, да все же православными—съ каргопольскими, устюжскими, бѣлозерскими, ярославскими, ростовскими, серпейскими...

Первымъ дѣломъ Димитрій московскій повелъ ихъ къ Троицѣ. Это была тогда еще бѣдненькая обитель, вся охваченная дремучимъ дѣвственнымъ лѣсомъ, сколоченная изъ этого же лѣсу руками преподобнаго Сергія и его немногочисленной братіи. Мрачно смотрѣлъ пустынный боръ, когда раннимъ утромъ Димитрій вмѣстѣ съ другими удѣльными князьями узкою тропою пробирался

въ святую обитель. Тропа была такъ узка, что можно было пробираться только гуськомъ, конь за конемъ. Мертвенно тихо было въ бору. Слышалось только, какъ дятелъ долбилъ кору сухаго дерева, да бѣлка, прыгая съ вѣтки на вѣтку, стучала сбитыми ею еловыми шишками. Гигантскія вѣтви елей и сосенъ, протягиваясь черезъ тропу надъ головами путниковъ, казалось, силились закрыть отъ нихъ просвѣты голубаго неба, которое смотрѣло слишкомъ отрадно для этой уединенной, прячущейся и отъ неба, и отъ людей дорожки, протоптанной въ обитель горькихъ слезъ и отчужденія отъ свѣта и его радостей.

Димитрій и его спутники ѣхали молча, съ раздумчиво опущенными головами, какъ будто бы каждому, словно передъ послѣднею исповѣдью, хотѣлось припомнить прожитую жизнь, оглянуться на пройденный путь, которому нѣтъ возврата и къ тому роковому рѣшенію, которое каждый изъ нихъ принялъ безповоротно, неизмѣнно, какъ обѣтъ, какъ послѣднюю схиму. Раздавалось иногда въ этой мертвой тиши фырканье лошади, брязгъ стремени или оружія, трескъ переломленнаго копытомъ сушника— и снова невозмутимая, могильная тишина... Тамъ, выше этого мрачнаго бора, въ голубой, почти невидимой выси, иногда прокрячетъ своимъ звонкимъ крикомъ соколъ; а здѣсь, подъ шатромъ вѣтвей, тихо, мертвенно, какъ будто бы строгая и молчаливая природа отогнала отсюда всякую жизнь, всякое движеніе, отогнала туда, гдѣ жи-

вутъ люди съ ихъ обманчивыми радостями, съ ихъ мимобѣгущимъ счастьемъ, которое отлетаетъ какъ сповидѣніе при пробужденіи, какъ кадильный дымъ надъ могилой.

Длинна и узка, какъ путь ко спасенію, эта лѣсная тропа. Вотъ уже который часъ ѣдутъ, а конца ей нѣтъ. Солнце уже высоко поднялось надъ боромъ, но его, этого божьяго ока, не видать за гигантскими деревами, и только въ просвѣтахъ небо кажется еще голубѣе да видимыя вершины бора ярко окрашиваются имъ однимъ видимымъ свѣтомъ.

Но вотъ по чащѣ пронесся плачущій металлическій звукъ. Всѣ вздрогнули и перекрестились; кони подняли головы, насторожили уши. Звукъ повторился, за нимъ третій, четвертый—ожилъ лѣсъ, заговорилъ...

— Било благовѣстное... То голосъ божій зоветъ насъ... набожно промолвилъ Димитрій.

— Добрая година—въ пору достигли обители, отвѣчалъ ѣхавшій за нимъ другъ его, князь Владиміръ Андреевичъ.

Скоро боръ какъ-бы раздвинулся. Вмѣсто узкаго голубаго просвѣта показалась цѣлая голубая пелена, раскинувшаяся надъ лѣсною полянкою, на которой стояла бѣдная обитель, ставшая впослѣдствіи первоклассною святынею русской земли. Маленькая деревянная церковка, крестъ которой не досягалъ даже до вершинъ сосѣднихъ столѣтнихъ елей и сосенъ; маленькія низенькія келейки съ маленькими же оконцами, болѣе приличными надмогильнымъ голубцамъ, чѣмъ жилью человѣческому,—все

это, вся эта полянка съ обителью въ чащѣ бора казалась живымъ кладбищемъ...

Пріѣзжіе, очутившись на полянкѣ, сошли съ коней и привязали ихъ къ сосѣднимъ деревьямъ. Ни души кругомъ:—вся обитель была въ церкви на молитвѣ.

Пріѣзжіе пошли въ церковь. Страннымъ казалось, какъ массивное, тучное тѣло Димитрія могло пройти въ эту узенькую дверь скромнаго храма, помѣститься въ немъ; странно бросались въ глаза эти золотые и серебряные доспѣхи на пріѣзжихъ, это бряцающее оружіе...

Въ мрачной церкви шла служба. Тускло теплились восковыя свѣчи въ паникадилахъ и въ свѣчныхъ ячейкахъ у образовъ. Дымъ отъ ладону ходилъ клубами надъ невысокимъ амвономъ и запахомъ своимъ напоминалъ смерть, отпѣваніе, «послѣднее цѣлованіе» кого-то... Все отдавало могилой, смертью, послѣднимъ разсчетомъ съ жизнью...

Князья тихо, боясь бряцать оружіемъ, вошли и какъ-то оторопѣли. Молодой, прекрасный грудной голосъ читалъ: «Братіе моя, не на лица зряще имѣйте вѣру Господа нашего Іисуса Христа славы. Аще бо внидетъ въ сонмище ваше мужъ, златъ перстень нося, въ ризѣ свѣтлѣ...»

Великій князь невольно глянулъ на своего друга Владиміра, потупился на себя, и краска стыда залила его полное, красивое лицо, окаймленное густою русою бородой... Ему казалось, что это именно объ немъ читаютъ:

у него и «перстень златъ», и «риза» цвѣтная, золотная, и золотая гривна на шеѣ...

И Владиміръ глянулъ на него и понялъ его мысль...

...«внидетъ же и нищь въ худѣ одеждѣ—продолжалъ звучный молодой голосъ—и воззрите на носящаго ризу свѣтлу и речете ему: ты сяди здѣ добрѣ. И нищему речете: ты стани тамо, или сяди здѣ на подножіи моемъ. И не разсмотристе въ себѣ и бысте судіи помышленій злыхъ...»

Великій князь сталъ всматриваться въ того, кто читалъ это. Лицо показалось ему знакомымъ. Это молодое, мужественное, хотя блѣдное лицо, оттѣняемое черною, какъ смоль, и мягкою, какъ шелкъ, небольшою бородою, этотъ низкій, матовой бѣлизны лобъ, полузакрытый черною скуфейкою въ видѣ повязки, эта статная, массивная фигура, обрисовывавшаяся и подъ черною рясою, мужественная осанка, ростъ, голосъ—все приковывало къ себѣ вниманіе князя. Знакомо ему это красивое лицо. Не тутъ, не въ этой мрачной обстановкѣ онъ видѣлъ его, и не тутъ ему мѣсто, не въ этомъ живомъ склепѣ съ заживо похороненными людьми, вдали отъ жизни и ея жгучихъ требованій. Въ золотномъ платьѣ ему слѣдовало бы быть, въ блестящемъ вооруженіи, съ золотою гривною на шеѣ, въ самомъ водоворотѣ жизни... Гдѣ онъ видѣлъ его? Кто онъ?... А онъ, этотъ молодой черецъ-богатырь, продолжалъ все читать что-то въ душу проникающее...

«Слышите, братія моя возлюбленная!—звучалъ прекрасный голосъ — не Богъ ли избра нищія міра сего, богаты въ вѣрѣ и наслѣдники царствія, еже обѣща любящимъ его? Вы же укористе нищаго. Не богатіи ли насилуютъ вамъ и тіи влекутъ вы на судища? Не тіи ли хулятъ доброе имя, нареченное на васъ?...»

Великому князю становится страшно:—это его обличаютъ... Онъ обходилъ нищихъ, отвращалъ лицо свое отъ ихъ лохмотьевъ, потому что ему, князю, этихъ нищихъ, было стыдно и ихъ лохмотьевъ... Не за это ли Богъ посылаетъ на него мечъ свой, чтобъ отнять у него достояніе его и людей его, которыхъ онъ не одѣлъ, а обобралъ, пригнетая поборами многими?

Онъ обвелъ церковь глазами, какъ бы ища помощи... Черныя головы стоятъ, низко склонившись, и что-то глубокое думаютъ... Объ немъ думаютъ, объ его неправдахъ, о томъ, какъ онъ забывалъ этихъ нищихъ, ползая передъ Мамаемъ, выпрашивая ярлыкъ на великое княженіе... Онъ глянулъ на образа—и тѣ прячутъ отъ него лики свои...

Кто-то глубоко и тяжко вздыхаетъ... Кто-то тяжко бьетъ себя въ перси...

Смущенный и тревожный стоялъ князь во все время службы и за молебномъ. Онъ, казалось, неслышно исповѣдывался невидимому Богу во всемъ, что тяготѣло надъ его совѣстью, надъ его памятью, надъ всѣми его дѣлами... Не онъ ли погубилъ тверскихъ князей? не на

его ли душѣ кровь многихъ погибшихъ и въ Ордѣ, и на Руси? не за его ли грѣхи изнываютъ въ полонѣ, въ степяхъ Кипчака и далѣе, тысячи несчастныхъ?

Къ нему подошелъ ветхій, согбенный старичекъ съ крестомъ въ рукѣ и глянулъ ему въ глаза своими дѣтскими, моргающими глазами... Какъ глубоко взглянули въ него эти добрые глаза!... Они, казалось, видѣли все-все, что было въ его жизни дурнаго, злаго, грѣшнаго, неправаго—и некуда спрятаться отъ этихъ добрыхъ, но неумолимыхъ своимъ всевѣдѣніемъ глазъ...

— Отче святый! робко пробормоталъ великій князь, склоняясь передъ крестомъ.

— Благодать Господня на тя, княже! прошепталъ внятно старческій голосъ.

Старичекъ благословилъ князя. Князь опять глянулъ на него: — блѣдное, мертвенно-матовое лицо, серебро волосъ, выбившихся изъ-подъ клобука, блѣдная рука съ крестомъ, рука такая худая и безсильная, что едва держитъ крестъ... Гдѣ же эта сила въ этомъ живомъ мертвецѣ?... А князь пришелъ просить у него силы, поддержки и чувствовалъ, что тутъ эта сила, тутъ, въ этомъ видимомъ безсиліи... Это былъ преподобный Сергій.

По окончаніи службы, Сергій пригласилъ князей въ обитель, въ трапезную. Бѣдно и мрачно было и въ трапезной, какъ бѣдно кругомъ и какъ мрачно въ дремучемъ лѣсу, черезъ который путники проѣхали. И трапеза была бѣдна — совсѣмъ не княжеская. Всѣ иноки

были въ трапезной, и трапеза совершалась такъ-сказать соборнѣ. Димитрій часто поглядывалъ на того красиваго, мужественнаго чернеца, который читалъ въ церкви. Онъ вспомнилъ, что видѣлъ его когда-то въ числѣ дружинниковъ князя Волынскаго, въ то время, какъ дружины его возвратились изъ-подъ смиренной ими Казани. Чернеца этого звали Пересвѣтомъ:—военная слава его, какъ и слава брата его Ослябы, гремѣла тогда на всю Москву; храбрость ихъ была безпримѣрная; о силѣ ихъ говорили, какъ о силѣ сказочныхъ богатырей; московскія дѣвушки, боярыни и княгини, видѣвшія ихъ хоть разокъ, хоть мелькомъ, не могли забыть ихъ красоты и долго потомъ вздыхали по младомъ Пересвѣтушкѣ и свѣтъ-Ослябушкѣ. Были они изъ богатаго и знатнаго рода. Впереди ихъ ждали слава, почетъ, власть, счастливая, полная радостей жизнь... И вдругъ они отказались отъ всего—отъ почестей, отъ друзей, отъ славы и отъ всего свѣта:—знакомою уже намъ лѣсною тропою пробрались они къ преподобному отшельнику Сергію и умолили его принять ихъ въ свою обитель... Какъ ни отговаривалъ ихъ этотъ святитель, видя красоту и молодость воиновъ, но когда они открыли ему свою душевную тайну и выдержали строжайшій искусъ, онъ совершилъ надъ ними обрядъ постриженія.

Ослябя былъ тутъ же—великій князь тотчасъ узналъ его, какъ увидѣлъ и услыхалъ его голосъ: такой же рослый, красивый, какъ близнецъ похожій на брата,

только съ оттѣнкомъ грусти на блѣдномъ лицѣ и въ задумчивыхъ сѣрыхъ глазахъ. Ослябя читалъ затрапезныя молитвы, и тутъ Димитрій услыхалъ его мелодическій голосъ.

Трапезованіе совершилось безмолвно: всѣ молча слушали то, что читалъ Ослябя. Это, казалось, не былъ обѣдъ, а поминовеніе кого-то, или того, кого уже нѣтъ на свѣтѣ, или тѣхъ, которые сегодня здѣсь, сидятъ и трапезуютъ, а завтра, можетъ быть, надъ ними будутъ плакать тѣ, отъ кого они уйдутъ въ невѣдомый міръ... Великому князю уже казалось, что въ голосѣ Осляби онъ слышитъ знакомый, надрывающій душу плачъ по немъ, по князѣ—и это ея плачъ, дорогой ему княгини... И Димитрію почему-то вспоминается Путивль... раннее утро... заря еще чуть брезжитъ, а на городской стѣнѣ уже стоитъ кто-то, смотритъ въ туманную даль, и, ломая руки, жалобно плачетъ-надрывается... Это та, которая давно когда-то горькою кукушкою куковала по своемъ другѣ миломъ, по князѣ Игорѣ, и вѣтру-вѣтрилѣ плакалася, и Днѣпру-славутичу... И на московской стѣнѣ рисуется ему плачущая женщина, и она глядитъ въ туманную даль, ждетъ кого-то... Кого же больше, какъ не его?... А дождется ли?...

Трапеза кончилась. Князь сталъ просить у святителя благословенія на брань. Сергій задумался:—на лицѣ его отразилась глубокая скорбь...

— Отче святый, благослови — помолись за насъ, повторилъ князь.

Сергій поднялъ на него свои грустные глаза.

— Княже! да мимо идетъ чаша сія, тихо сказалъ онъ.

— Не како же я хощу, но како *онъ*, возразилъ князь тѣмъ же текстомъ.

Старецъ грустно покачалъ головой.

— *Онъ*... нечестивый Мамай,—какъ бы съ собою разсуждалъ онъ.

— Такъ, отче,—то его воля.

— Его... Ино почти его дарами и честью... Господь узритъ смиреніе твое и вознесетъ тя, а его неукротимую ярость низложитъ.

— Отче! снова возразилъ Димитрій:—я уже сотворилъ тако, и онъ тѣмъ паче несется на меня съ гордостію.

— Да будетъ воля Господня!

Старецъ велѣлъ подать стоявшую на столѣ чашу съ святою водою, благословилъ и покропилъ князя и всѣхъ его подручниковъ.

Димитрій взглянулъ на Пересвѣта и Ослябя, которые стояли рядомъ и молча смотрѣли на то, что около нихъ происходило. Что-то неуловимое пробѣгало по ихъ лицамъ, что-то особое свѣтилось въ сѣрыхъ глазахъ:—сожалѣніе ли то о прошломъ, воспоминаніе ли о томъ, что они не силахъ были забыть, отогнать отъ себя, похоронить въ этихъ тихихъ кельяхъ?... Князь видѣлъ это что-то на ихъ лицахъ, чуялъ своимъ сердцемъ; но что оно такое было—онъ не зналъ...

— Отче! обратился онъ къ Сергію:—отпусти со мною

на брань сихъ двухъ иноковъ! Мы вѣдаемъ про нихъ: они были великіе ратники, крѣпкіе богатыри, смышлены къ воинскому дѣлу и къ наряду.

Сергій взглянулъ на братьевъ. Они стояли блѣдные, безмолвные, съ потупленными въ землю глазами.

— Братія моя возлюбленная! сказалъ старецъ дрожащимъ голосомъ:—слышите, что молвилъ великій князь?.. Великую честь воздалъ онъ вамъ...

Румянецъ залилъ блѣдныя щеки Пересвѣта. Онъ глянулъ на брата — глаза ихъ встрѣтились — и румянецъ радости и счастья перешелъ со щекъ Пересвѣта на красивыя щеки Осляби.

— Буди воля Господня и твоя, владыко! разомъ сказали они, кланяясь.

— Я велю вамъ готовиться на ратное дѣло, рѣшилъ старецъ.

Подойдя потомъ къ аналою и отворивъ его, онъ вынулъ двѣ черныя мантіи. На мантіяхъ было нашито по большому бѣлому кресту, а подъ крестами — такія же бѣлыя мертвыя головы, покоившіяся на положенныхъ крестъ-на-крестъ костяхъ. Это были схимы — мертвая одежда молчальниковъ. Сергій возложилъ схимы на голову Пересвѣта и Осляби.

— Се вамъ покровъ — носите въ шлемовъ мѣсто... Се вамъ доспѣхъ нетлѣнный, вмѣсто тлѣннаго.

Братья припали къ сухимъ плечамъ игумена и цѣловали его ризы.

— Возьми же ихъ съ собою, великій княже! обратился святой мужъ къ Димитрію: — се тебѣ мои оружники—твои извольники.

Князь со слезами на глазахъ благодарилъ старца. Всѣ присутствующіе оживились. Нѣкоторые изъ братіи плакали: они такъ полюбили этихъ прекрасныхъ, сильныхъ, благородныхъ молчальниковъ, которые своими могучими руками помогали каждому иноку, брали на себя самую тяжелую работу, ходили за больными.

Слезы дрожали въ голосѣ Сергія, когда онъ обратился къ молодымъ схимникамъ съ прощальнымъ, задушевнымъ словомъ.

— Миръ вамъ, возлюбленные братья, Пересвѣтъ и Ослябя!... Да не смущается сердце ваше, да не ослабѣетъ ваша мощь бранная... Пострадайте, братія, аки доблестные воины Христовы! Аминь.

— Аминь! повторила вся обитель.

— Аминь! аминь! аминь! съ воодушевленіемъ воскликнули князья.

V.

Выступленіе въ походъ.

—

Утромъ 20 августа 1380 года Москва провожала свои рати противъ «безбожнаго» Мамая.

Въ то время Москва была еще далеко не тѣмъ, чѣмъ она стала впослѣдствіи. Въ 1380 году она не была еще «сердцемъ Россіи»,—куда! объ этомъ громкомъ названіи она не смѣла и думать. Въ то время еще и самой «Россіи» не существовало, не было такого слова, а было нѣчто похожее на него: было одно слово, которое иногда произносилось для обозначенія русской земли, слово робкое, ничего почти не выражавшее въ то время, хотя уже носившее въ себѣ залогъ будущаго величія и силы. Слово это—«Русія», «вся Русія». Слово это понималось не въ государственномъ, не въ политическомъ смыслѣ, а въ народномъ. Подъ понятіемъ «всеа Русіи» разумѣлись всѣ эти Микитки и Добрыньки, Карпы и Сидоры, Митяи и Миняи, Рогволодушки да Ярополкушки, Доброгнѣвушки да Верхуславушки,—всѣ эти русыя и рыжія бороды, босыя и въ лаптяхъ, жившія «нечисто, яко звѣрь нѣкій»,

«сѣявшія просо» и величавшія Дидъ-Ладу, — всѣ эти «мужики»—не «мужики», а «мужики», уменьшительные и уничижительные отъ «мужа», «мужіе», «мужи», которыми имѣли право называться только князья, бояре да воеводы, а все остальное—не «мужи», а «мужики», нынѣшніе «мужики», коихъ попы и называли собирательно «хрестьянствомъ» въ отличіе отъ «поганыхъ» и кои впослѣдствіи превратились въ «крестьянъ», какъ человѣкъ»—въ «лакея», въ «челаэка»: «эй, челаэкъ! подай трубку!...» Вотъ кто составлялъ «всю Русію».

А вмѣсто «Россіи» въ настоящемъ смыслѣ были «княжества»—«великія» и просто княжества—тверское, рязанское, московское, нижегородское и иныя, которыя назывались и «землями» — земля рязанская, суздальская, московская и многія иныя. А не было «Россіи», не могло быть и «сердца» ея. Не могла быть поэтому и Москва «сердцемъ Россіи». Да и гдѣ было ей думать объ этомъ, когда надъ нею брали перевѣсъ то Тверь, то Суздаль, то Нижній. Да и величиною Москва была тогда не больше Суздаля, не болѣе Твери, Рязани, а ужъ съ «господиномъ Великимъ Новгородомъ» или съ «вольнымъ» Псковомъ ей и тягаться было нечего: тѣ не въ примѣръ были и многолюднѣе и богаче ея. И вмѣщалась вся-то она въ предѣлахъ Кремля, а за Кремлемъ были бѣдныя хижинки, изъ которыхъ обыватели тотчасъ убѣгали въ Кремль, какъ только грозила опасность — нашествіе сосѣдей или иноплеменниковъ.

Не была еще тогда Москва и «бѣлокаменною», потому что была вся срублена изъ дерева.

Не было тогда въ Москвѣ ни «Ивана Великаго», ни «Василія Блаженнаго»», ни вообще «сорока-сороковъ», ни «царь-колокола», ни «царь-пушки», ибо тогда еще о «пушкахъ» и понятія не имѣли, а «цари» сидѣли не въ Москвѣ, а въ Сараѣ, да и «царей» тогда еще не было, а назывались они «ханами», и «царемъ» тогда надъ Русіею» былъ Мамай «безбожный». Ничего тогда не было такого, чѣмъ теперь славна Москва.

Но и тогда уже существовалъ «Охотный рядъ»:—въ немъ-то и образовалось то, что потомъ стало «сердцемъ Москвы», а послѣ — «сердцемъ Россіи». Существовала тогда и Красная площадь—нѣчто вродѣ сѣннаго и обжорнаго базара, на который окрестные Микитки да Добрыньки свозили для продажи свои нехитрые продукты и на которомъ этихъ самыхъ Микитокъ и Добрынекъ, за «воровство» и другія вины, сѣкли кнутомъ «нещадно» или казнили смертью, на особомъ, весьма уютномъ мѣстечкѣ, названномъ «Лобнымъ».

Такъ вотъ эта-то маленькая, но уже загребистая Москва, 20 августа 1380 года провожала свои и союзныя рати противъ «безбожнаго сыроядца» Мамая.

Въ Успенскомъ соборѣ шла служба, на которой присутствовалъ великій князь, какъ старшій стратигъ. Онъ жарко молился, хотя повидимому мысли его часто убѣгали изъ собора и витали то въ теремѣ его, гдѣ онъ

провелъ столько счастливыхъ лѣтъ съ другинею своею, съ княгинею Евдокіею, то въ мрачной обители преподобнаго Сергія Радонежскаго, то тамъ, далеко, на невѣдомомъ полѣ кровавомъ, гдѣ ждетъ его судъ божій. —А каковъ будетъ этотъ судъ—этого никто не знаетъ... Рядомъ съ нимъ стоитъ другъ его и родственникъ—неизмѣнное копье, Володимеръ-свѣтъ Андреевичъ, серпуховскій князь: онъ также горячо молится, изрѣдка поглядывая то на друга своего Димитрія, то на ликъ Богородицы, освѣщенный полосою лѣтняго солнца, ворвавшагося сквозь узенькое соборное окно. Его лицо покойно и мужественно. Тутъ же молятся и другіе князья—Бѣлозерскіе, Каргопольскій, Устюжскій, Ростовскій, Серпейскій, и всѣ главные воеводы, между которыми особенно бросаются въ глаза своею молодцоватостью Михайло Бренкъ и братья-иноки Пересвѣтъ и Ослябя, съ схимами на головахъ.

Когда кончилась служба, Димитрій и всѣ другіе князья приблизились къ мощамъ Петра митрополита и упали передъ ними ницъ.

— О чудотворный святителю!—воскликнулъ Димитрій, стоя передъ мощами угодника:—поганіи идутъ на меня, неизмѣннаго раба твоего, и крѣпко ополчилися—вооружаются на градъ твой Москву!... О, чудотворче! тебя проявилъ Господь послѣднему роду нашему... тебѣ подобаетъ молитися—мы твоя паства...

Далѣе онъ не могъ говорить—слезы заглушили его голосъ...

Владиміръ Андреевичъ задумчиво глядѣлъ на мощи. Открытое, мужественное лицо его, казалось, говорило: экое махонькое, сухонькое тѣльцо святительское... что въ емъ вѣсу!—одни косточки... а великая сила въ костяхъ сихъ праведныхъ обрѣтается—гдѣ нашей силѣ!»...

И онъ съ жалостью взглянулъ на свои мускулистыя руки, на тучное, все трепыхавшее отъ плача тѣла друга своего Димитрія...

Изъ Успенскаго собора князья и воеводы пошли въ Архангельскій. Молились и тамъ. Димитрій кланялся гробамъ своихъ прародителей... Изъ Москвы, изъ этого темнаго собора, мысль его почему-то невольно перенеслась въ Кіевъ—въ далекій Кіевъ, котораго онъ никогда не видѣлъ... «И тамъ мои прародители, думалось ему: и баба Ольга—прабаба наша великокняженецкая, и Володимеръ равноапостольный, и Ярославъ мудрый, и Володимеръ Мономахъ... блаженни въ успеніи своемъ... ими не володѣли поганые... а мы—мы улусники татарскіе, холопи Мамаевы... Соромъ мнѣ предъ вами, отцы и праотцы мои!...»

И краска стыда залила его полныя щеки... Онъ взглянулъ на Владиміра Андреевича—и со стыдомъ отвернулся отъ него...

— Ты что, господине княже? съ недоумѣніемъ спросилъ тотъ.

— Соромъ, друже... Изсоромотили есмы сами себе, загадочно, отвѣчалъ Димитрій.

— Чѣмъ изсоромотилйсмо, княже?

— Неволею татарскою... передъ прародителями соромъ.

Владиміръ понялъ своего друга и судорожно сжалъ рукоятку своего длиннаго меча...

— Такъ ляжемъ костьми... мертвіи бо сорома не имуть, съ дрожью въ голосѣ сказалъ онъ.

— Аминь... Положимъ головы за гробы отцовъ и за честь нашу...

Князья вышли на площадь, гдѣ происходило молебствіе передъ дружинами. Громко и стройно пѣло все собравшееся московское духовенство, призывая побѣду на христолюбивое воинство и погибель на «поганые агаряны». Торжественно звонили колокола московскихъ церквей, которыхъ было тогда еще немного, но звонъ этотъ, казалось, воодушевлялъ бородатыя рати, чувствовавшія всю строгость минуты. По многимъ щекамъ текли слезы.

Когда князья были покроплены святою водой, и начались уже проводы — «послѣднее цѣлованіе», тогда весь Кремль огласился женскимъ плачемъ. Больше всѣхъ, казалось, плакала великая княгиня Евдокія. Свѣтлые и голубые, какъ незабудки, глаза ея совершенно распухли. Обхвативъ своими пухлыми бѣлыми руками воловью шею своего «лада милаго», она такъ и застыла на высокой, обтянутой кольчугою груди князя и только шептала пересохшими губами: «на кого ты меня, хоти юну твою, ладо мое, покидаешь?... охъ, ладо мое, ладушко! княжецъ мой, Митюшка! оохъ!».—«Не плачь, не стени, хоти

моя милая, супруга моя Евдокія желанная! не стени, кукушечка моя, младо зезулица!» утѣшалъ ее Димитрій... А у самаго слезы тоже готовы были брызнуть—да нельзя... соромъ передъ ратью... вся Москва смотритъ...

Всѣхъ оплакивали, обнимали, крестили, цѣловали... Только и видны были взмахи женскихъ рукъ, что заплетались за шеи своихъ воевъ милыхъ, да слышались женскія причитанья, словно свирѣли голосистыя, и шмелиное жужжанье мужскихъ голосовъ, утѣшавшихъ своихъ другихъ, женъ, сестеръ, матерей...

Одни только схимники Пересвѣтъ и Ослябя одиноко стояли въ сторонѣ, потупивъ глаза въ землю и стараясь никого не видать:—съ ними некому было прощаться, некому было пожалѣть объ нихъ, припасть на могучія груди, потому что... потому... да потому, что ужъ имъ такъ на роду было написано... не было тутъ милыхъ женскихъ рукъ, которыя бы обхватили ихъ шеи, прикрытыя черными схимами...

Послѣ молебствія, рати, по трубному знаку, стали выходить изъ Кремля тремя воротами: Фроловскими, что нынѣ Спасскія, Никольскими и Константино-Еленинскими, выходившими тогда къ Москвѣ-рѣкѣ и нынѣ не существующими. Въ воротахъ стояли дьяконы и протодіаконы съ огромными мисами святой воды, а попы и архіереи, макая въ мисы кропилами, брызгали святою водою на воинство, шедшее рядами и блиставшее доспѣхами на тѣлѣ и слезами на глазахъ и щекахъ. Сзади шли толпы

женъ, матерей, дѣтей и иныхъ сродниковъ и оглашали воздухъ рыданіями: — послѣдній разъ они обнимали своихъ ладушекъ милыхъ, послѣдній разъ взмахивали на нихъ трепетными руками, словно птицы бѣлыми крыльями, а теперь этими руками остается только отирать горючія слезы...

Выѣхали изъ Кремля съ своими ополченіями князья и воеводы. Димитрій ѣхалъ на своемъ бѣломъ арабскомъ конѣ, котораго онъ любилъ такъ, какъ Олегъ вѣщій любилъ своего коня боеваго, отъ котораго ему и смерть приключилась. Грузно, но картинно сидѣлъ великій князь на своемъ любимцѣ, опираясь на золоченыя стремена и блистая доспѣхами своими — золотою «кордою» и золоченымъ шлемомъ, блестящею «колонторою» и великолѣпною княжескою «подволокою»...

— Охъ, въ якову лѣпоту облечеся князь нашъ великій! слышалось въ толпѣ.

— Дюрди побѣдоносецъ, воистину Дюрди...

Рядомъ съ нимъ ѣхалъ другъ его неразлучный — Володиміръ. Взоръ его былъ полонъ отваги: «ляжемъ костьми—не посрамимъ земли русскія», такъ казалось и говорили сѣрые глаза его, сверкавшіе изъ-подъ нависшихъ бровей.

Выѣхавъ изъ Кремля, они невольно остановились въ нѣмомъ восторгѣ. Ратямъ, казалось, конца не было и красота ихъ была неописанная. Онѣ стояли нескончаемымъ рядомъ вдоль кремлевской стѣны, глядя на мо-

сковскія святыни и какъ-бы въ нихъ самихъ почерпая отвагу. Копья и сулицы торчали какъ лѣсъ, и солнце, играя на остріяхъ колчаръ, на металлическихъ бляхахъ колонторъ, на гловцахъ остроконечныхъ шлемовъ, кидало густую тѣнь отъ тѣсно сплоченныхъ коней, украшенныхъ цѣпями и гремучею наборною сбруею. А огромные красные щиты, которыми былъ прикрытъ лѣвый бокъ и плечо каждаго ратника, зловѣще говорили о багровой крови врага, о цѣлыхъ потокахъ крови, которые потекутъ подъ этими огненными щитами.

— О княже господине! невольно воскликнулъ Владиміръ:—какова рать наша!

— Воистину таковой рати не бывало, какъ и Русь стоитъ, тихо отвѣчалъ Димитрій.

Онъ поѣхалъ вдоль строя, и, остановившись на серединѣ, поднялъ правую руку, какъ-бы на молитву. Все замолкло кругомъ; даже женщины и дѣти удержали свой плачъ.

— Братія! воскликнулъ великій князь голосомъ, который пронесся отъ одного конца ополченія до другаго:—лѣпо намъ, братія, положить головы наши за правовѣрную вѣру христіанскую!... Да не возьмутъ поганые городовъ нашихъ, да не запустѣютъ церкви наши, да не будемъ разсѣяны по лицу земли, а жены наши и дѣти да не отведутся въ полонъ на томленіе отъ поганыхъ! Да умолитъ за насъ Сына своего и Бога нашего Пречистая Богородица!

— Слава великому князю! слава! загремѣло по рядамъ.

— Мы приговорили положить свой животъ за русскую землю и прольемъ кровь свою за нее! слышались ближайшіе голоса.

Всѣ князья и воеводы проѣхали по рядамъ, осматривая каждый свою часть, свой полкъ, свои отдѣльныя рати, конниковъ и пѣхотинцевъ. Все оказалось въ порядкѣ.

По знаку великаго князя, ударили походъ. Завыли ратныя трубы страшнымъ, нечеловѣческимъ воемъ, загремѣли варганы. Прощальный, проводной звонъ колоколовъ, топотъ и ржаніе коней, невообразимый брязгъ и лязгъ оружія, сбруи и всякихъ звенящихъ доспѣховъ, вопль провожающаго населенія, лай испуганныхъ собакъ—все это заставляло трепетать удалью и «хороборствомъ» сердца «хоробрыхъ» витязей и ныть тоскою и обливаться кровью—сердца робкихъ и провожающихъ.

Впереди чернымъ пологомъ колыхалось въ воздухѣ огромное, черное какъ ночь, великокняжеское знамя—«стягъ великій», съ изображеніемъ на немъ страстей христовыхъ... Знаменіе, приличное страшному, кровавому дѣланію, которое должно было твориться подъ его сѣнью... Издали оно казалось черною птицею, которая рѣяла надъ войскомъ...

Великій князь ѣхалъ подъ самымъ стягомъ:—это его голову осѣняла своимъ крыльями черная птица, рѣявшая надъ ратями «хоробрыхъ русичей»...

А сзади, въ Кремлѣ, на вершинѣ золотоверхаго тере-

ма великокняжескаго, подъ южными окнами, въ набережныхъ сѣняхъ сидѣла великая княгиня, окруженная воеводскими женами. Удерживая потоки слезъ, которыя мѣшали имъ видѣть удаляющееся войско и которыя все-таки лились неудержимо, покинутыя своими «ладами» женщины не спускали глазъ ни съ этой, кажущейся птицы, черной точки—великокняжескаго стяга, ни съ этой массы двигающихся коней и всадниковъ съ блестѣвшими на солнцѣ остріями копій; но ни лицъ, ни отдѣльныхъ фигуръ уже нельзя было отличить—все покрывалось дымкою дали и пылью, вставшею надъ войскомъ. Москва сразу, казалось, опустѣла, какъ опустѣло въ сердцѣ каждой изъ этихъ плакавшихъ женщинъ, и все казалось унылымъ, осиротѣлымъ, мрачнымъ, какъ могила..

— Сестрицы мои, голубицы мои! охъ! плакалась Евдокія: — стягъ — стягъ-отъ черный, княженецкій, вижу — вонъ онъ, аки вранъ черенъ рѣетъ... а его, князя моего милаго, не вижу... О! тошно мнѣ!...

VI.

Ополченіе въ Коломнѣ.

—

Ополченіе двинулось по направленію къ Коломнѣ.

Тамъ, гдѣ въ наши времена лежитъ гладкій, широкій шоссейный путь съ сторожевыми будками и станціонными домами и гдѣ теперь неумолкаемо гремятъ день и ночь паровозы съ сотнями товарныхъ и пассажирскихъ вагоновъ, пролетая желѣзнымъ путемъ мимо тысячъ телеграфныхъ и верстовыхъ столбовъ съ нитями телеграфныхъ проволокъ, мимо сторожекъ, будокъ, заставъ и богатыхъ станціонныхъ зданій, обдавая дымомъ воздѣланныя поля, оголенныя, какъ русскій подбородокъ при Петрѣ, лѣсныя рощи, города, села, деревни, сады и роскошные замки желѣзнодорожныхъ «русичей», «нѣмцевъ», «агарянъ» и иныхъ «бесермепъ», — тамъ въ описываемое нами время лежала кругомъ ужасающая глушь— лѣса, болота и невоздѣланныя поля. Только узкая полоса земли, по которой иногда проходили караваны купцовъ «сурожанъ» да проѣзжали за данью и «поминками»

татарскіе баскаки и темники, или проходили немногочисленныя рати удѣльныхъ князей, чтобъ погрызться другъ съ дружкой изъ-за стола великокняжескаго или изъ-за города, нахрапомъ взятаго сосѣдомъ,—только эта проѣзжая полоса представляла возможность передвиженія; все же кругомъ было пустынею дремучею и трясиною невылазною съ медвѣжьими, волчьими, куньими, рысьими и иными звѣриными путями, по которымъ свободно рыскало всякое звѣрье, а иногда хоробрые Микитки да Добрыньки для добычи шкуръ и мяса этого звѣрья—шкуръ на подати князю и его тіунамъ, а мяса—себѣ и своимъ двуногимъ звѣренышамъ «хрестьянамъ» на кормъ.

Этимъ-то дикимъ путемъ, прародителемъ нынѣшняго цивилизованнаго рельсоваго пути, двигались къ Коломнѣ рати «русичей». Понятно, что онѣ двигались медленно, часто гуськомъ, между непроходимыми борами, а иногда въ разбродъ, стадами, гдѣ открытое поле представляло къ тому возможность. Десятки верстъ заняты были этими ратями, за которыми, бѣшено скрипя колесами, тащились тысячи телѣгъ съ провизіею, котлами, таганами и всевозможнымъ скарбомъ. Дикая пустыня ожила:—никогда не видала она такого множества людей и коней, никогда мертвая тишина ея не нарушалась такимъ невообразимымъ ржаніемъ лошадей, людскимъ говоромъ и громомъ оружія. Дикіе звѣри, заслышавъ необычайный шумъ, спѣшили укрыться въ чащѣ лѣсовъ, а иногда, озадаченные нечаяннымъ появленіемъ такого множества

народа, застигнутые какъ-бы въ расплохъ звѣри эти, мало еще напуганные, приходили въ необыкновенное смятеніе—медвѣди, выходя изъ чащи лѣса, становились на заднія лапы и рычали страшно на людей и на коней, волки отчаянно выли на скрипящіе обозы, лисицы выползали изъ норъ и трущобъ и, точно въ «Словѣ о полку Игоревѣ»—«лаяли на червленые щиты» ратниковъ и на ихъ блестящіе доспѣхи. Птицы кружились стаями и наполняли воздухъ криками, ибо и непривычной птицѣ казалось, что это не люди двигались, а что лѣса дубравные, «борове великіе», снялись съ своихъ мѣстъ и идутъ невѣдомо куда на полдень.

Во время приваловъ, по вечерамъ и на утренней зарѣ, гулъ надъ ратями стоялъ еще болѣе страшный и въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ неслыханный. Прислужники, холопы и рабы разбивали княжескіе, воеводскіе и боярскіе шатры и наметы. Пестрота шатровъ была невообразимая, и чѣмъ владѣлецъ шатра былъ богаче и знатнѣе, тѣмъ шатеръ былъ больше и пестрѣе. Въ самой серединѣ обоза разбивался наметъ великокняжескій, пестрѣвшій всѣми цвѣтами, возможными въ природѣ, и блиставшій позолотою украшеній—коньковъ, пѣтушковъ, еловцовъ, и мишурою шнуровъ и кистей. Надъ нимъ всегда чернѣлъ большой великокняжескій стягъ, тоже съ золочеными еловцами и золотными кистями. Вокругъ этого шатра, какъ вокругъ соборнаго храма, разбивались меньшіе шатры—наметы удѣльныхъ князей. За этими шатрами—

шатры простыхъ воеводъ и бояръ. И эти шатры пестрѣли цвѣтами своихъ удѣловъ и областей: гдѣ рѣзалъ глаза красный цвѣтъ, гдѣ зеленѣлъ яркозеленый, гдѣ синій и алый. Удѣльные и полковые стяги имѣли также свои отличительные цвѣта и изображенія:—на одномъ страсти христовы, на другомъ святой «Дюрди» или Георгій побѣдоносецъ, на третьемъ «Микола чудотворецъ».

Ратные люди разводили костры, зажигали цѣлыя рощи, и распускали такое зарево, что оно будило всѣхъ звѣрей и птицъ, и всю ночь окрестности стонали отъ звѣринаго реву и вою, отъ птичьяго грая и клекота.

Къ кострамъ приставлялись таганы и треноги, кипѣли котлы съ варевомъ, шипѣли волы и бараны на огромныхъ вертелахъ.

Въ палаткахъ слышался говоръ князей и бояръ, звонъ чашъ, стопъ и братинъ: — одинъ удѣльный князь угощалъ другаго съ его воеводами и боярами, а бояре, князья и воеводы другихъ земель чествовали сосѣдей и не сосѣдей, пировали и братались, мѣняясь крестами и оружіемъ, ибо въ то время боярамъ и князьямъ разныхъ удѣловъ, городовъ и земель не легко было съѣзжаться при непроходимости путей и при постоянныхъ усобицахъ: муромцы пировали и обнимались съ суздальцами, верейцы цѣловались и братались съ серпуховцами, боровитяне угощали угличанъ, тверитяне бѣлозеровъ... Вспоминались общія обиды, претерпѣнныя отъ «поганыхъ», упоминались имена князей и бояръ, замученныхъ въ

Ордѣ, не забывалось и о тяжкихъ даняхъ, наложенныхъ «безбожными срацинами...»

И простые воины разныхъ земель и удѣловъ знакомились между собою: всѣ эти «хрестьяне», Рогволоды да Ярополки, Микиты да Добрыни, карачаровцы и москвитяне, устюжане и володимерцы, синія рубахи съ красными ластовками и красныя рубахи съ синими ластовками по землямъ и городамъ—все это сходилось къ общимъ шатрамъ, говорило и шутило разными мѣстными говорами, «окали» и «акали», «цовокали» и «човокали», «вякали» и «дзякали». Москвитяне смѣялись надъ половчанами, тверитяне надъ нижегородцами, у однихъ хаялись шапки, у другихъ шляпы, у тѣхъ порты осмѣивались, у этихъ зипуны и лапти, «звычаи», и «обычаи», «норовъ» и «ухватка»: тѣхъ дразнили, что они якобы «своего бога съ кашей съѣли», другихъ—якобы «овину свѣчи ставятъ», третьи—«лаптемъ шти хлебаютъ», у четвертыхъ—«чортъ дѣтей качаетъ...» Говоръ, смѣхъ, а тамъ—сонъ всего ополченія и сторожевые оклики часовыхъ да вой потревоженныхъ звѣрей по полю и по дубравамъ...

Чуть заря—все снималось съ прежнимъ шумомъ и гамомъ и двигалось далѣе на полдень...

На восьмой только день ополченіе подошло къ Коломнѣ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого города ополченіе встрѣчено было воеводами новыхъ полковъ, которые, по увѣщательнымъ грамотамъ изъ Москвы, сошлись къ Коломнѣ изъ разныхъ областей земли русской:—Микула

Васильевичъ—воевода полка коломенскаго, Андрей Серкизъ—воевода полка переяславскаго, Иванъ Родіоновичъ—воевода полка костромскаго, Тимоѳей Валуевичъ—воевода полка юрьевскаго, князь Романъ Прозоровской—воевода полка владимірскаго, князь Ѳедоръ Елецкой—воевода полка мещерскаго, князья Юрій и Ондрей—воеводы муромскаго полка. Военачальники обнимались и цѣловались между собою, словно бы это было свѣтлое христово воскресенье...

Въ коломенскихъ воротахъ ополченіе встрѣчено было епископомъ Герасимомъ, а коломенскія церкви звонили во всѣ колокола. Никогда такого множества ратей не видала Коломна и вся высыпала на улицы, на площади, за городъ. Бабы коломнянки и богатые люди расхаживали по рядамъ и поили ратныхъ квасами, медами, брагами и угощали калачами и баранками:—всѣ эти вои, сошедшіеся въ первый разъ со всѣхъ концовъ русской земли, казались «своими», «ближними», «сродниками», не смотря на различіе одежды и говоровъ...

— Сестрицы мои милыя! съ умиленіемъ говорила одна коломнянка другимъ бабамъ съ ведрами за плечами:—какъ они, ратные-тѣ, погнали своихъ коней на Оку-рѣку на водопой, такъ я, голубушки мои, думала, что кони-то всею Оку выпьютъ—таково много коней!

— Гдѣ, мать моя, комонемъ Оку испити!—не испить ее, успокоивала ее другая баба.

— Ковшомъ моря неисчерпати, пояснила третья.

— Что и говорить! а много воевъ—охъ много!—ино голуби со страху послетали съ церквей и не вѣдаютъ, гдѣ сѣсти...

Особенно поражали всѣхъ два рослыхъ красивыхъ воина, которые на богатыхъ коняхъ и въ дорогихъ доспѣхахъ неотлучно слѣдовали за великимъ княземъ, имѣя на головахъ черныя покрывала съ нашитыми на нихъ бѣлыми черепами... То были Пересвѣтъ и Ослябя.

На другой день по прибытіи ополченія къ Коломнѣ, великій князь велѣлъ всѣмъ ратямъ, и съ нимъ прибывшимъ, и до него, выстроиться на лугу, подъ самымъ городомъ, на мѣстѣ, гдѣ совершали коломняне свои обрядовыя «игрища» и пѣли «ой Дидъ-Ладо» да величали Ярилу. Лугъ этотъ, какъ и въ Карачаровѣ, какъ и подъ Москвою, назывался «дѣвичьимъ полемъ».

Нельзя было безъ умиленія и восторга, конечно со стороны тогдашняго «русича», смотрѣть на это небывалое зрѣлище—на обширное, ровное, зеленое поле, усѣянное несмѣтнымъ воинствомъ — необозримыми полчищами, какихъ еще ни разу не приходилось видѣть ни одному русскому съ тѣхъ поръ, какъ почалась русская земля: ни на Печенѣговъ и Половцевъ, ни на Хозаръ и Касоговъ, ни на Черныхъ клобуковъ и Грековъ, русская земля не высылала такого множества ратей, и притомъ такого поражающаго разнообразія—разнообразія въ цвѣтѣ одежды, въ ея покроѣ и качествѣ, разнообразія въ доспѣхахъ, въ вооруженіи, шишакахъ и кольчугахъ... И надъ

всѣмъ этимъ царилъ, поражая зрѣніе, яркій, огненно-красный, «червленый» цвѣтъ огромныхъ щитовъ, которые стояли и колыхались въ полѣ, точно живые, подвижные заборы, съ глядящими черезъ нихъ человѣческими головами въ шишакахъ и съ длинными копьями-«колчарами»... И надъ всѣмъ этимъ рѣяли, какъ большекрылыя птицы, разноцвѣтные стяги, знаменовавшіе собою всю собравшуюся воедино сѣверноруссную землю...

— О, велика ты, земля русская, земля православная! съ трепетомъ воскликнулъ великій князь при видѣ поразительнаго зрѣлища и молитвенно поднялъ къ небу руки, какъ-бы призывая милость неба на этотъ цвѣтъ русской земли.

— И еще не вся она, княже, собралася, со вздохомъ замѣтилъ Володиміръ Андреевичъ.

— Не вся, друже... Кто же будетъ кокошь оный, иже соберетъ птенцы своя подъ крилы—вся птенцы!

— Ты, господине княже, кокошъ оный...

Великій князь грустно покачалъ головой, свѣтя золотою еловцею шлема... «Ни-ни, друже... Малъ бѣхъ въ дому матере моея—святой Русіи—малъ и буду...»

— Слава великому князю! слава! прогремѣли ряды, завидѣвъ Димитрія.

— Слава великому и христолюбивому воинству! слава! отвѣчалъ громко великій князь, кланяясь на сѣдлѣ и подъѣзжая къ «первому суйму»—къ переднимъ рядамъ середины ополченія, расположившагося полукругомъ, такъ

что по сторонамъ его были «правая рука» и «лѣвая» или правое крыло и лѣвое.

Ополченіе расположено было «по землямъ»—земля суздальская, земля московская, земля тверская, земля володимірская, а всѣ вмѣстѣ изображали собою русскую землю. «Большимъ воеводою» «правой руки» былъ Владиміръ Андреевичъ, «лѣвой»—Левъ Брянскій, «середины»—самъ великій князь.

Войска осмотрѣны. Приказъ отданъ: протрубили трубы звонкія—выступать въ походъ назавтра, августа 30, на память славнаго и святаго князя Александра Невскаго, прародителя великаго князя Димитрія.

Ратнымъ людямъ уготовано было всѣмъ городомъ великое кормленіе—трапеза и питіе богатое. Трапезовали тутъ же, на «дѣвичьемъ полѣ», подъ открытымъ небомъ, сидя купами на травѣ. За трапезою служили всѣ коломняне поголовно, отъ мала до велика, разносили по купамъ яства, разливали зелено вино, квасы и меды сладкіе. А князья и воеводы трапезовали особо, въ городѣ: ихъ почтилъ трапезой Герасимъ епископъ.

Хорошо потрапезовали и выпили ратные. Разгорѣлась кровь молодецкая, развязались языки — пошелъ гулъ и говоръ по полю.

Особенно живая бесѣда шла въ одномъ кругу, именно въ муромскомъ полку. Ратные люди собрались вокругъ знакомаго уже намъ краснобая, Малюты-карачаровца, того самаго ратнаго, котораго мы видѣли въ селѣ Карачаровѣ

около «игрища» въ бесѣдѣ съ старымъ старцемъ Рогволодомъ и который хвалился, что когда-то онъ съ княземъ Волынскимъ Казань громилъ, а потомъ вмѣстѣ съ прочими бѣжалъ съ поля битвы на берегахъ рѣки Цьяной, когда русскіе потерпѣли пораженіе отъ царевича Арапши. Теперь Малюта сидѣлъ на травѣ поджавши ноги и важно отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы.

— Такъ землякъ твой былъ Илья-то Муромецъ?

— Стало землякъ, коли изъ одново села:

— Ой ли! съ самова Карачарова?

— Изъ нево... И избы-тѣ наши, моя и Ильина, чу, Муромца, рядомъ стоятъ.

— Что ты! — ахъ! — И сказку про нево сказывать, поди, гораздъ?

— Гдѣ не гораздъ!

— А ну—скажи, человѣче,—мы послушаемъ.

— Скажи, братецъ,—потѣшь насъ, уважь! приставали другіе ратные.

Малюта началъ было ломаться; но потомъ, внявъ общимъ мольбамъ, откашлялся и началъ тягучимъ, однообразнымъ голосомъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону:

Въ старину было въ стародавнюю,
Ишпо Володимеръ князь да столъ держалъ,
Въ ту пору было въ славномъ городѣ во Муромѣ,
Во большомъ селѣ Карачаровѣ
Жилъ хрестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ.
У тово ли у хрестьянина изо всѣхъ дѣтей

Было дѣтище едино любимое,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
Какъ сидѣлъ онъ сиднемъ ровно тридцать лѣтъ,
Тридцать лѣтъ не имѣлъ ни рукъ, ни ногъ,
На печи ли яму подъ собой протеръ.

— Ахъ! не вытерпѣлъ одинъ ратничекъ:—подъ собой яму протёръ, слышь...

— А ты не перебивай!... Ишь бога-ту своно съ кашей съѣлъ, да туда жъ лѣзетъ! осадили его сосѣди.

Ратничекъ, съѣвшій якобы своего бога съ кашей, заморгалъ глазами и замолчалъ.

Поощренный общимъ вниманіемъ, Малюта продолжалъ:

Приходило тутъ веремя-то лѣтнее,
Веремя страдное, дни сѣнокосные,
Уходилъ осударь ево батюшка,
Со родителемъ ево, со матушкой
Да со всѣмъ сѣмьёмъ любимыимъ
На работушку на ту хрестьянскую,
Очищать отъ дубья-колодья нòженку—
Оставался дома одинъ Илья.
Идутъ тутъ мимо старцы незнамые,
Нища братія, кàлики перехожіи,
Становились подъ окошечко косящато,
Говорили Ильѣ таковы слова:
...Ай ты гой еси, Илья Муромецъ, хрестьянской сынъ!
Возставай-ка на рѣзвы ноги,
Отворяй-ко ворота широкіи,
Впускай-ко кàликъ во храмину,
Подавай-ко кàликамъ напитися“...

— Испей, касатикъ, испей на здравіе.

Это словно изъ земли выросла баба съ ведрами на плечахъ, та самая, что боялась, какъ бы ратные кони всей Оки не выпили. Только теперь у нея была не вода въ ведрахъ, а брага, да такая ядреная, что какъ стали ратные люди испивать ее ковшами, то забыли и про Илью Муромца—да такъ до ночи и кружилъ коломенскій ковшъ...

VII.

Таинственный Боброкъ.

Прошла еще недѣля. Ополченіе продолжало двигаться къ югу, оставивъ за собою Оку и вступивъ въ совершенно уже невѣдомыя области — такъ мало знали тогда русскіе люди свою, русскую землю. Тутъ уже приходилось ополченію идти подъ руководствомъ знающихъ дѣло «вожей». Кто жъ могъ быть тогда этими «вожами» — проводниками, какъ не торговые люди «сурожане», которые бродили изъ страны въ страну, пробирались отъ моря Сурожскаго къ морю Хвалынскому, отъ Хвалынскаго въ страны тмутороканскія, торговали и въ Булгарахъ на Волгѣ, и въ Сараѣ, и въ Итилѣ, толкались и по базарамъ Херсонеса и Козлова, прислушивались и къ звяканью кандаловъ на ногахъ невольниковъ, продаваемыхъ въ Кафѣ на рынкѣ, и къ рокотанью струнъ «Бояновъ вѣщихъ» на полузапустѣлыхъ улицахъ города Кіева...

Такихъ «вожей сурожанъ» находилось при русскомъ ополченіи десять человѣкъ. Одинъ изъ нихъ особенно по-

ражалъ своимъ умомъ, всезнаніемъ и «вѣдовствомъ». Сорокъ лѣтъ онъ ходилъ и ѣздилъ морями изъ одной земли въ другую, зналъ норовы и обычаи всѣхъ странъ и народовъ, говорилъ на всѣхъ языкахъ — зналъ онъ и посурожски, и порусски, разумѣлъ и татарскую рѣчь, и греческую, говорилъ и понѣмецки, и повенедицки, и покафински, и польскою, и сербскою рѣчію. А какъ станетъ разсказывать о своихъ походахъ да торгахъ, да чудесахъ заморскихъ—такъ волосъ дыбомъ становится! Въ Цареградѣ онъ видѣлъ самого царя греческаго Палеолога и ризу Богородицы, что руссовъ, сказываютъ, потопила. Въ Кіевѣ въ пещерахъ бывалъ и Золотыя Врата видѣлъ, и пѣсни кіевскихъ слѣпцовъ слышалъ. Когда была на Руси «черная смерть», такъ онъ тогда былъ молодымъ, и, прослышавъ про моръ, ушелъ изъ Пскова за море въ Галанскую землю. Когда ходилъ въ сербинскую землю, то видѣлъ, какъ хоронили царя ихъ, Степана Душана, и кутью на его поминкахъ ѣлъ. И въ Булгарахъ за Волгой алатыремъ-камнемъ торговалъ, и въ Сараѣ бывалъ и самому Озбяку царю большой алатырь-камень подарилъ, а Мамаю — саблю «едимашку».

Таковъ былъ этотъ «сурожанинъ!» Путь онъ узналъ по звѣздамъ да по мѣсяцу. Зналъ, гдѣ въ какой землѣ какіе звѣри есть и птицы невиданныя и камни самоцвѣтные, что ночью безъ огня горятъ и путь показываютъ. Видѣлъ и кита въ морѣ, и людей морскихъ, что до половины баба, до половины же рыба съ плесомъ и плавни-

ками—въ ясный день, передъ бурей, изъ моря выскакиваютъ и въ ладоши плещутъ.

Но болѣе всего поразилъ этотъ «сурожанинъ» великаго князя и его дружину разсказомъ о томъ, какъ онъ на одномъ венедицкомъ кораблѣ, когда ѣхалъ въ Кафу, ѣлъ ту самую рыбку, которую сама Богородица-матушка ѣла да не доѣла...

— Какъ же сіе приключися, человѣче! съ удивленіемъ спросилъ его Димитрій.

— Сицевымъ образомъ, сказываютъ, княже: когда жидове распяли на крестѣ Господа нашего Исуса Христа, пречистая мати его, Богородица, много молилась и плакала и три дни постъ держала. А черезъ три дни нача оная Богородица поминати Сына своего и Бога нашего и поминала его рыбкою — рыбку кушала. Въ онъ часъ пріиде къ ней Марія Магдалина и рече: «Христосъ-деи воскресъ». А Богородица отвѣща ей: «како можетъ мертвый кресити не? — Тогда, говоритъ, мертвый Христосъ воскреснетъ, когда-де сія рыбка оживетъ»... А рыбку оную Богородица уже до половины скушала — одинъ бочокъ начисто обглодала... И какъ она рекла словеса оныя, что тогда-деи повѣрю, что Христосъ воскресе, когда сія рыбка оживетъ,—рыбка та—оле чудесе!—скокъ на столъ, да со стола—и оживе!—И живетъ доселѣ въ морѣ...

— И ты ее ѣдалъ? изумился великій князь.

— Ѣдалъ, господине княже.

— Какова жъ она?

— Нарочито невеличка — съ лещика будетъ, токмо круглѣе, аки ладонь большая — и одинъ бочокъ, такъ и видно, обглоданъ, и одново глаза нѣтъ—съ однимъ глазомъ рыбка.

— А какъ именуютъ рыбку ту?

— Камбалою именуютъ.

Въ это время вдали, за передовымъ отрядомъ, завыли рога. Рати невольно стали прислушиваться—какія вѣсти трубятъ рога? Привалу еще рано быть: — солнце клонилось къ западу, но вечеръ еще не наступилъ, хотя въ этомъ завываньи роговъ не было ничего тревожнаго, боевого, а напротивъ слышалось что-то привѣтственное, однако всѣ изумленно и тревожно смотрѣли впередъ... А если «поганые?»... А «литва?»...

— Рогъ незнакомый, замѣтилъ великій князь: — это не наши рога.

— Не наши, подтвердилъ и Владиміръ Андреевичъ:— голоса чужіе.

— Кіевски голоса, замѣтилъ въ свою очередь всевѣдущій «сурожанинъ»:—хохлацки... это кіевски рога— я знаю.

Димитрій, Владиміръ, Пересвѣтъ, Ослябя и другіе «извольники» князя поскакали впередъ.

Навстрѣчу ополченія шло облако пыли, привѣтливо трубили звонкіе рога и изъ-за пыли виднѣлись цвѣтныя знамена, полоскавшіяся въ воздухѣ. На еловцахъ знаменъ блестѣли кресты...

— Наши! наши! хресты видать! закричали ратные.

— У поганыхъ хрестовъ нѣтъ на стягахъ—хрестьяне идутъ!

— Трубчане, братцы, идутъ, да брянчане—ихъ одежа, ихъ посадка и стяги!

Дѣйствительно, во вновь приближавшихся ратяхъ ничего не было видно враждебнаго, либо иноплеменнаго: все—и люди, и стяги, и доспѣхи, и одѣяніе—все напоминало «русичей». Впереди, подъ алымъ съ золотомъ стягомъ, ѣхали два молодыхъ всадника, а третій — уже пожилой. Подъ первыми были вороные кони, а подъ третьимъ — громадная рыжая лошадь, съ необыкновенно развитою грудью и съ цѣлымъ лѣсомъ волосъ въ гривѣ. Хотя вся внѣшность этихъ трехъ всадниковъ и особенно рати ихъ ясно говорили, что это не татары и не литва, однако чѣмъ-то особеннымъ вѣяло отъ этихъ трехъ молодцоватыхъ фигуръ: —двое младшихъ были бѣлокурые, тонкіе, жидкіе, съ голубыми глазами, юноши, совершенно не русскаго «образа», а какъ бы литовскаго; такихъ тоненькихъ и стройныхъ княжичей на Руси не видывано— русичи полновѣснѣе, тѣльнѣе, сдобнѣе; да русичи притомъ — или бородатые или совсѣмъ безбородые отроки, какъ мученики княженята Борисъ и Глѣбъ; а у этихъ нѣтъ бородъ, за то есть усики, да еще подвитые кверху, потараканьи... Нѣтъ, это не русичи... А ужъ третій, старшій, совсѣмъ смотритъ чѣмъ-то невиданнымъ: черные усы, «аки косы дѣвичьи», падаютъ на грудь, а борода

голена—вотъ диво! — А еще дивнѣе диво: изъ-подъ высокой шапки виднѣется бритая голова, бритые виски — и — оле чуда невиданнаго! — настоящая коса дѣвичья, черная, что смола, только не заплетена, а перекинута за ухо... Вотъ чудище! — точно Соловей-разбойникъ, либо идолище какое... А смотритъ ласково, осклабляется и усомъ моргаетъ.

Увидавъ первыхъ двухъ молодыхъ всадниковъ, великій князь тотчасъ же узналъ ихъ и замѣтно обрадовался. Онъ приподнялся на сѣдлѣ, ротъ его невольно раскрылся въ привѣтливую улыбку, и правая рука приложилась къ груди, на которой висѣлъ массивный золотой крестъ подъ такою же гривною.

— Добро пожаловати, князи честніи! воскликнулъ онъ.—Благословенъ грядый во имя Господне.

Молодые всадники поклонились и приложили руки къ груди.

— Другъ друга обымемъ! продолжалъ великій князь, подъѣзжая къ всадникамъ.

Онъ обнялъ поочереди и того, и другаго.

— Добраго пути и врагомъ одолѣнія! сказали разомъ оба молодые всадника: —мы и рати наши челомъ бьемъ тебѣ, господине княже.

— Братія моя милая! оба есте князи, оба Олгердовича—Ондрей и Димитрій! положимъ есмы головы за Рускую землю, за домы божіи! говорилъ Димитрій.

— Затѣмъ пришли—того и искать будемъ, а съ нами

и наши добрыи молодцы—брянчане и трубчане, отвѣчали Олгердовичи.

Прибывшіе молодые всадники были братья, князья Андрей и Димитрій Олгердовичи. Они были братья и Ягелла, великаго князя литовскаго, но, будучи обижены имъ, перешли на сторону Димитрія московскаго, и одинъ изъ нихъ, Андрей, былъ призванъ на княженіе въ Полоцкѣ. Теперь они и привели съ собою въ помощь русскимъ ратямъ противъ Мамая свои дружины — брянчанъ и трубчанъ.

— А се, господине княже, началъ было Андрей Олгердовичъ, показывая на страннаго черномазаго всадника съ огромными усищами и косой за ухомъ, который молча сидѣлъ на своемъ богатырскомъ конѣ и крутилъ усъ:— се, княже... И остановился...

Къ великому князю, на страшно взмыленныхъ коняхъ, едва переводя духъ подскакали еще два всадника. Потъ ручьями лилъ съ ихъ лицъ, шишаки ихъ и бороды были въ пыли, кони тяжело дышали...

— Съ какими вѣстями, братіе? тревожно спросилъ великій князь прибывшихъ.

— Язъ, Петрушка Горской, да Карпунько Олексинъ— мы есмя гонцы отъ воеводы Семена Мелика, торопливо отвѣчалъ одинъ изъ прибывшихъ.

— Такъ съ чѣмъ прислалъ васъ Семенъ? торопилъ ихъ Димитрій.

— Прислалъ сказать: нечестивый-де Мамай стоитъ на

Дону, на Кузьминой-Гати и ждетъ къ себѣ Олега рязанскова, да Ягелла литовсково.

Точно облачко пробѣжало по полному, красноватому лицу Димитрія... дрогнули вѣки... зрачки расширились... рука судорожно ухватилась за сердце...

— Такъ и Олегъ... окаянный, — невольно шептали его губы.

Краска сходила съ его полныхъ щекъ... губы дрожали... Но онъ силился овладѣть собою...

— А сколько у Мамая силы? спросилъ онъ гонцовъ.

— Не перечести, былъ короткій, но страшный отвѣтъ.

Димитрій опустилъ голову, снова поднялъ ее, глянулъ на Олгердовичей, которые стояли бодро и весело,—на черномазаго съ косой—и тотъ глядитъ бойко, соколомъ, и улыбается однимъ усомъ... Димитрій глянулъ на друга своего, на Владиміра Андреевича, на воиновъ-схимниковъ— и видъ ихъ нѣсколько ободрилъ его...

— Объ-онъ-полъ Дона стоитъ нечестивый? снова обратился онъ къ гонцамъ:—за Дономъ?

— За Дономъ, господине княже, отвѣчалъ одинъ.

— У Красной Мечи, пояснилъ другой.

— А что дѣлаетъ Семенъ Меликъ съ дружиною?

— Бьется съ передними ордами, отвѣчалъ первый.

— Развѣдному полку путь преграждаетъ, пояснилъ второй.

— А крѣпокъ Семенъ?—стоитъ?

— Крѣпокъ, господине княже.

— Ево дружина — все нарочиты мужи-богатыри—что дубы стоятъ...

— Сѣкутъ поганыхъ гораздо...

Великій князь, снова оглянувшись кругомъ и поглядѣвъ на солнце, уже спускавшееся къ горизонту, приказалъ трубить привалъ.

Взвыли рожки и трубы, заржали кони, застонала окрестность отъ тысячъ голосовъ.

Великій князь, обратясь къ стоявшимъ около него князьямъ и воеводамъ, просилъ ихъ къ себѣ въ ставку, которая тутъ же и была разбита на маленькомъ возвышеніи, а Пересвѣта и Ослябю послалъ сейчасъ же звать остальныхъ князей и воеводъ въ свой шатеръ.

— Совѣтъ держать, пояснилъ онъ.

Воины-схимники стрѣлой помчались въ разныя стороны.

Черезъ полчаса всѣ князья и воеводы были въ сборѣ. Великій князь сидѣлъ по серединѣ шатра, а кругомъ него всѣ военачальники. Рядомъ съ нимъ — Владиміръ Андреевичъ, противъ—оба Олгердовича съ своимъ черномазымъ, усатымъ и косатымъ спутникомъ, въ сторонѣ, у выхода—Пересвѣтъ и Ослябя, какъ двѣ черныя каріатиды.

Великій князь перекрестился, а за нимъ замахало руками и все собраніе.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! началъ Димитрій.

— Аминь! былъ общій откликъ.

— Отъ воеводы отъ Семена сына Меликова пришли

вѣсти: нечестивый Мамай стоитъ объ-онъ-полъ Дону, на Кузьминой-Гати, что̀ къ Красной-Мечи, и ждетъ окаяннаго Олега рязанскаго и Ягелла литовскаго... Сила поганыхъ неисчислима... Воевода Семенъ съ нарочитыми мужи прегражаетъ путь переднимъ ордамъ...

Димитрій остановился и глянулъ кругомъ, какъ̀-бы желая почерпнуть мужества у воеводъ и перевести духъ. Грудь его, высоко подымаясь, колыхала золотой наперстный крестъ. Въ палаткѣ было тихо, несмотря на то, что кругомъ, надъ всѣмъ ополченіемъ, стоялъ гулъ и смѣшанный рокотъ.

— Братія! продолжалъ Димитрій дрогнувшимъ голосомъ:—приспѣ година... Что совѣтуете, да учинимъ?... Переходить ли на ту страну Дона?—ждать ли на сей странѣ?

Онъ замолчалъ, тяжело и ускоренно дыша. Всѣ молчали, сопя и дыша усиленно.

— Идти или стоять? повторилъ великій князь.

— Стоять, княже господине, послышался одинъ робкій голосъ.

— Подобаетъ остаться на сей сторонѣ Дона, заговорилъ другой, смѣлѣе.

— Правда:—врагъ неисчислимъ—и татаровя, и рязанцы, и литва, подкрѣплялъ третій.

— Истинно:—покинемъ за собою рѣку — ино трудно будетъ назадъ идти... ненадобеть переходить...

— Оввà! раздался вдругъ странный голосъ, точно изъ трубы.

Всѣ оглянулись. Это тотъ усатый и черномазый, что сидѣлъ рядомъ съ Олгердовичами издалъ такой странный звукъ. Димитрій посмотрѣлъ на него вопросительно. Олгердовичи лукаво улыбались.

— Я, Митро Боброкъ, волынянинъ, совѣтъ даю такій тоби, пане великій князю, и всѣмъ панамъ княземъ и воеводамъ:—итѝ на тотъ бокъ и битись съ погаными, бо хто самъ бьеть, того не бьють, а хто самъ не бьеть, того бьють...

Эта неожиданная, сказанная никому неизвѣстнымъ пришлецомъ и такимъ страннымъ языкомъ рѣчь произвела сильное впечатлѣніе. Всѣ сидѣли ошеломленные. Пересвѣтъ и Ослябя видимо любовались незнакомцемъ.

— Панъ Боброкъ истину говоритъ, господине княже, поддержалъ незнакомца Олгердовичъ, Андрей: — коли ты хощешь крѣпкаго бою, вели нынѣ же перевозитись за Донъ, дабы ни у кого и въ мыслѣхъ не было возвращатца вспять... Пускай всякъ изъ насъ безъ хитрости бьетца, пусть не думаетъ о спасеніи, а съ часу на часъ себѣ смерти ждетъ... Тогда мы одолѣемъ поганыхъ...

— Добре! добре, князю Олгердовичу! отозвался таинственный Боброкъ.

— И я реку: добре! сказалъ и другой Олгердовичъ, Димитрій:—а что, сказываютъ, у поганыхъ силы велики—такъ что на сіе смотрить! Не въ силѣ Богъ—въ правдѣ!

Какъ-бы въ подтвержденіе этихъ словъ о томъ, что и Богъ и сила — въ правдѣ, въ палатку вошелъ старый

чернецъ, весь запыленный, видимо съ дороги, и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, низко всѣмъ поклонился.

— Миръ вамъ! сказалъ онъ.—Преподобный Сергій, игуменъ смиренныя обители святыя Троицы, прислалъ тебѣ, великому князю, и всѣмъ соратникомъ твоимъ свое пастырское благословеніе и грамоту.

Всѣ встали съ мѣстъ. Черный посланецъ досталъ изъ кожаной сумы маленькій свитокъ и подалъ его великому князю. Дрожащими руками развернулъ князь свитокъ, нагнулся къ нему, пробѣжалъ глазами, и лицо его освѣтилось радостью.

— Благодарю тебя, Господи! воскликнулъ онъ, поднимая руки. — Святой отецъ вторицею благословляетъ меня на брань... Знаменіе сіе—великое! За насъ помощь всемогущаго Бога и Пресвятыя Богородицы!... «Дерзай, чадо!» глаголетъ преподобный... Воскликнемъ и мы съ псалмопѣвцемъ: «си на колесницѣхъ и си на конѣхъ, мы же во имя Господа возстахомъ и исправихомся!»... Возстанемъ же, братіе! Честная смерть унѣ есть злаго живота: унѣ бо было не ити противу безбожныхъ, нечѣмъ пришедъ до сихъ мѣстъ и ничто же сотворивъ, возвращатися вспять...

— Добре! добре! прогудѣлъ таинственный Боброкъ.

Въ этотъ моментъ въ палатку вошло новое лицо. Пришедшій былъ видимо съ дороги. Это былъ мужчина уже не молодой, съ сильно хваченною просѣдью бородою и ясными сѣрыми глазами на шибко загорѣломъ лицѣ.

Доспѣхи его были покрыты рубцами и запекшеюся кровью...

— Брате Семене! съ какими вѣстями! тревожно воскликнулъ князь Димитрій.

— Съ добрыми для хоробраго! отвѣчалъ прибывшій.

— Что нечестивый Мамай?

— Всѣ силы темныя, силы всѣхъ властей и князей своихъ ведетъ на насъ Мамай... Уже онъ на Гусиномъ-Броду... Едина токмо ночь промежу нашими и его полками... Вооружайся, княже! заутра нападутъ на насъ поганые... Уже слышно ржаніе коней ихъ...

— Добре! добре! снова прогудѣлъ голосъ Боброка.— Комони ржуть за Сулою, гремить лава по Дону, великій князь Димитрій вступае въ златъ стременъ... Идемо на поганыхъ!

Всѣ съ изумленіемъ посмотрѣли на говорившаго; но никто не возражалъ... Только великій князь возвелъ очи горѣ и перекрестился...

— Быть по сему... Да будетъ воля твоя, Боже всемогущій! ..

ТЕКА

VIII.

Ночь наканунѣ битвы. Предсказаніе Боброка.

—

Кто же былъ этотъ таинственный Боброкъ, слово котораго, можно сказать, рѣшило судьбу русской земли, двинуло нерѣшительнаго Димитрія и его рати за русскій Рубиконъ?

Лѣтописи говорятъ, что онъ былъ «волынецъ», выходецъ изъ южной Руси, которая во время татарскаго ига порвала всѣ связи съ сѣверной—московской, тверской, владимірской, суздальской и всей прочей подтатаренной. Прикрывшись Днѣпромъ и восточными степями, этими естественными преградами, отъ страшныхъ поработителей сѣверной Руси, южная — кіевская, волынская и подольская Русь медленно воскресала послѣ перваго, Батыевскаго погрома, распускалась и зацвѣтала новыми цвѣтами, какъ потоптанная конскими копытами трава. Въ ней все оставалось прежнее, какъ было еще при кіевскихъ князьяхъ — при Игорѣ и Свято-

славѣ, при Ольгѣ и Ярославѣ—«законникѣ», при Владимірѣ—«красномъ солнышкѣ» и Владимірѣ «Мономахѣ»: не было только князей, а были и прежніе Бояны, которые свои «вѣщіе персты на живыя струны возлогали» и «славу» не княземъ, а своимъ удалымъ богатырямъ «рокотали», и удалые богатыри вродѣ «Ивася Кожемяки»—древняго «Яна-Усмошевця» и Добрыни Никитича...

Къ такимъ южнорусскимъ богатырямъ принадлежалъ и Митро Боброкъ-волынянинъ. Онъ любилъ свою пѣвучую и цвѣтущую сторонку, любилъ ея пѣсни, ея «красныя дѣвы—дивчата», зналъ наизустъ старую богатырскую думу—«Слово о полку Игоревѣ...»

Въ то время самую окраину южной Руси составляла Червонная Русь—могучая отчина князей Романа и Даніила галицкихъ, по своей столицѣ Галичу такъ прозванныхъ, страна, не потоптанная копытами татарскихъ коней, забиравшая подъ свою руку и литву, которая плакалась на Романа: «Романе! Романе! не добромъ живеши—литвою ореши...»

Въ этой-то сторонкѣ, на Волыни да въ Червонной Руси, выросталъ Митро Боброкъ, а когда выросъ, то вольною птицею леталъ и по возрождавшейся Кіевщинѣ, и по Литвѣ, и по степямъ лѣвобережнаго Поднѣпрія, задираючи съ такими же, какъ онъ самъ, вольными сынами «казаками» поганую татарву; что пробовала иногда отъ Дона и Волги пробраться саранчою въ оживавшую и

расцвѣтавшую цвѣтами и людьми южную Русь—«мати Украину».

Называлъ себя Митро Боброкъ почему-то «козакомъ», какъ называли себя и другіе подобные ему молодцы. А что значило слово «козакъ»—онъ и самъ не зналъ, да и никто этого не вѣдалъ: «такъ люде дражнять козаками—козаки и пошли гулять по свѣту...»

И говорилъ Боброкъ какъ-то особенно, кажись бы и порусски, и слова больше русскія, знакомыя, такъ выговоръ какой-то чудно́й, новгородскій, да и того чуднѣе: «хлѣбъ» у него выходитъ «хлибъ», «человѣкъ»—«чоловикъ», «конь»—какъ-то ужъ совсѣмъ чудно́ — не то «кинь», не то «кунь», не то «куинь». А иное такое совретъ словцо, что и не уразумѣешь его: «годъ» у него «рокъ», «сапоги»—«чоботы», собака «лаетъ»—у него она «брешетъ», и «вретъ» у него «брешетъ», и бояръ да господъ у него нѣтъ, а все «паны»:—такъ чудно́й языкъ, косноязычіе нѣкое, казалось русскимъ и особенно московскимъ людямъ... «маленько сшиблись языкомъ хохлатые люди», говорили они съ сожалѣніемъ.

Вотъ изъ такихъ-то «хохлатыхъ людей» былъ и Боброкъ. Пришелъ онъ изъ своей земли, изъ «хохлатой», въ Литву, служилъ и у Кейстута и Олгердовичей; а какъ услыхалъ, что русскіе люди подымаются на поганыхъ, то не утерпѣлъ и онъ—просилъ Олгердовичей взять его съ собою. А Олгердовичи уважали его, какъ отца роднаго,—ужъ очень былъ свѣдущій человѣкъ въ ратномъ

дѣлѣ и «вѣдунъ» великій: зналъ все, что прежде было; знаетъ и то, что будетъ. И по «птичьему-то граю» онъ узнаетъ будущее, и по «чоху», и по «встрѣчѣ»; слышитъ, какъ и земля говоритъ, разумѣетъ и то, что трава шепчетъ, листъ на древѣ выговариваетъ...

Несказанно дивился его «вѣдовству» и великій князь, котораго «хохлатый человѣкъ» сразу расположилъ въ свою пользу и своимъ открытымъ, умнымъ лицомъ, и своими смѣлыми, мудрыми рѣчами, особенно же, когда Димитрій узналъ, что Боброкъ бывалъ и въ Кіевѣ, и маливался печерскимъ угодникамъ, лобызалъ ихъ святыя мощи. Только эта странная коса у Боброка, этотъ длинный «хохолъ» приводилъ великаго князя въ смущеніе.

— Ишь ты! дивился великій князь вмѣстѣ съ дружиною: — у насъ на головѣ гуменце простригаютъ, а у нихъ вонъ что — хохолъ еще оставляютъ.

— И усы нарочитые! дивились прочіе русичи.

Но Боброкъ объяснилъ великому князю, что и предки его, князя, великіе князья кіевскіе носили «хохлы», только они называются въ Кіевской землѣ «чубами». Увѣрялъ этотъ чудной Боброкъ, что и хоробрый Святославъ князь носилъ «чубъ», и Игорь князь, и Олегъ вѣщій...

— Да откуду ты все сіе вѣдаешь, брате Димитріе! еще болѣе дивился великій князь.

И Боброкъ объяснилъ, что когда онъ маливался въ кіевскихъ пещерахъ и живалъ въ нихъ подолгу, такъ

читалъ тамъ «Лѣтописца», руки самого преподобнаго Нестора «книжнаго», и знаетъ, «откуду пошла есть русская земля», и что въ ней было, и какіе князи княжили, и какія знаменія на небеси бывали.

Однимъ словомъ—Боброкъ сразу очаровалъ всѣхъ. Еще была въ немъ одна особенность, которая пришлась по душѣ всѣмъ:—это его веселость, живость характера при внѣшней, казалось бы, суровости и насупленности; но насупленность происходила просто отъ расположенія бровей и крутизны лба и надглазныхъ костей. Боброкъ умѣлъ пошутить и разсмѣшить, и подъ его шуткой какъ-то сглаживалось, смягчалось и расплывалось все, даже самое страшное... Какъ ни торжественъ былъ моментъ, когда Боброкъ соединился съ ополченіемъ великаго князя и когда рѣшено было перевозиться черезъ Донъ, какъ ни тревожно всѣ были настроены, Боброкъ и тутъ казался беззаботнымъ и веселымъ; мало того—онъ шутилъ, снуя на своемъ рыжемъ жеребцѣ по берегу Дона и указывая, гдѣ удобнѣе наводить мосты, гдѣ пускаться въ бродъ, и, какъ бы въ подтвержденіе легкости этого подвига, перекинулъ на ту сторону Дона свою шапку и тутъ же бросился въ воду, стоя, а не сидя на сѣдлѣ, и черезъ нѣсколько секундъ былъ уже тамъ и махалъ оттуда своей барашковой шапкой съ краснымъ верхомъ.

Увидя «хохлатаго дьявола» на той сторонѣ, всѣ тотчасъ же стали переходить Донъ то вбродъ, то по наскоро

сколоченнымъ плотамъ, и раньше полуночи русскія рати были уже за Дономъ и расположились на ночлегъ.

За полночь, когда великій князь, оберегаемый Пересвѣтомъ и Ослябею, еще не спалъ, а молился, стоя на колѣняхъ и съ трепетомъ помышляя о завтрашнемъ днѣ, какъ бы силясь поклонами и слезами разорвать страшную пелену будущаго, повисшую между этою ночью и предстоящимъ днемъ, въ шатеръ вошелъ кто-то тихонько и остановился у входа. Димитрій вздрогнулъ, но тотчасъ узналъ Боброка, и успокоился.

— Се ты, брате Димитріе? спросилъ онъ нежданнаго гостя. — Я бувъ колись, княже, былъ отвѣтъ.

— Почто пришелъ еси, брате?

— Та по казацкому дилу, княже... Хочешь—я покажу тоби таки прикметы, що тоби знати буде, що станеться завтра, отвѣчалъ Боброкъ таинственно.

— Прикметы, сказываешь, брате? Какія оныя прикметы?—удивился князь.

— Та такъ-таки прикметы казацьки, княже... У насъ есть таки прикметы...

Димитрій задумался. Ему тотчасъ же пришло въ голову—не грѣховное ли это дѣло, не бѣсовское ли искушеніе... Ему припомнился и Саулъ царь у Аэндорской волшебницы, и Олегъ князь у кудесника... Но въ то же время брало сильное искушеніе заглянуть за эту страшную пелену, приподнять ее, взглянуть въ очи невѣдомому будущему...

— А не грѣховно ли сіе, брате Димитріе? нерѣшительно спросилъ онъ.

— Ни, княже, не гриховне... мы съ святыми хрестами, успокоивалъ его Боброкъ:—помолимось...

Послѣ нѣкотораго раздумья, Димитрій рѣшился. Они сѣли на коней и, не говоря никому ни слова, какъ будто бы ѣхали осмотрѣть сторожевые посты, выѣхали изъ обоза, стараясь не звякнуть ни стременемъ, ни доспѣхами, ни тупнуть копытами коней.

Передъ ними разстилалось окутанное ночною мглою, широкое, ровное, казалось, безконечное поле, сходившееся съ темнымъ, зловѣще смотрѣвшимъ на нихъ своими очами-звѣздами, небомъ. Ни вправо, ни влѣво не видно было ничего, кромѣ темной дали и неба, и не слышно было ни звука—все спало—и небо, и земля, и это безконечное поле. Только иногда по темноголубой выси золотистою ниткою пробѣгала падающая звѣзда и исчезала въ пространствѣ. При видѣ падающей звѣзды, Димитрій всякій разъ крестился... Ему казалось, что черезъ эти очи на него кто-то глядитъ... «Души умершихъ прародителей глядятъ оттуду... Страшно... Молитесь обо мнѣ, души почивающихъ съ миромъ... Можетъ и княгиня не спитъ и глядитъ на сіе небо, звѣздами, аки бисеромъ, измечтанное»... Ему пришли на память пророческія слова преподобнаго Сергія: «Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ... Онъ побѣдитъ и низложитъ супостаты и прославитъ тя»... Вспомнилась и

вчерашняя благословенная грамота Сергія: «дерзай, чадо!..»

Долго они ѣхали молча. Мертвая тишина, казалось, давила болѣе и болѣе. Чувствовалась какая-то оторванность отъ всего живаго, такъ томительно было это молчаніе природы..!

— Мнѣ страшно, невольно прошепталъ Димитрій.

— Не бойся, княже... Се, Куликове поле, тихо сказалъ Боброкъ: — куликивъ десь до-гаспида — сто копанокъ...

Онъ остановился. Остановился и великій князь.

— А ну, княже, повернись до татарьской стороны и слухай, еще тише сказалъ Боброкъ.

Князь вперилъ очи передъ собою, во мракъ, гдѣ должны были быть татары, и напряженно слушалъ, такъ напряженно, что слышалъ, какъ подъ кольчугою тукало его сердце... И онъ услыхалъ... Въ ночной тишинѣ дѣйствительно слышалось въ той, въ татарской сторонѣ, какъ звучали трубы, стучало и звенѣло глухо оружіе, раздавались неясные голоса... Справа слышны были завыванья волковъ, ихъ грызня, протяжный лай... Съ лѣвой стороны тоже говорила ночная мгла: кричали невѣдомыя птицы, граяли вороны, клектали орлы...

— Що чуешь?—спросилъ Боброкъ.

— Страхъ и гроза,—трепетно отвѣчалъ Димитрій.

— Теперь—сказалъ Боброкъ — повернись, княже, на руській полкъ.

Оба они поворотили коней и стали лицомъ къ Дону. Опять стали прислушиваться. У Димитрія еще болѣе колотилось сердце—онъ только его и слышалъ...

— Что чуешь?—снова спросилъ Боброкъ.

— Ничего не слышу — отвѣчалъ великій князь: — тишина великая... вижу токмо, якобы отъ множества огней зарево...

Боброкъ немного помолчалъ. Еще разъ повернулся на сѣдлѣ, поглядѣлъ на всѣ четыре стороны, какъ-бы нюхая воздухъ или ища движенія вѣтра. Снова послушалъ. Князь тревожно ждалъ...

— Господине княже! торжественно сказалъ наконецъ Боброкъ: — благодари Бога и пречистую Богородицю и великого чудотворця Петра и всихъ печерськихъ угодниковъ: огни — то доброе знаменіе тоби... Призывай Бога на помочь и молись Ему часто, не оскудивай вирою до Его и до пречистой Богородици и до пастыря вашого московськаго и молебника, великого чудотворца Петра, и до нашихъ печерськихъ угодниковъ... Се добри прикметы... А въ мене есть ще одна прикмета...

Боброкъ сошелъ съ коня, легъ на землю и припалъ къ ней правымъ ухомъ. Онъ долго такъ лежалъ и къ чему-то, ему одному слышному, прислушивался.

Страшно опять стало великому князю въ этой тишинѣ... Ему вспомнилась старая сказка про богатыря Добрыню Никитича, какъ онъ бродилъ въ полѣ незнаемѣ, отыскивая Змѣя Горынчища, и приникалъ ухомъ къ сырой землѣ:

Припадалъ Добрынюшка ко сырой землѣ,
Услыхалъ тутъ посвистъ позмѣиному,
Услыхалъ онъ покрикъ позвѣриному...

Боброкъ всталъ съ земли, снова припалъ на траву, приложилъ ухо къ землѣ и слушалъ.

Димитрій ждалъ. Тревога росла въ немъ отъ этой неизвѣстности, отъ мертвой тишины... «Молчитъ Боброкъ— знать дурное слышитъ...»

Боброкъ всталъ и казался тревоженъ. Онъ видимо не смѣлъ взглянуть въ глаза Димитрію и стоялъ понуро, мрачно.

— Ну что, брате Димитріе? съ боязнью спросилъ князь.

Молчитъ Боброкъ, на лицѣ его смута и печаль. Великій князь опять спрашиваетъ. Боброкъ продолжаетъ упорно молчать. Великій князь умоляетъ его Господомъ Богомъ...

Боброкъ горестно замоталъ головой и закрылъ лице ладонями...

Ужасъ напалъ на великаго князя...

— Димитріе! брате мой! прорцы мнѣ — повѣдай... у меня сердце зѣло болитъ—все изныло...

Боброкъ отнялъ руки отъ лица и рѣшительно тряхнулъ головой, чтобы отрясти слезы, которыя текли по его загорѣлымъ щекамъ...

— Господине княже! — сказалъ онъ глухо:— тоби одному повидаю, а ты никому не кажи о моихъ прикметахъ... Одна на велику радость тоби, друга—на велику скорбь и тугу...

Князь приложилъ руку къ сердцу и поднялъ глаза къ темному небу.

— Сказывай все, чуть слышно прошепталъ онъ.

— Я—продолжалъ Боброкъ такъ же тихо—припадавъ до земли ухомъ и чувъ, якъ земля горько и страшно плакала:—съ одного боку, сдается, будьто плаче женщина-мати о дитяхъ своихъ и голосить потатарськи и розливается слезами; съ другого боку, чулось мени, будьто дивиця плачеть свирѣльнымъ голосомъ, у великій скорби и печали. Не мало я битвъ перебувъ, много прикметъ испытавъ, и знаю я ихъ: уповай, княже, на милость божію — ты одоліешь татаръ; но твоего христіянского воинства паде подъ гострiемъ меча многое множество.

Заплакалъ великій князь, услыхавъ это, и припалъ къ гривѣ своего борзаго коня, какъ бы чуя сердцемъ, что и вѣрный конь раздѣлитъ его горе... Умный конь тихо заржалъ, поворачивая къ князю свою красивую голову...

Но князь не долго плакалъ. Онъ выпрямился на сѣдлѣ и перекрестился.

— Како угодно Господу—тако и да будетъ! Кто воли Его противникъ?

Онъ обнялъ Боброка и поцѣловалъ.—«Отнынѣ будеши мнѣ другъ и совѣтникъ», сказалъ онъ съ чувствомъ.

— Господине княже! еще разъ сказалъ Боброкъ:—не подобае тоби казати о сихъ прикметахъ никому въ полкахъ, дабы у многихъ не уныло сердце... Призывай

Господа Бога на помочь, и Пречисту Богородицю, и великого чудотворця Петра, и всѣхъ святыхъ и печерськихъ угодниковъ... Оружися животворящимъ хрестомъ Исусовымъ—то Его оружіе непобидиме.

И они повернули въ свой станъ. Ночь казалась еще непроглядньѣе, еще страшнѣе: — за ними во мракѣ протяжно выли волки, такъ что волосы становились дыбомъ: казалось—говоритъ современное повѣствованіе о «Мамаевомъ побоищѣ» – будто волки со всего свѣта сбѣжались... А съ другой стороны каркали вороны, звонко клектали орлы, поджидая зорю... Страшна, ужасна была эта ночь...

Димитрій, воротившись въ свой шатеръ, такъ и не уснулъ до утра: — ему казалось, что онъ все слышитъ то плачъ женщины - матери о дѣтяхъ, татарское причитанье, то свирѣльный голосъ плачущей дѣвицы, то вой волковъ, то грай вороновъ и клекотъ орловъ...

А тамъ начинала заниматься заря—наступалъ роковой день—*8-е сентября 1380 года*...

IX.

Полчища сходятся.

—

Туманное вставало роковое утро. Тревожно, но безъ шума вставало войско, зная, къ чему оно готовится. Будили другъ друга молча, безъ словъ, или шепотомъ, встряхивали съ себя росу, крестились на востокъ, молча прощались другъ съ дружкой, кланялись въ ноги, припадая головами къ росистой землѣ и травѣ, и троекратно цѣловались, какъ съ покойникомъ. У кого была чистая рубаха, тотъ надѣвалъ ее, какъ подобаетъ передъ смертью или передъ причастіемъ. Молча сѣдлали коней, надѣвали доспѣхи, вынимали изъ-за пазухъ родную землицу, что по щепоти завернута была въ тряпицы и повѣшена на крестахъ, крестились, цѣловали эту землицу— кто суздальскую, кто московскую, кто тверскую, кто муромскую, карачаровскую, верейскую, коломенскую, серпуховскую...

Не видать солнышка роднаго... Можетъ и не увидать ужъ больше — туманомъ затянуто, что̀ мертвымъ сава-

номъ повито... Такъ и ходитъ туманъ клубами по полю, можетъ, по кладбищу...

Тихо передавали другъ другу ратные о дивномъ чудѣ нѣкоемъ:—какъ въ эту самую ночь, «глубоцѣ нощи, бысть нѣкоему мужу знаменіе—видѣніе дивное...» Одни говорили, что мужъ сей, сподобившійся видѣнія, былъ Ѳома Кацюгей, другіе утверждали—что Ѳома Хаберцыевъ. Мужъ сей былъ нѣкогда разбойникомъ, но пріиде въ покаяніе—раскаялся во всемъ, разсказалъ все попу на духу, и попъ наложилъ на него «питимью»—омыть свои злодѣянія своею собственною кровью за правое дѣло. А Кацюгей этотъ былъ богатырь—необычайной силищи человѣкъ и отваги несказанной. Вотъ этого-то Кацюгея—передавали другъ дружкѣ ратные—и поставили на ночь въ сторожевое мѣсто отъ татаръ. Вотъ стоитъ онъ ночью—«глубоцѣ нощи»—и видитъ: отъ восточной страны выступаетъ на воздусѣхъ невѣдомо какое полчище, а полагать надо—татарское. Выступаетъ оно такъ страховито, ужаса исполненно—и ужасеся мужъ тотъ, рекомый Кацюгей, и нача крестное знаменіе творити. И се абіе видитъ—оле чюда дивнаго!—видитъ со полудня два вьюноша идуща, на воздусѣхъ же, и доспѣхами вооруженны гораздо. И начаша оные вьюноши поражать оное татарское полчище—мечами сѣчи—такъ и сѣкутъ, какъ капусту. И слышитъ оный Кацюгей, какъ оные вьюноши запрещали оному полчищу итти на русскую землю, аркучи тако: «кто-де вамъ велѣлъ погубить наше вотечество?—

Библиотека Ленингр. Гос. Пед. Ин-та им. А. И. ГЕРЦЕНА

намъ-де ево даровалъ Господь!» И многихъ оные вьюноши посѣкли мечами, а другихъ разогнали и распудили, словно овецъ. На утро оный Кацюгей и повѣдалъ о томъ видѣніи великому князю, а великій князь и уразумѣ, яко оные вьюноши—суть страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ, ево прародители, иже выну молятся ко Господу о родной Руси и помогали нѣкогда, также на воздусѣхъ, князю Александру Невскому въ битвѣ ево со свеями.

Такъ разсказывалъ всѣмъ старый благочестивый ратникъ, что всегда возставалъ противъ «крѣпкаго слова» и въ особенности противъ буеслова Микитки-серпуховитина, любившаго «загинать» и кстати и не кстати.

Солнце взошло, но туманъ, нависшій надъ полемъ непроницаемою пеленою, заслонялъ его и всѣ окрестные предметы. Не было видно и татаръ, которые, можетъ быть, оставаясь на прежнемъ мѣстѣ, поджидали къ себѣ Олега рязанскаго и Ягелла литовскаго, чтобъ ударить разомъ на «забрыкавшихъ рабовъ — безрогихъ телятъ московскихъ и овецъ» и загнать ихъ всѣхъ въ овчарню, а быть можетъ, прикрываясь туманомъ, они двигались на несчастное русское воинство и вотъ-вотъ заалалакаютъ и закричатъ, какъ верблюды... Надо готовиться ко всему, надо готовить груди свои для стрѣлъ и копій, а шеи для аркановъ поганыхъ—надо строиться въ ряды, въ «суймы» и въ «лавы»... И русскіе строились такъ же тихо, какъ тихо они вставали передъ тѣмъ и молились.

Великій князь, выйдя изъ палатки въ сопровожденіи

Владиміра Андреевича, Боброка, Пересвѣта и Осляби, приказалъ «искреннему» своему, Михайлѣ Бренку, везти черное великокняжеское знамя впередъ, на первый «суймъ»— на передній, и самъ послѣдовалъ за нимъ, осматривая двигавшіеся въ туманѣ и строившіеся по полю полки. По временамъ, казалось, по немъ пробѣгала дрожь отъ этого тумана, и онъ глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ должно было показаться или солнце, или — страшное лицо непріятеля; но ни солнца, ни татаръ не было видно. Лицо Димитрія было блѣднѣе обыкновеннаго и необыкновенно задумчиво. Владиміръ Андреевичъ тревожно на него посматривалъ и тоже что-то раздумывалъ. Пересвѣтъ и Ослябя были молчаливы и спокойны, какъ всегда, слѣдуя, какъ двѣ черныя тѣни, за великимъ княземъ. Одинъ Боброкъ былъ оживленъ и сообщалъ свои замѣчанія то великому князю, то присоединившимся къ великокняжеской свитѣ Олгердовичамъ.

Въ самой серединѣ поля, вмѣстѣ съ переднимъ «суймомъ», осѣняемый великокняжескимъ стягомъ, поставленъ былъ бѣлозерскій и московскій полкъ съ своими князьями, Ѳедоромъ и сыномъ его Иваномъ Бѣлозерскими, тутъ же долженъ былъ находиться и самъ Димитрій съ любимцемъ своимъ Бренкомъ и «извольниками» Пересвѣтомъ и Ослябею. На правомъ крылѣ становился предводителемъ или «воеводою правой руки»—Владиміръ Андреевичъ съ Боброкомъ и Олгердовичами. Воеводою лѣвой руки оставался Левъ Брянскій.

— Готовы ли есте, милая братья? ласково обратился великій князь къ Олгердовичамъ, когда они съ Владиміромъ Андреевичемъ и Боброкомъ, построивъ въ «суймы» правое крыло ополченія, подъѣхали къ серединѣ его для окончательныхъ уговоровъ насчетъ предстоящаго боя. — Все ли въ порядкѣ живетъ? На своемъ ли мѣстѣ ваши трубчане и брянчане хоробыи?

— На своемъ мѣстѣ, господине княже, отвѣчали въ одинъ голосъ Олгердовичи, осаживая коней.

— Наши-тѣ трубчане и брянчане—улыбаясь проговорилъ Боброкъ, свѣдоми кмети, подъ шеломами повити, концемъ копія вскормлены, луки ихъ натянути, тули отворени, яруги имъ знаеми, сами скачуть, якъ сиріи вовцы, ищучи соби чти, а князю славы...

Великій князь, мало начитанный, не понялъ поэтическаго намека Боброка, думая, что это онъ говоритъ отъ себя...

— Такъ-такъ, друже, замѣтилъ онъ при этомъ:—токмо не мнѣ подобаетъ та слава, а Господу Богу и пречистѣй Богородицѣ...

Олгердовичи переглянулись съ Боброкомъ.

— Изъ писни, княже, слова не выкинешь, пояснилъ этотъ послѣдній и прибавилъ:—а у насъ, княже, въ кіевской и волынской земли, такъ поводиться, — коли вовкъ ускочеть у овчарню и задереть овцю, такъ его не заразъ бьють, а тогди якъ нажреться и не сможе скоро бигати... Такъ повели, княже, намъ у засадъ зайти и тамъ вовка ждать...

Къ Боброку присоединился и Владиміръ Андреевичъ и Олгердовичи.

— Мы на черную годину пригодимся, пояснилъ Владиміръ.

Великій князь согласился—и Владиміръ съ Боброкомъ и Олгердовичами повели свое крыло вверхъ по Дону, гдѣ темнѣлся лѣсокъ:—они засѣли въ засаду.

Никто, а тѣмъ менѣе непріятель, не могъ видѣть это боковое движеніе праваго крыла русскихъ.

Наконецъ, когда все ополченіе расположилось въ боевой порядокъ, великій князь сталъ объѣзжать ряды въ сопровожденіи Пересвѣта и Осляби. Издали виднѣлась его массивная фигура, одѣтая въ богатую княжескую «подволоку» съ золотою гривною на шеѣ и блестящимъ крестомъ на груди. Конь его, поводя ушами, нетерпѣливо грызъ серебряныя удила и фыркалъ, видя такое множество своей братіи—коней и какъ-бы гордясь тѣмъ, кто сидѣлъ на немъ такъ величаво, хотя и съ холодомъ, съ тайною тоскою и боязнью въ сердцѣ.

— Отцы и братья! то-и-дѣло возглашалъ онъ, останавливаясь передъ рядами:—ради Господа, подвизайтесь за вѣру христіанскую и за святыя церкви... Умрите бодро за божье дѣло:—смерть тогда не въ смерть, а въ животъ вѣчный.

— Постоимъ, княже,—положимъ головы свои за вѣру! гудѣло по рядамъ. — Утремъ пота за русскую землю! Костьми ляжемъ, ино тылу не покажемъ!

— Я буду на челѣ вашемъ, отцы и братія! возглашалъ Димитрій.—Я поведу васъ на нечестивыхъ... Съ нами Богъ и преподобный Сергій:—онъ далъ мнѣ сихъ оружниковъ своихъ, Пересвѣта и Ослябя...

Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на эти мужественныя молодыя лица, прикрытыя схимою, на ихъ борзыхъ боевыхъ коней, на доспѣхи воинскіе, выглядывавшіе изъ-подъ черныхъ савановъ съ мертвыми головами, и на длинныя, какъ жерди, копья.

А они ѣхали за княземъ молча, опустивъ глаза на гривы коней...

— Матушка! помолись за насъ окаянныхъ! съ какимъ-то стономъ прошепталъ Пересвѣтъ.

Ослябя услыхалъ этотъ знакомый голосъ-стонъ своего брата и глянулъ на него...

— Она молится, прошепталъ онъ: — нынѣ мы увидимъ ее.

И память, острая и жгучая память переноситъ ихъ въ прошлое, въ далекую татарскую сторону... Они, молодые ратники, вмѣстѣ съ суздальцами, нижегородцами и московскими полками князя Волынскаго добываютъ крѣпкую, злую Казань... Вотъ уже сколько дней громятъ они таранами эти несокрушимыя стѣны, а съ этихъ проклятыхъ стѣнъ что-то страшное гремитъ на нихъ громомъ и огнемъ, словно самъ Перунъ съ неба посылаетъ ихъ каменнымъ градомъ, а съ боковъ напираютъ на нихъ съ своими ревущими верблюдами проклятые тата-

ры... Со стѣнъ татары и татарки поливаютъ ихъ кипящею смолою, льютъ на ихъ головы горячую воду, посыпаютъ истомившіеся ряды горящею сѣрою... Жупелъ, адъ кругомъ... Страшная жажда мучитъ, палитъ ихъ внутренности... А надо добыть Казань, особенно имъ, братьямъ, юнымъ воинамъ Пересвѣту и Ослябѣ:—тамъ у нихъ, за этими грозными стѣнами, скрыто то, что имъ, Пересвѣту и Ослябѣ, дороже и роднѣе всего на свѣтѣ—тамъ ихъ мать родная вотъ уже болѣе десяти лѣтъ томится въ полону... Какъ живую они видятъ ее передъ собою—да она и должна быть жива—такая красивая, высокая, ласковая, съ соколиными бровями... Ихъ родной городъ горитъ, а татары, запалившіе его, грабятъ дома, хватаютъ женщинъ, убиваютъ мужчинъ... Вотъ и отецъ ихъ лежитъ въ крови, съ разсѣченною дамасскимъ клинкомъ надвое головою, а мать ихъ татары уводятъ... Она оглядывается на трупъ мужа, на дѣтей, на Пересвѣта и Ослябю, что припали къ мертвому тѣлу отца и не видятъ, какъ уводятъ ихъ мать... Она вскрикиваетъ страшнымъ голосомъ... Пересвѣтъ и Ослябя бѣгутъ за ней; но татаринъ, перекинувъ полонянку черезъ сѣдло, скрывается въ толпѣ своихъ бушующихъ соплеменниковъ... И вотъ они идутъ добывать свою мать изъ полону...

Теперь передъ ними встаетъ, какъ мертвецъ изъ могилы, воспоминанье этого страшнаго дня. Сыплется на нихъ каменный градъ съ казанскихъ стѣнъ. Ревутъ вер-

блюды, высоко подымая свои длинныя, змѣиныя шеи. Татары тѣснятъ русскихъ, и князь ихъ, Гассанъ, стоя на стѣнѣ, поднимаетъ къ небу руки въ знакъ торжества. Но онъ не видитъ, что по приставленной къ стѣнѣ лѣстницѣ, за угломъ башни два русскихъ воина уже взобрались на стѣну. Это Пересвѣтъ и Ослябя — они ищутъ мать свою. За ними взбираются другіе. Пересвѣтъ и Ослябя по карнизу обходятъ башню и уже вынули свои мечи-кладенцы, чтобы разить Гассана и молніей вмѣстѣ съ прочими упасть на внутренній городъ... Но въ этотъ моментъ изъ башни выбѣгаетъ татарка... Съ отчаяннымъ воплемъ—«Гассанъ! Гассанъ!» она бросается къ своему князю... «Гассанъ! Гассанъ!..» Но мечъ Осляби поражаетъ ее въ спину у самой лопатки... Она вскрикиваетъ и оборачивается къ нему... Въ этотъ моментъ Пересвѣтъ колетъ ее въ грудь... Страшный, нечеловѣческій крикъ вырывается изъ груди пораженной татарки: — «Пересвѣтъ! Ослябя! дѣтушки мои! милыи! соколики! вы мать свою убили!...»

Это была ихъ мать, татарская княгиня, любимая жена Гассана, мать, которую они искали... холодѣющею рукою она указала имъ крестъ на своей груди—она осталась христіанкою!!!

Несчастные юноши не видѣли, что дѣлалось кругомъ нихъ, внизу, на стѣнахъ, въ городѣ... Они припали къ умирающей матери, рвали на себѣ волосы, а она истекала кровью изъ двухъ страшныхъ ранъ, нанесенныхъ

ей руками ея любимцевъ, «соколиковъ» близнецовъ, которыхъ она съ такими муками родила когда-то и вскормила своею молодою грудью... «Пересвѣтикъ мой, Ослябушка, дѣтки мои... какіи жъ вы хорошіи выросли», шептала она, умирая на рукахъ Пересвѣта...

А тамъ, городъ уже взятъ—въ воротахъ развивается русскій стягъ... Побѣжденный Гассанъ проситъ пощады, предлагаетъ выкупъ...

— А отецъ... родитель вашъ? спрашиваетъ умирающая.

— Переставися, матушка,—убитъ.

— А я... я жила окаянная... Богъ такъ судилъ...

— Богъ, матушка—не мы это... А бусурманена ты?

— Нѣтъ... не бусурманена... свою вѣру держала... вотъ хрестъ святой...

— Благослови насъ, матушка,—помолись за насъ.

— Благослови васъ Богъ, дѣтушки... въ своей вѣрѣ помираю...

И померла — такъ на казанской стѣнѣ и померла... А Пересвѣтъ и Ослябя, похоронивъ ее съ честію, пошли къ Сергію, все повѣдали ему и навѣки остались въ обители замаливать свой великій, хотя невольный грѣхъ...

А великій князь все слѣдовалъ вдоль рядовъ, воодушевляя воиновъ своею рѣчью, хотя у самого на душѣ былъ холодъ. Пересвѣтъ и Ослябя молча сопровождали его, погруженные въ тяжелыя думы и переживая прошлое. Когда Димитрій воротился на свое мѣсто, на

первый «суймъ», Бренокъ, передавъ стягъ Пересвѣту и сойдя съ коня, поклонился великому князю до земли.

— Ты что, друже Михайло? удивленно спросилъ князь.

— Челомъ бью тебѣ, господине княже, отъ всея русской земли, отвѣчалъ великокняжескій знаменоносецъ: — соблюди животъ твой, княже.

— Животъ мой, друже, въ рукѣ Божіи, я же повиненъ блюсти вся, яже есть Богова.

— Молю тебя, господине княже, продолжалъ Бренокъ: не стой на первомъ суймѣ, но стани позади: — паче тысящъ воиновъ стбитъ намъ животъ твой.

Подъѣхали и другіе князья и воеводы и молили Димитрія о томъ же.

— Ей-ей, княже, сохрани животъ твой, — укройся плечами нашими, упрашивалъ храбрый Меликъ.

— Братія! возражалъ Димитрій: — како же дерзну я глаголати тогда: братья! потягнемъ вси, какъ одинъ человѣкъ! — самъ же буду хоронитися... Азъ же не словомъ токмо, но паче дѣломъ, хощу быти первымъ посредѣ васъ, и язъ первый предъ всѣми готовъ есми положить голову за христіанъ!

— Ей-ей господине княже! настаивалъ Меликъ: — падетъ пастырь — и разбѣгутся овцы.

Тогда Бренокъ, высокій и здоровенный мужичинище, массивнѣе самаго Димитрія, снялъ съ себя шеломъ и охабень и поднесъ къ великому князю.

— Возьми, княже, мой охабень и мой шеломъ, ска-

залъ онъ: — прикрой ими величіе и ясность твою: гривну блистающу и подволоку златомъ исткану, да не познаютъ тебя поганіи посредѣ насъ, како солнце красное на небѣ...

И воеводы приступили съ этою же просьбою. Тогда великій князь, перемѣнившись одеждою съ Бренкомъ и вкусивъ благословеннаго хлѣбца, повелѣлъ ратямъ двинуться. Онъ ѣхалъ впереди подъ самымъ великокняжескимъ стягомъ и читалъ молитву, прикладывая руку ко кресту, что висѣлъ у него на груди...

Воздухъ колыхнулся вѣтеркомъ, и туманъ погнало на ту сторону Непрядвы. Показалось солнце и освѣтило все поле, по которому двигались русскія рати.

Скоро они увидѣли, что и татарскія полчища, какъ черныя тучи двигались на нихъ съ противоположнаго холма.

— Потягнемъ, братія, за вѣру! приспѣ година! потягнемъ! воскликнулъ великій князь.

Завыли рога съ той и другой стороны и огласили все поле: — это враждебныя полчища привѣтствовали одно другое боевыми кликами, это люди глянули въ очи смерти и хотѣли криками отогнать ее, какъ страшное привидѣніе...

X.

Единоборство Пересвѣта съ Телебеемъ.

—

Мамаевы толпища двинулись рядами, словно облака тучами. Тучи эти были черны, потому что татары одѣты были въ одежды темнаго цвѣта. Страшнѣе всего казались ихъ копья: это былъ цѣлый лѣсъ копейныхъ древковъ и притомъ различной длины:—въ первомъ ряду копья были обыкновенной длины; во второмъ ряду были уже длиннѣе, въ третьемъ еще длиннѣе. Это дѣлалось для того, что задніе ряды клали свои копья на плечи переднимъ, и такимъ образомъ первый рядъ превращался въ какой-то страшный частоколъ, въ которомъ только и видѣлись острія копій, разомъ поражавшихъ противниковъ во всю ширь колонны... Такъ устроены были и знаменитыя фаланги македонскія — нѣчто вродѣ страшныхъ чудовищъ съ безчисленнымъ множествомъ смертоносныхъ ногъ.

Толпища двигались медленно, сверкая на солнцѣ остріями копій и кольчугами и производя странный, неуло-

вимый шумъ движенія многихъ тысячъ тѣлъ и неясный топотъ еще бо̀льшаго количества ногъ. Поле все болѣе и болѣе заполнялось этими черными, безмолвно двигавшимися массами, и ползло, надвигалось медленно, зловѣще...

Вотъ уже можно различать лица тѣхъ, которые подвигались все ближе и ближе, можно крикнуть—и они услышатъ... Черная туча нависала все грознѣе и грознѣе.

Двигались навстрѣчу имъ и русскія рати, такъ же медленно и молча, какъ и татары, тучею; но эта туча не была черна, какъ татарская. Солнце свѣтило ей почти въ лицо; притомъ русскіе воины были не въ темныхъ одѣяніяхъ, а большею частью въ свѣтлыхъ и цвѣтныхъ, а кто познатнѣе и богаче—такъ въ шелковыхъ и золотыхъ платьяхъ, въ блестящихъ шеломахъ съ позолоченными еловцами, на коняхъ съ наборною сбруею, съ свѣтлыми знаменами, кромѣ чернаго великокняжескаго, иногда съ очень яркими, отъ которыхъ пестрѣло поле, словно отъ весеннихъ цвѣтовъ. Ярко горѣли на солнцѣ золото, серебро и сталь—золото на образахъ цвѣтныхъ знаменъ, на стяжныхъ золоченыхъ яблокахъ и кистяхъ, на золотыхъ гривнахъ князей, на золотыхъ грудныхъ крестахъ; серебро—на серебряной сбруѣ коней, на чумбурахъ и стременахъ; сталь — на кольчугахъ и на остріяхъ копій, на шеломахъ и на ихъ острыхъ еловцахъ...

Но ярче всего горѣли щиты русскихъ—большіе, крас-

ные, горѣвшіе какъ жаръ... Не даромъ «лисицы брехали на эти червленые щиты...» А теперь на нихъ играетъ яркое солнце и, отражая свой «червленый» блескъ, слѣпитъ имъ глаза татаръ...

Тихій вѣтерокъ колышетъ и поскрипываетъ знаменами и образами... Сдается, что это крестный ходъ на водосвятіе—вотъ-вотъ запоютъ попы...

Великому князю разомъ почудилось, что онъ въ Москвѣ, что вотъ-вотъ загудятъ колокола... Онъ глянулъ на черное знамя... Нѣтъ, не то, не Москва... Онъ вспомнилъ, что забылъ что-то въ Москвѣ, а что забылъ—забылъ ли сдѣлать или сказать, или такъ что забылъ очень необходимое ему, очень теперь дорогое—онъ не зналъ, не могъ припомнить... княгиню? — нѣтъ, онъ зналъ, что покидаетъ ее... Нѣтъ, что-то другое онъ забылъ, болѣе важное... Хоть бы вспомнить—такъ нѣтъ, не вспоминается... Вотъ такъ и винтитъ въ мозгу, въ сердцѣ, а не припоминается...

Онъ глянулъ вдаль, чтобъ отвязаться отъ этой назойливой мысли... На возвышеніи, за татарскими полчищами, онъ ясно увидалъ кого-то... Онъ узналъ его—да, это онъ, тотъ ужасный человѣкъ, котораго онъ трепеталъ, которому униженно кланялся, у котораго выпрашивалъ себѣ ярлыка, Москвы, власти... Онъ, этотъ страшный человѣкъ, стоитъ на холмѣ и черезъ голову своего коня глядитъ на него, на Димитрія... Онъ узнаетъ его, узнаетъ, что онъ переряженъ въ одежды Брен-

ка—изъ страху переодѣлся... И краска отъ сердца бьетъ къ лицу, разливается по щекамъ—жарко становится, въ потъ бросаетъ...

Что жъ онъ забылъ въ Москвѣ?... Не помнитъ, не помнитъ!... Та же мысль скребла его душу и тогда, когда онъ ѣздилъ въ первый разъ въ Орду кланяться хану и Мамаю—и тогда онъ все вспоминалъ, что что-то оставилъ въ Москвѣ, забылъ, не захватилъ съ собой... Что же это было?... И теперь оно скребетъ его...

Ни друга Володиміра нѣтъ близко, ни Боброка—безъ нихъ еще тошнѣе...

Вдругъ отъ татарской конницы отдѣляется что-то большое, черное, и движется по полю—все ближе и ближе... это всадникъ—это ясно видно... Въ рукѣ у него длинное копье, и онъ бросаетъ его въ воздухъ и ловитъ на лету... Это татаринъ—росту невиданнаго—широта въ плечахъ богатырская... Опять мечетъ копье въ воздухъ и ловитъ... Многимъ вспомнилась «былина» про «Сокольника-нахвальщика»:

„А нахвальщикъ ѣдетъ на добромъ конѣ,
Потѣшается утѣхою молодецкою:
Мечетъ остро копье въ поднебесье,
Говоритъ самъ, похваляется:
„Какъ легко вертѣть мнѣ острымъ копьемъ,
Такъ же будетъ мнѣ вертѣть Ильею-Муромцемъ...“

Но вотъ татаринъ подъѣхалъ уже почти на полетъ стрѣлы... Конь подъ нимъ такъ и роетъ землю—и конь

богатырскій, и самъ чудищемъ богатыремъ смотритъ... Слышно — кричитъ что-то, вызываетъ на бой кого-либо — силой помѣряться... Да, точно, кричитъ зычно...

— Гой-гайда! хто са мномъ силамъ мѣрилъ! — хады суды! — гайда!

Татаринъ кричитъ и потрясаетъ копьемъ вызывающе, задорно...

— Богатырь Телебей, богатырь Телебей! прошелъ ропотъ по русскимъ рядамъ.

— Супротивъ нево никто не устоитъ...

— Онъ быка за рога черезъ себя перекидываетъ...

— У нево копье въ полтретья пуда и больши тово...

А богатырь все задорнѣе и задорнѣе гаркалъ: «Гайда! хады суды! хады капьемъ! — гайдай!...»

Димитрій глянулъ на Бренка, стоявшаго около него и державшаго стягъ, глянулъ по рядамъ — всѣ, казалось, прятали глаза въ землю... Великому князю страшно стало... «Голіаѳъ — Голіаѳъ — зѣло страшенъ», промелькнуло у него въ умѣ: — «а я не Давидъ... нѣтъ у меня Давида...»

— Хады, московъ! хады суды! — Ля илляхъ иль Аллахъ! кричалъ богатырь: — Ала-ла-ла!

Пересвѣтъ глянулъ на брата. Глаза ихъ встрѣтились. И въ тѣхъ, и въ другихъ сверкнулъ огонь...

— Я иду, глухо сказалъ первый.

— Нѣтъ, я, также глухо возразилъ второй.

— Нѣтъ, — я первый...

— Я первый прокололъ *ее* въ спину...

— А я въ грудь... я убилъ *ее*...

— Я началъ...

— А я кончилъ... отъ моей руки умерла *она*... мнѣ и подобаетъ идти...

Ослябя уступилъ и молча поднялъ глаза къ небу. Пересвѣтъ сталъ передъ великимъ княземъ и поклонился.

— Я, господине княже, иду на него, сказалъ онъ.

У Димитрія не то радостью, не то жалостью скеркнули глаза.

— Богъ благословитъ тебя... Богъ подкрѣпитъ, торопливо заговорилъ онъ.

Пересвѣтъ опять поклонился.

Съ краю перваго «суйма» стоялъ священникъ съ крестомъ. Пересвѣтъ подъѣхалъ къ нему, сошелъ съ коня и сталъ на колѣни...

— Благослови, отче, сказалъ онъ,—положити голову за русскую землю и за домы божіи.

Священникъ благословилъ его. Пересвѣтъ поцѣловалъ крестъ и руку священника.

— Дерзаешь, сыне, противу Телебея? спросилъ священникъ.

— Дерзаю, отче... повелѣніемъ игумена Сергія...

Пересвѣтъ снова сѣлъ на коня, надвинулъ схиму черезъ еловецъ шелома почти на глаза и выступилъ впередъ.

— Отцы и братья! — громкимъ, зычнымъ голосомъ крикнулъ онъ такъ, что слышно было во всѣхъ рядахъ:—

простите мя грѣшнаго. Брате Ослябя! моли за меня Бога! Отче Сергіе, помози ми молитвою твоею!

— Хады суды! хады, гайда—го! продолжалъ выть богатырь.

Сколько дикаго и ужасающаго было во всей фигурѣ, постати и воѣ татарича-Голіаѳа, столько же страшнаго и фантастическаго представлялъ видъ скачущаго Пересвѣта съ копьемъ на перевѣсъ и съ треплющеюся въ воздухѣ черною схимою на головѣ и на плечахъ.

Вихремъ несся Пересвѣтъ на своего ужаснаго противника, а иной, силясь творить молитву, невольно повторялъ въ умѣ докучливый стихъ изъ «былины»:

Поразъѣхались они на добрыхъ коняхъ,
Да назадъ съѣзжалися, сразилися,
Пріударили во копья мурзамецкіи,
Били другъ друга не жалѣючи,
Не жалѣючи да по бѣлымъ грудямъ—
Копья въ чивьяхъ поломалися,
Другъ друга они не ранили—
Только оба изъ сѣделъ попадали...

И эти съѣхались, остановились, смѣрили другъ друга глазами, крикнули каждый по-своему—и разъѣхались на цѣлыя полверсты вдоль рядовъ обоихъ ополченій... Постояли съ секунду, крикнули и понеслись другъ на дружку... Страшно было видѣть эти двѣ несущіяся одна на другую силы съ огромными копьями на перевѣсъ...

И вотъ они столкнулись... Великій князь невольно зажмурилъ глаза и перекрестился...

Бѣгъ былъ такъ стремителенъ и столкновеніе такъ велико, что оба копья пробили насквозь груди противниковъ и на полъ-аршина вышли сзади, пониже лопатокъ... Стонъ прошелъ по рядамъ и того, и другаго полчища...

Кони сразившихся пали окарачъ; лѣтописецъ говоритъ даже, что «кони падоша мертви» — а противники лежали на землѣ безжизненные, и изъ груди Пересвѣта торчало длинное и толстое какъ жердь древко копья Телебеева, а изъ груди Телебея торчало древко копья Пересвѣтова... Помѣнялись!...

Первый актъ страшной битвы кончился — ничья не взяла:—взяла смерть двухъ самыхъ могучихъ бойцовъ...

Ржущіе кони богатырей, чувствуя свою осиротѣлость, поскакали каждый къ своему войску...

Ослябя схимой утиралъ слезы, тихо катившіяся по блѣднымъ щекамъ: и онъ остался сиротой... только надолго ли?...

XI.

Побоище. Мамай одолѣваетъ.

—

Паденіе Пересвѣта и Телебея было сигналомъ къ битвѣ стоявшихъ другъ противъ друга полчищъ.

По всѣмъ рядамъ затрубили трубы, ударили въ варганы.

— Боже, помоги намъ! — раскатами грома прошелъ крикъ по рядамъ русскихъ ратей.

— Алла! Алла! Алла! страшно, потрясающе взвыла другая сторона.

И полчища сшиблись. Казалось, что дрогнули земля и воздухъ, и небо. Съ первыхъ же моментовъ послышались среди бранныхъ кликовъ отчаянные, раздирающіе душу вопли, крики и стоны раненыхъ, проколотыхъ копьями, разсѣченныхъ мечами. Татарскія копья, цѣлыми частоколами упиравшіяся въ русскіе ряды, пронизывали насквозь эти ряды и клали ихъ на мѣстѣ, какъ скошенную траву. За скошеннымъ рядомъ стоялъ новый рядъ—и его прободали и повергали на землю кровавыя жерди враговъ. Эти кровавыя жерди двигались все впередъ, сметая цѣ-

лые ряды, и татарскія ноги уже шагали по трупамъ первыхъ рядовъ, передняго «суйма», и скользили по горячей крови. Раненыхъ, не доколотыхъ до смерти, давили ногами или разсѣкали саблями, когда иной, не добитый и не задавленный еще, хватался за татарскія ноги и въ безсильномъ отчаяньи грызъ ихъ зубами, какъ собака грызетъ распоровшаго ей животъ кабана. Другой раненый подымался съ земли и, принявъ въ объятія не ждавшаго его врага, какъ снопъ падалъ съ нимъ на землю, на мертвыхъ, въ лужу крови, и давилъ его колѣнками, грызъ его лицо, стараясь перегрызть шею. Это была не стрѣлометательная битва, не огнестрѣльная, а ужасная рукопашка — даже не сѣча — негдѣ размахнуть руку, поднять мечъ... Сплошь и рядомъ среди этой страшной рукопашки катались по кровавой землѣ кровавые клубки—это противники, иногда нѣсколько татаръ и нѣсколько русскихъ, которые сплелись руками и ногами и, катаясь клубкомъ по землѣ, душатъ одинъ другаго, рвутъ за волосы, стараются вывихнуть у врага руку, ногу, сломать пальцы или своими пальцами и когтями вырвать у врага глаза, разодрать ротъ. Иной ногами топталъ лицо поверженнаго на землю противника и съ разсѣченною другимъ противникомъ головою падалъ мертвымъ на своего врага. Вотъ одинъ громадный ростомъ москвитянинъ, проколотый насквозь татарскимъ копьемъ, хрипя и изрыгая потокомъ кровь, самъ вдавливаетъ въ себя это пронзившее его копье, чтобы

по нему добраться до своего врага и задушить его. Другой въ безумномъ изступленіи хватаетъ съ земли свою собственную, отсѣченную татарскою саблею, руку и неизвѣстно зачѣмъ суетъ за пазуху, а самъ нечеловѣкомъ рычитъ отъ боли и отъ ярости... Вопли, стоны, трескъ ломаемыхъ копій, хрястъ разбиваемыхъ щитовъ, лязгъ желѣза...

А съ боковъ напирала и производила страшное опустошеніе туча татарской конницы. Сминая подъ себя цѣлые ряды русскихъ, она топтала ихъ копытами, докалывала копьями. Тамъ лошадиная нога, ступивъ на голову упавшаго ратника, превращала ее въ безобразную массу, а другими ногами ломала ребра несчастнаго, руки, пробивала грудь... Озвѣрѣли и лошади: онѣ съ визгомъ кусали одна другую, вздыбались на дыбы, били копытами...

Часа два шла эта страшная, небывалая на Руси бойня. Люди задыхались въ тѣснотѣ свалки, живые умирали, будучи задавлены грудами мертвыхъ, раненые захлебывались и тонули въ лужахъ русской и татарской крови...

Русскіе наконецъ дрогнули... Дрогнули собственно московскіе люди—«небывальцы въ браняхъ», какъ ихъ называетъ новгородскій лѣтописецъ. Они бросились врассыпную—пустились къ Дону... Татары вломились въ самую гущину ихъ...

Огромное великокняжеское знамя, черное какъ воронъ, подобно ворону ширило подъ вѣтромъ свои крылья среди цѣлаго лѣса другихъ мелкихъ знаменъ — среди мелкихъ

воробьевъ. Подъ этимъ знаменемъ татары думали найти великаго князя—и яростно устремились къ этому пункту, все опрокидывая и сминая подъ ногами, въ своемъ стремительномъ натискѣ. Они достигли наконецъ этого знамени—и увидѣли великаго князя въ его блестящей одеждѣ. Призывая на помощь своей ярости Аллаха, котораго они считали такимъ же глупымъ и свирѣпымъ по глупости какъ сами, они всею силою налегли на тотъ пунктъ, гдѣ надѣялись найти его—и нашли. Черное знамя было подбито, грохнуло на татаръ же, схвачено ими, скомкано, изодрано въ клочки и брошено въ кровь. Древко отъ знамени изломано въ щепки и также разметано по крови и среди труповъ. Подъ знаменемъ палъ и обезображенный Бренокъ, котораго татары, судя по его блестящей одеждѣ и по княжеской «подволокѣ», приняли за самого Димитрія...

Гдѣ же былъ Димитрій и что онъ дѣлалъ?

Вопросъ этотъ, судя по расколу, возникшему по поводу него въ русской исторической литературѣ, сталъ однимъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые Гейне называетъ «проклятыми».

Почему же онъ сталъ «проклятымъ»? Что обострило его такъ?

Да все это ужасный нигилистъ-историкъ Костомаровъ—всему причиной его ядовитое историческое шипѣнье. Тысячу лѣтъ вонъ вѣрили россіяне, что былъ у нихъ нѣкогда доблестный мужъ Гостомыслъ, который якобы призвалъ изъ-за моря варяговъ— «правити и володѣти

русскою землею, которая велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ». И вдругъ этотъ историческій змѣй-горынчище, Костомаровъ, доказываетъ, что никакого Гостомысла не было и никакихъ варяговъ онъ не призывалъ — что все это бабьи бредни, сочиненныя впослѣдствіи, какъ сочинено и самое имя Гостомыслъ: «гость» и «мыслити», то-есть «призывающій гостей». Тысячу лѣтъ вѣрили также добрые россіяне, что были призваны изъ-за моря три брата, три варяжскихъ князя — Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. И эту вѣру ужасный старецъ Костомаровъ разрушилъ—«ни во что же вмѣни»: — говоритъ, что и это сказка, совершенно такая же сказка, какъ и понынѣ существуютъ подобныя—«о трехъ братьяхъ»—«о двухъ умныхъ и третьемъ дуракѣ». Вѣрили россіяне, что у нихъ былъ Сусанинъ, наслаждались даже музыкой Глинки въ «Жизни за царя», гдѣ этотъ Сусанинъ поетъ такія прелестныя вещи, какъ «Что̀ гадать о свадьбѣ—свадьбѣ не бывать», или «Страха не страшусь» и т. д.; самъ ужасный Костомаровъ страстно любитъ этого музыкальнаго Сусанина—и вдругъ все разрушилъ разомъ:—говоритъ, что и Сусанина не было! Мало того: самъ этотъ ужасный человѣкъ написалъ цѣлые томы о Богданѣ Хмельницкомъ, о его подданствѣ Россіи, и прочая, и прочая... Теперь Хмельницкому благодарная Россія ставитъ памятникъ, а ужасный Костомаровъ вдругъ объявляетъ, на основаніи документовъ, что Хмельницкій былъ союзникомъ и данникомъ султана!

Точно такимъ же образомъ поступилъ этотъ историкъ-Тамерланъ и съ Димитріемъ Донскимъ. Всѣ россіяне съ дѣтства научались вѣрить, что Димитрій Ивановичъ, великій князь московскій, получилъ наименованіе «Донскаго» за свои личныя доблести на Дону, на Куликовомъ полѣ, въ битвѣ съ Мамаемъ. Не тутъ-то было! Неумолимый историкъ-Тамерланъ разбилъ и эту иллюзію:—онъ доказывалъ, что во время Куликовской битвы Димитрій лежалъ, спрятавшись подъ вѣтвями срубленнаго дерева...

Правда, за всѣ эти продерзости покойный Погодинъ обѣщалъ Костомарову «ребра переломать», но умеръ, не исполнивъ своего обѣщанія...

Вотъ вслѣдствіе чего вопросъ о поведеніи великаго князя Димитрія на Куликовомъ полѣ сталъ вопросомъ «проклятымъ».

Однако, по преклонности ли своихъ лѣтъ, или чая приближенія того момента, когда великій историкъ долженъ стать лицомъ къ лицу съ тѣми историческими дѣятелями, о которыхъ онъ при жизни повѣдалъ міру то или иное слово, маститый старецъ, во второмъ изданіи своихъ монографій, вышедшихъ въ нынѣшнемъ году, старается смягчить свой приговоръ о Димитріи Донскомъ.

Почтенный и даровитый, хотя такой же, какъ Тацитъ, сердитый историкъ говоритъ, что извѣстіе о трусости якобы Димитрія взято изъ извѣстной древней «повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ».

«Повѣсть эта—продолжаетъ Костомаровъ—заключаетъ

въ себѣ множество явныхъ выдумокъ, анахронизмовъ, равнымъ образомъ и преданій, образовавшихся въ народномъ воображеніи о Куликовской битвѣ уже позже. Эта повѣсть вообще въ своемъ составѣ никакъ не можетъ считаться достовѣрнымъ источникомъ... Въ этой повѣсти разсказывается, будто Димитрій еще передъ битвою надѣлъ свою княжескую «подволоку» (мантію) на своего любимца Михаила Бренка, самъ же въ одеждѣ простаго воина замѣшался въ толпѣ, а впослѣдствіи, когда Бренокъ въ великокняжеской одеждѣ былъ убитъ и битва кончилась, Димитрій былъ найденъ лежащимъ въ дубравѣ подъ срубленнымъ деревомъ, покрытый его вѣтвями, едва дышащій, но безъ ранъ. Такое переряживаніе могло быть только изъ трусости, съ цѣлью подставить на мѣсто себя другаго, во избѣжаніе опасности, грозившей великому князю, котораго черное знамя и особая одежда издали отличали отъ другихъ: естественно врагамъ было всего желательнѣе убить его, чтобы лишить войско главнаго предводителя. Если принимать это сказаніе, то надобно будетъ допустить, что Димитрій перерядился въ простаго воина подъ предлогомъ биться съ татарами заурядъ съ другими, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы скрыться отъ битвы въ лѣсъ. Судя по поведенію Димитрія во время случившагося позже нашествія татаръ на Москву, можно было бы допустить вѣроятіе такого разсказа; но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ той же повѣсти говорится, что русскіе гнали татаръ до рѣки Мечи и начали

искать великаго князя, уже возвратившись съ погони. Искали его долго, наконецъ нашли лежащимъ подъ вѣтвями срубленнаго дерева. Отъ мѣста побоища до рѣки Мечи верстъ тридцать слишкомъ; неужели, пока русскіе гнали татаръ до Мечи и возвращались оттуда (вѣроятно возвращались они медленно, вслѣдствіе усталости и обремененные добычей), Димитрій, не будучи раненымъ, все это время пролежалъ подъ «срубленнымъ деревомъ?» «Очевидная нелѣпость!» (Историч. монограф. и изслѣд. Н. Костомарова. Т. III-й. Изданіе второе. 1880, 39—41).

Такъ говоритъ историкъ. Историкъ иначе и не можетъ говорить—ему на все подай «документы», факты: нѣтъ документовъ—онъ и ни утверждать, ни отрицать не можетъ и ограничится лишь заключеніемъ: «можетъ быть *да*, можетъ быть *нѣтъ*». Такъ и тутъ. Въ одномъ только сказаніи говорится, что Димитрія нашли подъ деревомъ; другія сказанія этого не повторяютъ, да они и вообще ничего не говорятъ о томъ, гдѣ былъ и что дѣлалъ Димитрій въ разгаръ битвы. Но такъ какъ въ сказаніи, гдѣ говорится о лежаніи подъ срубленнымъ деревомъ, историки не все считаютъ вѣрнымъ, то, значитъ, и извѣстіе о лежаніи подъ деревомъ не вѣрно. Имъ, видите ли, подавай на все документы, да не по одному документу, а по два, по три: имъ хочется, чтобъ всѣ лѣтописи сказали о срубленномъ деревѣ. Конечно, это пріемъ хорошій. Но зато, за недостаткомъ «документовъ», исторія почти ничего и не знаетъ навѣрное и сегодня отрицаетъ

то, что утверждала вчера, а завтра будетъ открещиваться отъ того, что утверждаетъ сегодня. Оттого исторія и является часто порядочною сплетницею и во всякомъ случаѣ напоминаетъ собою двухъ гоголевскихъ дамъ—«даму просто пріятную» и «даму пріятную во всѣхъ отношеніяхъ», которыя по поводу того, что на одной матеріи былъ узоръ—«глазки да лапки»—все спорили: одна—«ахъ пестро!»—другая—«ахъ не пестро!»—«ахъ пестро!»—«ахъ не пестро!»—Такъ и историки: «ахъ лежалъ подъ срубленнымъ деревомъ!»—«ахъ не лежалъ!»—«ахъ лежалъ!»—«ахъ не лежалъ!»...

Совсѣмъ иначе относится къ этимъ вопросамъ «незаконное дитя исторіи и фантазіи», то-есть «дитя любви», какъ назвалъ когда-то Сеньковскій «историческій романъ» (а говорятъ, что «дѣти любви» всегда бываютъ даровитѣе и талантливѣе дѣтей законныхъ, «дѣтей долга» и обязанности, что̀ и понятно). Этотъ «незаконный сынъ исторіи» рѣшаетъ «проклятые вопросы» на основаніи общихъ законовъ жизни, не обходя въ то же время и историческихъ «документовъ»: если исторія не даетъ ему «документовъ», то, принимая въ соображеніе всю сумму данныхъ объ извѣстномъ лицѣ, объ извѣстномъ событіи и эпохѣ и исходя изъ требованій общихъ законовъ жизни, онъ говоритъ: хотя документы и ничего не говорятъ о томъ, было ли или нѣтъ то-то и то-то, но по суммѣ такихъ-то и такихъ-то данныхъ—оно должно было быть, и потому *было*... Если влюбленные были на свиданіи, то

они не только что «вѣроятно» поцѣловались, но поцѣловались «непремѣнно»... а тайные поцѣлуи рѣдко заносятся въ «документы»... Такъ ихъ и отвергать исторіи?...

Такія-то преимущества находятся на сторонѣ «незаконнаго сына исторіи». На его сторонѣ есть и еще одно—громадное преимущество передъ своею «матушкою», исторіею: старушка исторія, по своей дряхлости и слѣпотѣ (ея очки—«документы», а эти очки—не всегда бываютъ у старушки), не можетъ сама рыскать по полямъ сраженій, переноситься изъ столѣтія въ столѣтіе и видѣть все своими глазами; а незаконное чадо ея, «тайный плодъ любви несчастной», прижитый съ фантазіею, видитъ все самъ, живетъ во всѣ вѣка, былъ на всѣхъ битвахъ... Онъ былъ и на Куликовомъ полѣ и все видѣлъ самъ...

И видѣлъ онъ слѣдующее:

На несчастье Димитрія московскаго и всего союзнаго воинства русскихъ князей, татары всею своею тяжестью обрушились на центръ союзнаго ополченія, а этотъ центръ—«середину» ополченія—и составляли по преимуществу рати великаго князя, неумѣлые москвитяне, «небывальцы въ браняхъ», какъ ихъ называетъ лѣтописецъ. Въ «серединѣ» же этой находился и самъ великій князь. Татары потому именно наперли прежде всего и сильнѣе всего на «середину», а не на «правую» и не на «лѣвую руку», что видѣли въ этой серединѣ огромный черный великокняжескій стягъ: онъ-то и манилъ ихъ; онъ указывалъ, что тамъ ядро и матка всего русскаго ополче-

нія, что, убивъ матку, они легче распудятъ осиротѣлыхъ пчелъ и всѣхъ ихъ передавятъ. Да и притомъ все, что было блестящаго въ русскихъ ратяхъ, золотыя гривны, богатыя кольчуги, лучшіе кони, блестящіе доспѣхи, цвѣтныя одѣянія—все кучилось около середины, около чернаго знамени.

Когда пали первые ряды русскихъ, пронизанные копьями, а за ними и на нихъ упали вторые и третьи, когда началась затѣмъ рукопашка со всѣми ея ужасами—съ грызней, вытьемъ и стонами, когда тутъ же налетѣла вихремъ татарская конница и стала давить и людей, и коней, когда сабли крошили москвитянъ и коломнянъ съ боровитянами и серпуховитянами, какъ капусту, великій князь, котораго испугавшійся конь вынесъ изъ этой сѣчи, почувствовалъ внезапный холодъ въ тѣлѣ, и ему опять припомнилось, что онъ забылъ что-то въ Москвѣ, такое что-то забылъ, что теперь бы ему очень пригодилось; но что—онъ опять не могъ вспомнить... Холодъ, несмотря на жаръ солнца и на жаръ сѣчи, заставлялъ дрожать его, а это что-то забытое въ Москвѣ сверлило его мозгъ, мучило душу... «Что жъ оно такое! Боже Господи! что я забылъ въ Москвѣ!» стоналъ въ душѣ несчастный...

А впереди все рѣдѣло и рѣдѣло...

Вдругъ, какъ подкошенный колосъ, упало черное знамя... Димитрій вздрогнулъ и перекрестился—онъ пришелъ въ себя, онъ понялъ весь ужасъ своего положенія... Онъ увидѣлъ—лица русскихъ!—русскіе поворотили тылъ—и

бѣжали!... Онъ ясно видѣлъ и испуганныя русскія лица и свирѣпыя, торжествующія татарскія...

«Алла! Алла! Алла!» завыли кругомъ него страшные волки.

«Княже! княже! спасайся!»

Димитрій узналъ голосъ Осляби—и увидѣлъ его, словно во снѣ... Ослябя, впереди его, неистово махалъ мечемъ, отбиваясь отъ цѣлой толпы нападавшихъ на него... Онъ сразу перерубалъ копья, но въ щитѣ у него торчало уже ихъ до пяти древковъ... Онъ бросилъ щитъ и сталъ снова рубиться... Одно копье вонзилось ему въ грудь—а онъ все рубится... Вонзилось другое, третье...

«Княже! княже!» захрипѣлъ онъ и свалился съ коня, зацѣпившись ногою за стремя.

Удары посыпались на Димитрія... Онъ окончательно опомнился и сталъ махать мечомъ направо и налѣво... Но удары продолжали падать ему на голову, на плечи, на бока... Онъ изнемогалъ... только шлемъ и дорогая кольчуга защищали его голову, тѣло...

«Забылъ, забылъ что-то въ Москвѣ... прощай, княгиня моя, прощай, Евдокія... Господи!... конецъ мой пришелъ... Пріими духъ мой!...»

Но конь, раненый копьемъ, одыбился, сдѣлалъ отчаянный скачокъ и унесъ обезумѣвшаго князя...

Князь пропалъ безъ вѣсти.... Русскія рати, уничтоженныя на половину, спасались бѣгствомъ... Куликовская битва была проиграна—Мамай побѣдилъ...

XII.

Засада и пораженіе. Димитрій подъ ракитовымъ кустомъ.

—

Такъ казалось всѣмъ—и татарамъ, и русскимъ.

Казалось такъ и тому крылу русскаго ополченія, которое подъ начальствомъ Владиміра Андреевича, вмѣстѣ съ князьями Олгердовичами и Боброкомъ, еще до начала битвы отошло по теченію Дона и засѣло въ засаду, прикрываемое лѣсомъ и возвышеніемъ.

Оттуда, изъ-за лѣсу, русскіе съ трепетомъ и потомъ съ ужасомъ слѣдили за ходомъ битвы. Они видѣли, какъ сходились рати и молча измѣряли силы другъ друга. Они видѣли, какъ изъ татарскаго полчища выѣхалъ богатырь и долго вызывалъ охотника на единоборство, потрясая въ воздухѣ огромнымъ копьемъ. Видѣли, какъ потомъ отъ русскихъ ратей отдѣлилась черная фигура—и узнали въ ней Пересвѣта. Съ ужасомъ и горемъ увидѣли они дальше, какъ Пересвѣтъ, оставивъ свое копье въ груди великана, съ его копьемъ въ своей груди грохнулся на землю.

— Охъ, Ередею закололи и Ередея закололъ, качая головою, горестно проговорилъ про себя Боброкъ.

— То не Ередея, а Телебей, поправилъ его Владиміръ Андреевичъ:—а у насъ Пересвѣта не стало...

Боброкъ ничего не отвѣчалъ.

Видѣли изъ засады, какъ произошла затѣмъ общая сшибка и кровавая сѣча, какъ пали первые русскіе ряды, пронизанные татарскими копьями, какъ падали, подкашиваемые, какъ спѣлая рожь, вторые и третьи, какъ увеличивались кучи мертвыхъ, какъ отражалось солнце въ разлитой крови.

— Охъ, наши падаютъ, стоналъ тихо Владиміръ Андреевичъ.

А Боброкъ все молчалъ, не спуская глазъ съ битвы.

Видѣли изъ засады, какъ татары по трупамъ русскихъ и поражая живыхъ ринулись къ черному знамени, какъ упало это знамя, и Бренокъ упалъ...

— Стягъ великокняжой палъ — охъ, братцы, православные! послышались испуганные крики въ засадѣ.

— И князь упалъ—горе намъ!

— Горе! горе!.. Идемъ на поганыхъ!

Владиміръ Андреевичъ, весь блѣдный, съ сжатыми кулаками и стиснутыми челюстями, схватился за голову...

— Братія! православные!

— Стой! стой! грозно крикнулъ на него Боброкъ.

Владиміръ бросился было на него съ мечемъ, но Боброкъ осадилъ его взглядомъ.

— Димитрій! что жъ это такое!—дрожалъ князь серпуховскій.—Кому пользуетъ наше тутъ стояніе? кому мы помогать будемъ?... Бѣда приходитъ!

— Такъ, княже, бѣда великая,—тихо отвѣчалъ Боброкъ: —та намъ ще не пришла година... Потерпимо ще мало, поки прійде намъ часъ воздати противнику...

— Чего терпѣть!—вонъ нашихъ бьютъ, что овецъ...

— Молись Богу да дожидай восьмого часу—буде вамъ благодать и христова помочь.

— Осьмой часъ—Господи! сжалься надъ люди твоими!

Владиміръ безпомощно опустился на траву, ломая руки...

— Охъ, горе, горе! слышалось по рядамъ засады: — вонъ князь Ѳедоръ Бѣлозерской палъ, ево конь скачетъ сиротою по полю...

— И сынъ ево Иванъ палъ же —все отца собою заслонялъ...

— А вонъ-вонъ, братцы—охъ! на Волуй Окатьича, на воеводу наперли — вонъ онъ разитъ ихъ... ихъ! и ево закололи!... вонъ съ сѣдла, родной, падаетъ...

— А вонъ и Семенъ Мелика обошли поганые...

— И Микулъ Васильича—охъ, братцы!

— Ослябя-то, Ослябя – гляди – разитъ! ахъ!—въ щитѣ коній-то что! ахъ, братцы! бросилъ щитъ...

— Упалъ! упалъ Ослябя!

— Охъ, бѣда головамъ нашимъ! послѣдній часъ пришелъ...

— Бѣгутъ наши... Володычица!... на угонъ пошли... охъ! оо!

Многіе ратники со слезами бросились къ Владиміру Андреевичу и къ Боброку.

— Веди насъ, княже! что намъ ждать!

— Наши братья всѣ головы положили, а мы ждемъ!

— Намъ соромъ передъ людьми! умремъ съ братьями!

Заволновались и брянчане съ трубчанами, которыхъ привели Олгердовичи.

— Ведите насъ, княжичи! али мы пришли на соромъ свой смотрѣть!

— Лѣпо намъ умрети, нечѣмъ соромъ такой!

Олгердовичи съ трудомъ остановили ихъ.

— Братія! сказалъ имъ Андрей Олгердовичъ: уже бо намъ мертвыхъ не кресити, а о себѣ помыслимъ скоро... Пождите осьмаго часу...

— Какой тамъ осьмой!

— Скоро будетъ осьмой, братцы:—когда татары притомятся, пояснилъ другой Олгердовичъ, Димитрій:—коли у поганыхъ поту не станетъ, тогда и мы утремъ пота...

Но воины никого не слушались. Они готовы уже были сами броситься изъ засады на одолѣвающихъ враговъ. Тогда выступилъ Боброкъ съ обнаженной саблей. Онъ былъ страшенъ, глаза его горѣли.

— Вы знаете Боброка? обратился онъ къ брянчанамъ.

— Знаемъ, робко отвѣчалъ одинъ старый воинъ, на котораго смотрѣлъ Боброкъ.

— А знаете, что Боброкъ учинилъ съ Литвою подъ Смоленскомъ? продолжалъ этотъ послѣдній.

— Знаемъ... потопилъ цѣлую рать...

— А чѣмъ потопилъ?

— Единымъ словомъ,—былъ робкій отвѣтъ.

Боброка считали «вѣдуномъ», который повелѣваетъ и водою, и вѣтрами, и громами. Всѣ его боялись и всѣ ему вѣрили.

— Эхъ, дурнѝ вы дити, русичи! сказалъ Боброкъ:— погодить малость — ще есть исъ кимъ вамъ утишатися, пити и веселитися...

Но вотъ насталъ и «осьмой часъ» по тогдашнему счету часовъ—не нашъ осьмой, а тогдашній:—это былъ часъ третій пополудни...

Татары ушли далеко впередъ, гоня русскія рати и добивая недобитыхъ... Русскіе падали отъ утомленія — утомились не менѣе того и татары побѣдители... Засада очутилась въ тылу татарскаго войска, въ упоеніи побѣды потерявшаго всякій строй... Это было уже не войско, а стадо...

Боброкъ выступилъ впередъ.

— Княже Володиміре и вы князи Ондрій и Димитрій, и вы, сыны русичи, братія и други! громко, торжественно возгласилъ онъ: — часъ приспѣ, и година пришла... Идемѝ!—и да поможетъ намъ благодать Святаго Духа!.

Засада выступила изъ-за лѣсу. Съ неистовымъ гикомъ и крикомъ бросились свѣжія русскія силы на разбивше-

ся на безпорядочныя кучи и истомившееся татарское ополченіе: летѣли соколы, по выраженію лѣтописца, на стадо журавлиное... И Богъ, и природа, казалось, помогали имъ: южный теплый вѣтеръ дулъ имъ въ тылъ, унося къ татарамъ грозные клики точно изъ земли выросшаго ополченія...

Татары оглянулись и остолбенѣли. Имъ казалось, что небо послало на нихъ свои небесныя силы и что насталъ ихъ послѣдній часъ. Строиться вновь въ боевой порядокъ было некогда да и невозможно: все спуталось и перемѣшалось; конница разсѣялась въ погонѣ, или сбилась въ кучи съ пѣхотою; одни части стали на мѣсто другихъ; отряды не знали, гдѣ ихъ военачальники; военачальники отбились отъ своихъ отрядовъ; сами отряды спутались, перебились, растерялись... Растерялось все... Одни перемѣняли тылъ на лицо, другіе бѣжали дальше...

Русскіе не давали имъ опомниться. Боброкъ съ своими страшными усами и косой казался дьяволомъ.

— Го-го-го-го! стонали свѣжія русскія силы: — бей поганыхъ!

— Руби! коли! не оставляй на сѣмены!

— За падшую братію! за кровь хрестьянскую!

Стонъ прошелъ по татарскому ополченію—стонъ ужаса, отчаянья... Слышалось только имя Аллаха...

— Ала-ла-ла-ла-ла! Ала-ла-ла-ла! лопотали тысячи языковъ, тысячи пересохшихъ отъ утомленія глотокъ.

Но не помогалъ Аллахъ. На мертвыя кучи русскихъ валились новые мертвецы—убійцы прежнихъ... татарскіе трупы укрывали трупы русскіе; но покрывавшихъ было болѣе, чѣмъ покрытыхъ...

Татары шатались, какъ пьяные, и падали. Ихъ тутъ же кололи, разсѣкали саблями и топтали. Бѣжавшіе запрудили ручьи, и скоро вода ихъ превратилась въ кровь...

— Братцы! пить нечево—вода кровава, говорили русскіе воины, искавшіе, гдѣ бы имъ промочить пересохшее горло.

— Пей! — они нашу пили...

— Ихъ кровь погана...

— Это вамъ за Пьяну рѣку, проклятые! кричалъ Микитка-серпуховитинъ, загоняя въ воду цѣлый загонъ обезсилѣвшихъ и обезумѣвшихъ татаръ.

Это вамъ за село Карачарово! ревѣлъ Малюта-карачаровецъ, бывшій подъ Казанью: — это за Доброгнѣву! за Гориславу! за Верхуславу!

— Око за око, зубъ за зубъ, пояснялъ благочестивый воинъ, что преслѣдовалъ Микитку-серпуховитина за «крѣпкія, неудобь сказуемыя словеса»:—въ писаніи сказано—оже убьеть мужъ мужа...

— Али татаринъ мужъ! огрызается Микитка: – татаринъ собака, кобылій внукъ!

Другія части татарскаго ополченія, преимущественно конница, ударились въ бѣгство въ другую сторону, пра-

вѣе, къ Красной Мечѣ. За ними погнался Боброкъ съ отборными «комонниками». Поражаемые ужасомъ и русскими копьями, татары падали съ копей и погибали подъ копытами и ударами побѣдителя. Другіе поднимали руки къ небу, прося пощады...

— Они не пощадили великаго князя—не щади и ихъ! охрипшимъ голосомъ кричалъ Владиміръ Андреевичъ.

— За князя, братцы:—за хрестьянску, за княженецку душу, собачьи губи! кричали разсвирѣпѣвшіе ратные: — у ихъ пѣту души—паръ одинъ собачій.

— За княженецкой животъ—самово Мамая давай! десять Мамаевъ!

— Князь живъ, сказалъ Боброкъ:—не поминайте князя.

— Живъ ли воистину? обрадовался Володиміръ серпуховскій.

— Живъ... побачишь, княже... а теперь — пійте, братци, кроваве пиво...

Мамай, увидавъ съ возвышенья гибель своихъ полчищъ, затрепеталъ и, поднявъ къ небу руки, воскликнулъ, говорятъ лѣтописцы: «Расуль Аллахъ! Великъ Богъ христіанскій!...»

Онъ такъ былъ потерянъ неожиданной кровавой развязкой, что не догадался послать въ дѣло свѣжія, находившіяся около него рати, а самъ поворотилъ своего коня и бѣжалъ, окруженный сонмомъ своихъ князей, мурзъ и баскаковъ...

Пораженіе татарскаго войска было полное. Не добитое,

не утонувшее въ рѣчкѣ, оно въ безпорядкѣ бѣжало, покинувъ свой обозъ, возы, шатры, добычу...

— Не достало, братци, кроваваго вина, говорилъ Боброкъ, возвращаясь отъ Красной Мечи по полю, усѣянному трупами и умирающими въ мукахъ.

— Довольно—досыта упились и такъ, брате Димитріе, грустно замѣтилъ Владиміръ Андреевичъ: — а великаго князя все нѣтъ...

. . . . . .

Гдѣ же былъ великій князь?

Когда Ослябя, выпустивъ изъ рукъ щитъ съ вонзившимися въ него нѣсколькими копьями, былъ самъ пробитъ тремя ударами и свалился съ коня, великій князь, поражаемый ударами, потерялъ сознаніе... Изъ глазъ его все исчезло—небо, люди, кровь... въ ушахъ только раздался звонъ—словно всѣ колокола московскіе зазвонили... Не это ли онъ забылъ въ Москвѣ? не звонъ ли?...

Онъ потерялъ память...

Когда онъ очнулся, то увидѣлъ надъ собою голубое небо и зеленыя вѣтви ракитоваго куста... Онъ лежалъ около этого куста, а коня около него не было... Онъ слышалъ какой-то особенный шумъ битвы, не такой, какой былъ раньше... Что съ нимъ? Онъ чувствовалъ боль во всѣхъ членахъ, въ головѣ, въ рукахъ... Онъ видѣлъ, что доспѣхи его покрыты рубцами и кровью... Но чья это кровь?—его собственная?...

Онъ ясно услыхалъ голосъ Боброка и голоса русскихъ...

— «За падшую братью! за кровь хрестьянскую!».

— «За Великаго князя!».

Сердце его болѣзненно сжалось. Неужели онъ убитъ?... Такъ вотъ что забылъ онъ въ Москвѣ — животъ свой, свое великокняженіе, свою княгиню милую—все забылъ, все пропало...

Онъ приподнялся было на колѣни — хотѣлъ встать и не могъ. Внутри у него горѣло, губы запеклись, горло засохло:—онъ чувствовалъ пожирающую жажду... А гдѣ взять воды?... Донъ далеко, а онъ двинуться не могъ... Да и Донъ ли это? — не сонное ли видѣніе все это? — и вся жизнь не была ли сонъ... Нѣтъ, не сонъ, не сонъ--онъ видитъ это бездонное голубое небо, которое раскинулось надъ нимъ и надъ всею землею, и надъ Москвою—тамъ, далеко, далеко, гдѣ онъ забылъ что-то... Нѣтъ, не сонъ—онъ видитъ, какъ качаются надъ нимъ зеленыя вѣтви ракитоваго куста и какъ шелеститъ ими вѣтерокъ... Такъ не на кладбищѣ ли ужъ онъ?—не изъ могилы ли все это видитъ? — Да, разъ когда-то, утомленный охотой, онъ заѣхалъ къ Сергію и легъ тамъ на чьей-то могилѣ подъ деревомъ и такъ же видѣлъ голубое небо, и такъ же думалъ о смерти... Не сонъ — не сонъ это: онъ чувствуетъ, какъ огонь палитъ его внутренности, какъ болятъ всѣ его члены... И глухой шумъ битвы онъ слышитъ—все глуше, глуше—вѣрно дальше уходятъ, дальше гонятъ... А кто кого гонитъ? русскіе татаръ? — татары русскихъ? — Да что ему до этого! —

Какъ все это, что дѣлаютъ люди и что онъ дѣлалъ — какъ все это жалко и мелко, и грѣховно... И для чего онъ добивался великокняженія, для чего кланялся хану и Мамаю?—Суета суетъ!—И что въ томъ, что онъ одолѣлъ тверскаго князя, что ему теперь изъ этого!... А сколько погибло душъ христіанскихъ изъ-за того, что ему нужно было это великокняженіе!...

Смолкъ шумъ битвы... Все ушло куда-то—тихо, мертво кругомъ... Забыли, бросили его—бросили своего великаго князя... Да что онъ имъ! что ему самому великокняженіе, престолъ, подволока!... Суета суетъ!... Вонъ и Бренокъ былъ въ княжой подволокѣ и гривнѣ—а палъ—лежитъ мертвъ... Все суета...

Нѣтъ, не все мертво кругомъ: — слышны стоны—это такіе же, какъ и онъ, умирающіе... А отчего онъ не стонетъ?...

И великій князь глухо застоналъ... Что это?—На кустѣ сидѣла ворона, и стонъ испугалъ ее — она слетѣла съ куста... Чего она тутъ сидѣла?... А! — она сидѣла затѣмъ, чтобы его, великаго князя, клевать... Великокняжеское тѣло въ снѣдь воронѣ—хуже того—червямъ... Что-то такое сдѣлали съ великимъ княземъ, повергли его на землю, въ прахъ, подъ ракитовъ кустъ — и онъ уже не великій князь, а снѣдь враномъ...

И конь жалобно проржалъ... по комъ?—по себѣ—онъ тоже раненъ... слабо проржалъ... И конь, и великій князь, конь и всадникъ — добыча птицамъ... Кости одни оста-

нутся на полѣ Куликовѣ... А онъ еще думалъ, что его кости будутъ покоиться въ Архангельскомъ соборѣ, рядомъ съ костьми прародителей... А и они были великіе князи, а что отъ нихъ осталось!—кости сухія, истлѣвшею великокняжескою подволокою прикрытыя... Вонъ и кости Бренка будутъ тлѣть подъ подволокою... Все тлѣнъ, все суета... А только схимы на главахъ Пересвѣта и Осляби—не тлѣнъ, то не тлѣнъ...

Опять ворона сѣла на кустъ, заглядываетъ ему въ глаза... Что глядишь! — Лети въ поле—тамъ много такихъ, что уже не смотрятъ глазами... А не все ли равно! — только бы залить этотъ пекельный огонь въ груди, въ душѣ, во всемъ тѣлѣ... А не огнь ли это вѣчный?—не онъ ли палитъ?...

Пчела жужжитъ надъ головою... Чего она жужжитъ?... Цвѣтовъ она ищетъ, какъ онъ тоже всю жизнь искалъ... А для кого? — вотъ для вороны этой... И пчела не для себя ищетъ—и у нея отнимутъ и медъ, и воскъ... И будетъ изъ воску свѣча, и изъ меду — капунъ поминальный... и будутъ поминать великаго князя Димитрія, на брани убіеннаго... а княгиня будетъ плакать и горько причитать...

Онъ чувствовалъ, какъ что-то горячее —не то кровь, не то слеза—выкатилось изъ глазъ и по щекѣ сбѣжало подъ забороло...

Муха жужжитъ — кровь и смерть чуетъ... На шеломъ сѣла—съ шелома на лицо... лицо сморщилась судорожно—

муха перелетѣла на грудь, на руку... крови ищетъ... а кровь уже засохла...

Господи! сжалься... хоть бы капля воды... палитъ внутренности... за что же!... А за неправды, за зло, за князя тверскаго, за его гибель, за Олега рязанскаго... О Господи! - все бы княжество за ковшъ воды!...

Онъ опять сдѣлалъ усиліе — и со стономъ поднялся... Ворона замахала крыльями и улетѣла...

Онъ глянулъ на поле... и се поле полно тѣлъ человѣческихъ!... и кожа на нихъ, плоть—духа же не бѣ... Волосы, казалось, встали подъ шеломомъ на головѣ... Одни тѣлеса — а гдѣ духъ!... Душе живый! гдѣ ты? — куда отлетѣлъ!

Вонъ лошадь на трехъ ногахъ... треплется грива.. четвертая нога поджата... Это его конь, великокняжескій... Одна нога пробита копьемъ, и копье въ ногѣ торчитъ... а конь щиплетъ кровавую траву... бѣдный!... А о своемъ князѣ забылъ... всѣ объ немъ забыли...

Князь, держась за кусты и деревья, двинулся въ дубраву, къ Дону... Тамъ онъ найдетъ воду... Онъ остановился, чтобы передохнуть, и оглянулся назадъ... Конь, попрыгивая на трехъ ногахъ, продолжалъ щипать траву...

«Забылъ меня добрый конь... забылъ... всѣ забыли меня...»

Какъ бы въ отвѣтъ на его мысль, конь жалобно заржалъ и сталъ глядѣть по полю, ища кого-то — должно быть хозяина, а скорѣе конюха...

«Нѣтъ, не забылъ конь... люди забыли... Гдѣ жъ они всѣ?... Неужели всѣхъ въ полонъ угнали татары и оставили его только съ этими – съ мертвецами?...»

У него потемнѣло въ глазахъ... Онъ схватился за вѣтви какого-то срубленнаго дерева и упалъ головой подъ срубленный стволъ...

XIII.

Осмотръ поля битвы.

Когда великій князь вторично пришелъ въ себя, онъ замѣтилъ надъ собою то же голубое небо и ту же зелень вѣтвей, только вѣтви казались гуще, и солнце склонилось уже къ западу.

Онъ видѣлъ, какъ надъ нимъ съ вѣтки на вѣтку прыгала бѣлка, поглядывая на него своими живыми глазками, а когда онъ пошевелился и тяжело вздохнулъ, бѣлка ускакала на другое дерево.

Димитрію показалось, что онъ чувствуетъ себя легче, хотя жажда попрежнему палила внутренности, и тѣло все ныло отъ боли.

Ему явственнѣе стало припоминаться все, что было еще такъ недавно, и въ то же время казалось такъ давно случившимся. Но теперь онъ слышалъ гулъ огромнаго множества голосовъ и ржаніе коней.

Скоро голоса послышались совсѣмъ недалеко — и радостный трепетъ пробѣжалъ по всему его тѣлу. Онъ

узналъ голоса Боброка, князя Владиміра Андреевича, Олгердовичей...

— Должно его конь занесъ куда—а куда—Богъ вѣдаетъ, узналъ Димитрій голосъ друга своего Володиміра: спаси его Господи...

— Коня найшли и князя найдемо, увѣренно прозвучалъ голосъ Боброка.

— Среди убіенныхъ не обрѣтаютъ великаго князя, сказалъ кто-то, голосъ котораго былъ, казалось, незнакомъ Димитрію:—я раненыхъ напутствовалъ святыми дарами и вопрошалъ о князѣ:—никто не слыхалъ о немъ.

— Я здѣсь! силился крикнуть великій князь, но только глухо простоналъ.

— Кто-то стонетъ...

— Гдѣ?—кто?

— Сейчасъ простонало, а гдѣ—не вѣдаю...

— Ищите, други, Бога-деля...

Стонъ повторился... ближе, явственнѣе...

— Стонетъ!—стонетъ!

— Близко, подъ деревомъ точно...

— Друже мой! брате! совсѣмъ явственно послышалось.

— Княже! Господине!—гдѣ ты?

— О Владычица!

— Здѣсь я...

— Тутъ—тутъ онъ... охъ!—ищите!...

— Та ось винъ—пидъ ялиною... найшли! живый!

Зоркіе глаза Боброка первые увидали лежавшаго подъ

вѣтвями срубленной ели великаго князя. Всѣ съ радостнымъ крикомъ бросились къ нему, свернули ель въ сторону.

— Княже! друже искренній! припалъ передъ нимъ на колѣни Володиміръ:—что съ тобой! охъ! Боже!

— Умираю я, друже, слабо отвѣчалъ великій князь.

Всѣ припали къ нему, стоя на колѣняхъ.

— Нѣтъ... Богъ милостивъ... теперь только жить...

— Медъ-вино пить та татарву бить, весело добавилъ Боброкъ.

— Ты побѣдилъ, княже, торопливо говорилъ Володиміръ: — мы все поле загатили трупомъ... нечестивый Мамай бѣжалъ, гонимъ гнѣвомъ божіимъ...

— Я побѣдилъ, горько сказалъ великій князь, приподнятый друзьями:—кого я побѣдилъ!—меня побѣдила сѣнь смертная...

— Побѣда преславная, каковой не бывало, какъ и свѣтъ стоитъ...

— Охъ! промочите гортань мою... умираю... огнь жжетъ мою душу, съ усиліемъ проговорилъ поддерживаемый раненый князь.

— Я напою тебя кровію христовою, господине княже, и дамъ ти воду живу.

Это проговорилъ тотъ голосъ, что упоминалъ о напутствованіи раненыхъ. То былъ священникъ, благословлявшій Пересвѣта на единоборство съ Телебеемъ и теперь стоявшій около князя съ сосудомъ и дарами, ко-

торыми онъ причащалъ все время раненыхъ, ходя по полю и отыскивая великаго князя.

Князь радостно взглянулъ на священника.

— Отче! сподоби мя, грѣшнаго, тѣла и крови Спасителя нашего...

Князя приподняли. Онъ набожно крестился, повторяя за священникомъ причастную молитву...

— Причащается рабъ божій Димитрій...

— Тѣло христово пріимите, источника безсмертнаго вкусите, проговорили присутствующіе.

Боброкъ между тѣмъ снялъ висѣвшіе у него за плечами на перевязи фляжку и рогъ въ серебряной оправѣ, налилъ въ рогъ изъ фляжки то, что въ ней оставалось, и поднесъ къ губамъ великаго князя.

— Пій, господине княже, сказалъ онъ:—се теплота...

— Что се, брате Димитріе? спросилъ князь.

— Вода жива... оковита... аква витэ римски... послѣпричастна теплота...

— Вино?—церковное?

— Угорське—добре... запридухъ...

Князь съ жадностью припалъ губами къ краямъ рога...

— Пій, усе пій, живъ и здравъ будеши, пояснялъ Боброкъ.

Димитрій жадно пилъ. По мѣрѣ того, какъ все выше поднимался острый конецъ рога, блѣдное лицо князя болѣе и болѣе играло краскою, глаза оживлялись...

Рогъ опорожненъ дочиста... Боброкъ даже крякнулъ отъ удовольствія...

— Оттакъ добре буде...

— Добре—добре, брате, оживился Димитрій; —во мнѣ силы прибыло—слышу сіе...

— Та прибуло́ жъ—якъ у Ильи Муромця съ ковша браги...

Дѣйствительно, вино и радостныя вѣсти такъ оживили великаго князя, что онъ самъ могъ идти къ своему шатру, раскинутому наскоро, хотя Владиміръ Андреевичъ и поддерживалъ его. Онъ видѣлъ, что все поле, отъ лѣса, гдѣ онъ лежалъ, до самой Нѣпрядвы, усѣяно тѣлами человѣческими, и по этому полю ходятъ люди, нагибаются къ землѣ, разсматриваютъ убитыхъ и раненыхъ, переворачиваютъ, приподымаютъ ихъ и то перетаскиваютъ съ мѣста на мѣсто, то сваливаютъ одного мертвеца на другаго, то отдѣляютъ одного убитаго отъ другаго, если случалось, что русскій и татаринъ, въ предсмертной борьбѣ, удушая одинъ другаго или перегрызая противнику горло, умирали или другъ на дружкѣ, русскій на татаринѣ, татаринъ на русскомъ, или обнявшись въ этой борьбѣ и сплетясь руками и ногами. Казалось, люди ходили по полю и искали ягодъ, цвѣтовъ или грибовъ, нагибаясь и всматриваясь въ то, что у нихъ подъ ногами. Но это не было исканіе ягодъ и грибовъ: иной, увидя что-либо ужасное, горестно ломалъ руки или отчаянно всплескивалъ ими, другой — съ яростію прикалывалъ копьемъ къ землѣ, или рубилъ саблей ненавистный трупъ врага, или домучивалъ его, если онъ

«И зачѣмъ онъ это говоритъ!» думалось Боброку:—«до того ли теперь!... вамъ служить, а мнѣ радоваться на столѣ своемъ—нагорожать... эхъ! московськи примхи».

Онъ нетерпѣливо повернулся на сѣдлѣ... У него не такія слова звучали въ сердцѣ, не «служба» и «награда», а что-то другое... «щекотъ славій успе»... «говоръ галичь убуди»... «звенитъ слава въ Новѣгородѣ»... «слава», а не «награда»... У Боброка была поэтическая душа, сердце, взлелѣянное жаркимъ солнцемъ юга, отзывчивая, творческая мысль...

— Братіе! продолжалъ великій князь:—да предастъ земли кійждо изъ васъ тѣло ближняго своего и да не будутъ въ снѣдь звѣремъ тѣла христіанскія...

«Оце добре», подумалъ Боброкъ.

А великій князь, оглянувъ глазами поле и трупы, которыхъ и сосчитать было невозможно, воскликнулъ:

— Се день, его же сотвори Господь,—возрадуемся и возвеселимся въ онь!

Оглянувшись на Боброка, онъ увидѣлъ на лицѣ его необычные слѣды грусти и задумчивости.

— Брате Димитріе! обратился онъ къ нему:—воистину ты разумливъ еси:—неложна сталася твоя примѣта... Отнынѣ буди присно воеводою.

Боброкъ поклонился, но ничего не отвѣчалъ. На него нашелъ молчаливый стихъ... Слова великаго князя о «службѣ» ему и о «наградахъ» навели на него раздумье...

«*Ему* служити, *его* боронити, а не землю русскую...

Оттакой!... А давно бувъ пидъ ялиною?—лежавъ, мовъ вовкъ съ кисткою въ горли... А журавель кистку вызволивъ изъ горла, такъ теперь журавлеви голову долой... О, московська торбина!—забере колись вона и насъ, волынянъ, и подолянъ, и кіянъ до себе въ службу... Забере!..»

XIV.

Мамаево побоище продолжается понынѣ.

—

Мы снова въ селѣ Карачаровѣ.

Около девяти мѣсяцевъ прошло со дня, когда совершилось «Мамаево побоище». Весна начинаетъ уже впадать въ лѣто. Травы въ полномъ цвѣту, хотя косовица еще не наступила. Кукушка еще не откуковала. Рожь еще не выкинула колоса, и соловей не потерялъ голоса—все еще щебечетъ на зарѣ и по ночамъ. Страдная пора еще не наступила—самая, значитъ, пора водить «игрища».

И «игрище» опять идетъ на «дѣвичьемъ полѣ» въ Карачаровѣ. Плетутъ дѣвки плетни и расплетаютъ, а парни разрываютъ эти плетни, врываясь въ «конъ», словно татары.

А тутъ же на лугу, подъ старымъ дубомъ, который помнилъ еще и Андрея Боголюбскаго и какъ, во время неурожая, волхвы избивали «старую чадь бабы», что держали «гобино и жито», и вѣшали бабъ на этомъ дубѣ, — подъ этимъ дубомъ опять сидѣли мужи, жены

и старцы и вспоминали свою молодость, глядя на игрища молодежи и прислушиваясь къ ихъ пѣнію, напоминавшему еще «Трояновы вѣка» и «Дажбоговыхъ внуковъ...»

— А какъ стали мы отбирать хрестьянски тѣла отъ поганыхъ, да рыть ямы, да сносить въ тѣ ямы нашихъ ратничковъ побитыхъ, такъ и не приведи Богъ что было! говорилъ, сидя подъ дубомъ, знакомый намъ Малюта-карачаровецъ, что былъ и подъ Казанью, и на Пьянѣ рѣкѣ съ Арапшою бился, и въ Мамаевомъ побоищѣ утеръ поту.

— Это еще слава ти, Господи, что тѣла хрестьянски похоронить можно было, въ свою очередь замѣтилъ бѣлый, какъ лунь, дѣдушка Рогволодъ.—А вотъ какъ я отъ дѣдовъ да прадѣдовъ слыхалъ, а тѣ отъ своихъ дѣдовъ да прадѣдовъ слыхивали про Калку рѣку: — тамъ и похоронить никого не дали поганые... Съ той самой Калки рѣки они и обволодѣли русскою землею.

— А теперево имъ ужъ не володѣть...

— Про то Богъ вѣдаетъ...

—А мы просо сѣяли—сѣяли,
Ой Дидъ-Ладо, сѣяли—сѣяли—

опять доносилось съ игрища однообразное величанье...

— Восемь дѣнъ копали ямы да зарывали ратничковъ...

— А поганыхъ?

— Ихъ птицѣ да звѣрю оставили... А что птицы налетѣло да звѣря нашло!—со всего свѣта, кажись, собралось вороньё да орлы... Да только не всѣхъ нашихъ похоронили.

— А почто такъ не всѣхъ?

— Да почто!—А какъ ты, дѣдушко Рогволодъ, распознаешь—чьи кости бѣлыя остались?—Многихъ такъ звѣрь обглодалъ да птица исклевала, что ни глазъ, ни виду, ни плоти—одна кость!..

— А по портамъ да доспѣхамъ?

— Каки порты, дѣдушко! все звѣрь растащилъ.. А то найдешь руку, либо ногу, а чья она—Богъ вѣсть.

Старикъ задумчиво покачалъ головой. А игрище звенѣло молодыми голосами:

А мы уздомъ шелковымъ—шелковымъ,
Ой Дидъ-Ладо, шелковымъ—шелковымъ...

— А что съ Боброкомъ сталось? спросилъ старикъ, прислушиваясь къ пѣнію.

— Сказываютъ, оборотился сѣрымъ волкомъ и бѣжалъ въ Тмутаракань.

— Такъ ужъ онъ не Вольга ли Всеславьевичъ?

— Какой Вольга Всеславьевичъ?

Обучался первой хитрости—мудрости—
Обертываться яснымъ соколомъ,
Обучался другой хитрости—мудрости—
Обертываться сѣрымъ волкомъ,
Обучался третьей хитрости—мудрости—
Обертываться туромъ—золоты рога...

— А може и онъ, Боброкъ-отъ, былъ самъ Вольга... только не хотѣлъ на Москвѣ оставаться...

Въ это время изъ-за лѣсу показались какіе-то прохожіе. Ихъ было человѣкъ пять—шесть. Одѣты они были въ какія-то лохмотья. Они шли тихо, опираясь на длинныя палки.

Прохожіе подошли къ игрищу. Игрище прекратилось— послышались крики изумленія и радости...

— Матыньки мои! Доброгнѣва пришла, Доброгнѣвушка!

— Яруполкушко! ты ли это!

— Верхуслава! Милолика! полоняночки наши!

Это дѣйствительно были полоняники, пять лѣтъ тому назадъ угнанные Арапшою въ Орду.

Здоровенный Яруполкъ, который былъ въ числѣ полоняниковъ и полонянокъ изъ Карачарова, сдержалъ свое слово: убѣгъ изъ полону и съ собой дѣвокъ увелъ...

— А какъ же ты убѣгъ, Яруполкушко? дивились карачаровцы.

— А какъ убѣгъ!—Пришелъ это на Орду Тактамышій богатырь, погромилъ Орду—татары на убѣгъ отъ ево— а мы отъ татаръ—да вотъ и пришли домой... А Мамай, сказываютъ, бѣжалъ на море на кіянъ, на островъ на Буянъ, да оборотился сѣрой утицей... А откуда ни возьмись младъ ясенъ соколъ—и убилъ утицу...

— Это Боброкъ, увѣренно сказалъ Малюта.—Не даромъ онъ оборотился сѣрымъ волкомъ и бѣжалъ въ Тмутаракань... Вотъ тебѣ и Мамай!...

Да, Мамай дѣйствительно погибъ. Убѣгая отъ русскихъ, онъ наткнулся на новаго противника, на Тохтамыша—и поворотилъ къ морю, не къ окіяну, какъ сообщалъ Ярополкушко, а къ Черному морю, къ Тмутаракани — въ Крымъ. Тамъ, въ Кафѣ, генуэзцы и убили этого хищнаго звѣря...

«Русь торжествовала», говоритъ нашъ почтенный историческій живописатель Н. И. Костомаровъ, въ своей прекрасной статьѣ о «Куликовской битвѣ».—«Русь одною битвою, трудами одного дня, покупала себѣ свободу отъ полуторавѣковаго рабства. Но свобода не дается ни быстро, ни дешево. Черезъ два года послѣ того Тохтамышъ, ниспровергнувши державу Мамая и ставши самъ ханомъ Золотой Орды, нагрянулъ на Москву: онъ искалъ возвращенія правъ ханскихъ надъ строптивымъ рабомъ. Москва была разорена. Русь признала снова такъ внезапно сверженное иго. Зато Куликовская битва все-таки предуготовила на будущее время независимость русскихъ земель и открыла борьбу на жизнь и на смерть между славянами и татарами. Память объ этой побѣдѣ напечатлѣлась въ русскомъ духѣ. Много разъ послѣ того татары давали русскимъ чувствовать себя, но впечатлѣніе Куликовской битвы не умирало: Русь уже испытала, что можно не только отбивать грозныхъ татаръ, но истреблять многочисленныя ихъ полчища; а въ многочи-

сленномъ полчищѣ была вся сила, все могущество Орды. Съ памятью Куликовскаго побоища Русь возрастала и дожидалась лучшихъ временъ, и когда пришли они, Русь совершила надо всею силою завоевательнаго полчища то, что сдѣлала прежде на Куликовомъ полѣ, надъ полчищемъ Мамаевымъ. Русь разсѣяла, истребила, стерла съ земли эту грозную завоевательную силу. Такимъ образомъ, побѣда куликовская нравственнымъ вліяніемъ на духъ народный стала какъ-бы первообразнымъ событіемъ не только освобожденія Руси отъ татаръ, но и обратнаго покоренія первою послѣднихъ,—господства славянскаго племени надъ завоевательными и разрушительными племенами Средней Азіи».

Эту работу—прибавимъ мы отъ себя—славянское племя продолжаетъ и понынѣ:—«Мамаево побоище», начавшееся *8 сентября 1380 года*, прошло уже черезъ пять столѣтій и еще, вѣроятно, потянется на много вѣковъ: — «восточныхъ звѣрятъ» послѣ Мамая остались сотни милліоновъ. Спачала воевали съ ними одни «сѣверные русичи»—московскіе, суздальскіе и иные Микитки да Добрыньки съ Боброками, да Меликами да Серкизами, да Волуй Окатьичами во главѣ; потомъ пошли бить «звѣрятъ» и «южные русичи»—Петруси да Грицьки, внуки Боброка, «козаки» да «запорожцы» съ Байдами, Хмельницкими да Сирками, да Паліями во главѣ... Пало не одно татарское царство: пали царства Казанское, Астраханское, Крымское... Мамаи и Тохтамыши ходятъ теперь подъ

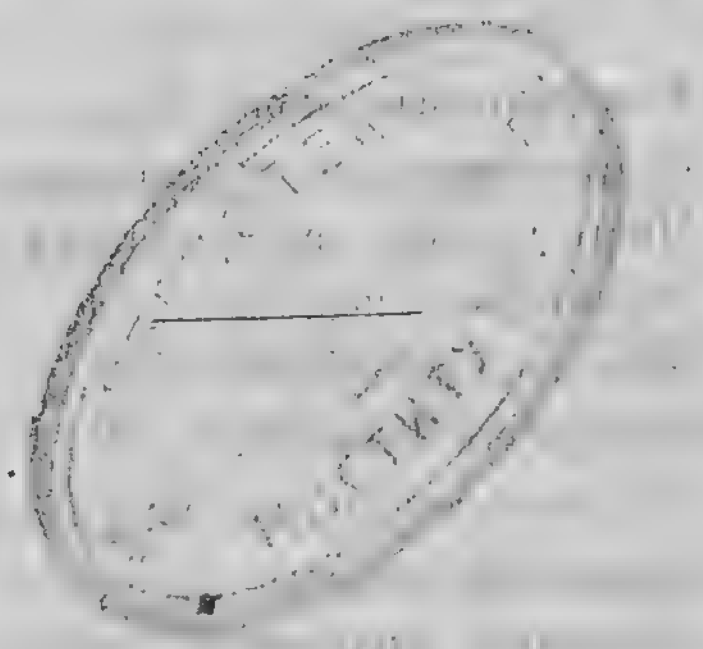
окнами и продаютъ «халаты», какъ прежде продавали русскихъ князей, княженъ и иныхъ полоняниковъ... Тамерланы стали хорошими дворниками, а Чингисханы и Гирей — лучшими лакеями у Дюсо и Бореля... Поэтъ прекрасно передалъ судьбу этихъ восточныхъ царствъ, обращаясь къ татарину:

Ваше царство славно было,
Съ препочтенной, мощной дланью;
Много нашихъ спитъ костями
Въ пирамидѣ подъ Казанью.
Ваше царство славно было,
А цари его богаты...
Продаютъ теперь ихъ внуки
Полосатые халаты.
Въ нашихъ избранныхъ трактирахъ
Не выходятъ вонъ изъ моды...
Дарвинъ правъ былъ, что повѣрилъ
Въ силу крови, въ мощь породы...

Послѣ стали бить «восточныхъ звѣрятъ»—собственно не бить, а «сдачи давать»—и южные славяне: болгары, сербы, черногорцы...

«Мамаево побоище» продолжается... стукъ ломаемыхъ копій мы слышали два года тому назадъ... Бобровъ, Волуй Окатычей да Серкизовъ, да Меликовъ замѣнили только Черняевы, Гурки, Скобелевы, Драгомировы, Лорисъ-Меликовы съ своими «великими князьями»... Мы слышимъ этотъ стукъ и сейчасъ... Въ этомъ прекрасномъ

мірѣ все такъ странно сложилось, что люди, по своей глупости, постоянно грызутся какъ звѣри и страдаютъ, когда могли бы жить въ полномъ согласіи и дружно работать для общечеловѣческаго счастья... Жалкіе, глупые люди, создавшіе для себя вѣчную «мамайщину»...



80 K